

AVERY
LIBRARY

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

COLUMBIA
СОЧИНЕНИЕ
UNIVERSITY

АКАДЕМИКА А. М. ПАВЛИНОВА.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ К^о.
Пименовская улица, собственный докъ.

1894.

Александр

Абелу
АА

1181
1928

~~Т.А.~~

~~32-31366~~

Дозволено цензурою. Москва, 1 февраля 1894 г.

~~НН~~

~~1181~~

~~1928~~

Триш

32-31366 Дел. 11.1933 087
Transfer KPZ 4/25/77

Отсутствие исторіи русскаго искусства, въ нашей литературѣ, замѣчено очень давно. Пробѣлъ этотъ, по мѣрѣ возрастанія интереса къ родной старинѣ, съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе ошутительнымъ. Главная трудность выполненія этой задачи, полагають, заключается въ недостаточномъ количествѣ отдѣльныхъ работъ, отдѣльныхъ специальныхъ монографій, между тѣмъ какъ изученіе этого обширнаго предмета требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія, соединенныхъ силъ и знаній, трудныхъ не только самихъ по себѣ, но и по ихъ собиранію. Только въ послѣднія двадцать пять лѣтъ стали больше обращать вниманія на памятники родной старины, занялись ихъ изслѣдованіемъ, стали собирать, снимать и описывать.

Многолѣтнимъ трудомъ, послѣ долгой и упорной борьбы съ предразсудкомъ, отрицавшимъ все русское, наконецъ, удалось не только указать на примѣры родного творчества, но и поставить ихъ на должный пьедесталь, освѣтить съ разныхъ сторонъ и тѣмъ положить начало болѣе прочному изученію русскаго искусства.

Когда важность изученія древнихъ памятниковъ стала очевидна, за ея разработку взялись цѣлыя учрежденія. Рядъ командировокъ и экспедицій значительно двинули дѣло впередъ. Появились ученые монографіи

и отдѣльныя сочиненія по разнымъ отраслямъ искусства. Масса матеріала собрана, хотя много есть еще и нетронутаго. Несмотря на послѣднее, полагаемъ, что теперь уже настала пора начать обобщенія и дѣлать возможные выводы. Это даже необходимо для того, чтобы сознать собственные недостатки, то-есть уяснить, что надо измѣнить, дополнить и тѣмъ облегчить дальнѣйшую разработку этого обширнаго и труднаго предмета.

Выпуская въ свѣтъ этотъ первый нашъ опытъ исторіи русской архитектуры, беремъ одинъ только отдѣлъ искусства, именно зодчество.

Разсматривая взятый матеріалъ, придерживаемся нашей программы, опубликованной еще въ 1886 г. *) и принимаемъ слѣд. дѣленіе на періоды: домонгольскій, монгольскій, періодъ процвѣтанія и паденія. Этимъ оканчивается разборъ каменныхъ церковныхъ сооружений. Далѣе слѣдуетъ деревянное церковное зодчество и рѣзное дѣло. Затѣмъ—постройки гражданскія и военныя.

При изложеніи избѣгаемъ, гдѣ возможно, утомительныхъ повтореній и описаній, указывая на детали, не вдаемъ въ большія подробности, уясненіе которыхъ требуетъ большой наглядности и, слѣдовательно, особаго сочиненія со множествомъ крупныхъ рисунковъ, что не входитъ въ задачу настоящаго изданія.

*) Художественныя новости № 23 1-го Декабря. О планѣ исторіи архитектуры въ Россіи.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Домонгольскій періодъ.

	<i>Стр.</i>
Опредѣленіе времени домонгольскаго періода; принятіе религіи, первыя постройки и мастера.	1— 6
Соборъ Спаса въ г. Черниговѣ	6— 14
Елецкій монастырь; Десятинная церковь: ц. с. Берестова	14— 16
Св. Софія въ Кіевѣ, башни—лѣстницы и реставрація.	16— 23
Св. Софія въ Новгородѣ	23— 26
Храмъ въ монастырѣ Антонія Римлянина, въ Новгородѣ; храмъ Юрьевскаго монастыря и ц. Спаса въ Нередицахъ, въ Новгородѣ; Кіево-Кирилловская и Михайловскій соборъ въ Кіевѣ.	26— 30
Храмъ Спасо-Мирожскаго монастыря въ Псковѣ	30— 38
Храмъ Благовѣщенія въ г. Витебскѣ	38— 46
Храмъ въ Ефросиніевскомъ монастырѣ, въ г. Полоцкѣ	56— 50
Св. Софія въ г. Полоцкѣ и разв. Борисоглѣбской церкви.	50— 55
Владимірско-Суздальскія церкви: Дмитріевскій соборъ	55— 60
Успенскій соборъ во Владимірѣ; ц. Покрова на Нерли	60— 69
Мнѣніе разныхъ ученыхъ о Владиміро-Суздальской архитектурѣ.	69— 78
Миніатюры рукописей	78— 84
Объ алтарныхъ преградахъ.	84— 88
О призывѣ къ богослуженію.	88— 92
Сводъ сказанному	92— 96

Монгольскій періодъ.

<i>Новгородско-Псковское братство</i> . Ивановскій монастырь.	97—101
Снѣтогорскій храмъ	101—103
О церквахъ XIV—XV вѣковъ: ихъ виды и особенности	103—107
Церкви XVI—XVII в.	107—108
О звонницахъ и колокольныхъ	108—110
<i>Паденіе Владиміра и образованіе Москвы</i> . Первыя московскія церкви: Даниловъ монастырь, Спасъ на Бору и др.	110—113
Первыя церковныя постройки XIV в.	113—114
Храмъ въ Саввиномъ монастырѣ, въ Звенигородѣ, и друг.	114—117
Призывъ псковскихъ мастеровъ; Благовѣщенскій соборъ.	117—129

Періодъ процвѣтанія.

	<i>Стр.</i>
Успенскій соборъ	130—134
Архангельскій соборъ	134—137
Храмъ въ Чудовомъ монастырѣ	137—138
Ц. Вознесенія въ с. Коломенскомъ	139—140
Ц. въ с. Дьяковѣ	141—144
Покровскій соборъ	144—147
Древн. ц. въ Донскомъ монастырѣ и въ Рязанск. губерніи	148—149
Голоколья Ивана Великаго	149—151
Шатровыя церкви XVII в. въ с. Медвѣдковѣ, с. Спасскомъ, въ с. Бесѣдахъ; Архангельскій соборъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; Никитская въ с. Елизарсвѣ и друг.	151—155
Ц. На Бутыркахъ	155—156
Ц. Козьмы и Даміана, Грузинской Троицы, Николая Хамовники, Никола въ Пыжахъ, Никола въ Столпахъ и др.	157—159
Ц. с. Останкина, с. Маркова, с. Тайнинскаго.	159—161
О звонницахъ	161—162
Ярославскія церкви: Іоанна Предтечи въ Толчковѣ и соборъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ	162—172
Ц. Іоанна Златоуста въ Коровникахъ въ Ярославлѣ	172—177
Ц. Николая Мокраго, Ильи Пророка и проч.	177—182
Ростовскія церкви: Іоанна Богослова, Воскресенія	182—192
Ц. Борисоглѣбскаго монастыря, Спасъ на Сѣняхъ, Соборъ и пр.	192—200
Обзоръ церковныхъ построекъ въ другихъ городахъ.	20—20;
<i>Періодъ упадка.</i> Ц. Владимірск. Богоматери на Никольской улицѣ, въ Москвѣ; на Филахъ; въ Разумовскомъ и пр.	207—208

Деревянное зодчество.

<i>О деревянныхъ церквахъ.</i> Раздѣленіе на типы и виды, ц. св. Варвары въ г. Псковѣ; Рождество Богоматери; ц. св. Николая въ деревнянскомъ погостѣ; ц. Св. Николая въ Голубинской станицѣ: ц. въ Якобштадтѣ; въ с. Подпоражьи; Новомосковскѣ и др.	209—218
<i>Объ иконостасахъ.</i> Царскія двери и царскія врата, ихъ изображеніе на миниатюрахъ. Царскія врата въ ц. на рѣкѣ Ишмѣ, близъ Ростова; въ Звенигородѣ; Псковѣ; Новгородѣ и пр.	218—225
Царскія врата въ Москвѣ, Ярославлѣ, Владимірѣ, Костромѣ, Суздали, Переяславлѣ и пр.	225—228
<i>Рѣзные иатры.</i> Царское мѣсто въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ;— въ Новгор. Софіи и пр.	228—230

Стѣны въ г. Ярославль: въ ц. Ильи Пророка, въ Борисоглѣбскомъ соборѣ. Сидѣнья у Николы Мокрого въ Ярославль, Стѣны въ ц. Николая Нодѣльскаго и пр.	230 - 238
--	-----------

О гражданскихъ сооружеиіхъ.

Общія понятія. Изба, клѣтъ, грядня, повалуша, нарядить нутро и пр.	239—247
Постройки при Царѣ Иванѣ III и Царѣ Иванѣ IV. Призванные мастера. Дворецъ въ Угличѣ	247—251
Постройки при Борисѣ Годуновѣ, Самозванцѣ и Шуйскомъ	251—256
Постройки при Царѣ Михаиленѣ Теодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ.	256 - 257
Частныя постройки и конецъ Русскаго искусства	256—257
<i>О древнихъ укрѣпленіяхъ.</i> Первоначальныя укрѣпленія. Каменныя укрѣпленія, монастыри, Московская крѣпость, ея стѣны и ворота, Сухарева башня и переходъ къ западной архитектурѣ	257—264
Поправки	265

Домонгольскій періодъ.

Въ исторіи русской архитектуры, подъ періодомъ домонгольскаго ига разумѣется время отъ начала образованія славянскаго союза, подъ властью призванныхъ въ IX вѣкѣ русскихъ князей Рюрика, Синеуса и Трувора, до нашествія монголовъ въ XIII вѣкѣ. Этотъ періодъ ознаменованъ весьма важнымъ событіемъ — принятіемъ Русью христіанства. (въ 988 г.).

Лѣтописныя подробности о крещеніи Руси и историческія сказанія о существованіи древнихъ церквей въ Кіевѣ и Новгородѣ приводятъ къ заключенію, что вѣра Христова была и раньше значительно распространена какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и кругомъ его, но не была окончательно упрочена. Официальное ея принятіе, какъ полагають, совершалось три раза: въ первый разъ при Аскольдѣ и Дирѣ, во время царствованія въ Царѣ-градѣ императора Михаила III-го и патріаршества Фотія¹⁾, и продолжалось до взятія Кіева Олегомъ, который снова возстановилъ тамъ язычество. Во второй разъ христіанство сдѣлалось официальною религіею Руси при великой княгинѣ Ольгѣ, супругѣ Игоря. Какъ извѣстно, она вѣдила

¹⁾ См. „Исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ Макарія, архієпископа Харьковскаго. Сиб. 1868 г., стр. 209 и далѣе.

въ Царь-градъ, приняла тамъ сама крещеніе, а вслѣдъ за нею крестились и многіе. Но когда ея сынъ, Святославъ, сдѣлался правителемъ страны, язычество снова вступило въ права господства. Несмотря на всѣ увѣщанія своей матери, Святославъ не согласился принять крещеніе и остался язычникомъ. Великій князь Владиміръ, вначалѣ, былъ сильнымъ поборникомъ язычества, ставилъ новыхъ идоловъ и приносилъ въ ихъ честь человѣческія жертвы, но впослѣдствіи, обратившись въ христіанство, съ такою же энергіей сталъ разрушать языческія капища и жертвенники и вводитъ, по всей подвластной ему странѣ, вѣру въ истиннаго Бога.

Не станемъ пересказывать свидѣтельства лѣтописцевъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ великое событіе, но считаемъ достаточнымъ замѣтить, что послѣ крещенія Руси при Владимірѣ, частью добровольнаго, частью насильственнаго, христіанство окончательно утвердилось въ странѣ, и повсюду стали воздвигаться въ ней деревянные и каменные храмы, преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ передъ тѣмъ стояли языческіе идолы.

Въ то время постройки на Руси производились, преимущественно, изъ дерева, и есть основаніе предполагать, что деревянное зодчество стояло тогда на значительной степени развитія, такъ какъ славяне съ давнихъ поръ слыли хорошими мастерами деревяннаго дѣла. Этому, конечно, не мало способствовало обиліе лѣса, которымъ природа надѣлила Русскую землю. Въ пору междоусобій Святополка съ Ярославомъ, въ XI вѣкѣ, кіевляне называютъ новгородцевъ *плотниками* и кричатъ имъ: *а вы плотницы суици! А поставимъ вы хоромъ рубити нашимъ* ¹⁾).

¹⁾ „Лѣтопись Новгородскимъ церквамъ Божиимъ“. Изданіе Археографической Коммисіи. Сиб. 1879 г.

Деревянныхъ сооруженийъ домонгольскаго періода до насъ не сохранилось, и о нихъ можно судить только по описаніямъ. Каковы были языческіе храмы, а равно и гражданскія сооруженія на Руси до Владиміра, мы уже указывали въ концѣ нашей статьи „О доисторической порѣ искусства на почвѣ Россіи“¹⁾.

Первые наши храмы строены пришлыми греческими мастерами, и потому наше первое каменное искусство было чужеземное. Оно мало имѣло общаго съ русскимъ искусствомъ, начало котораго лежитъ не въ каменномъ, а въ деревянномъ зодчествѣ.

Разсмотрѣвъ каменные сооруженія, посвятимъ въ концѣ нашей исторіи особую главу исключительно деревяннымъ постройкамъ.

Не затрогивая гражданскихъ деревянныхъ сооруженийъ, мы приступимъ къ описанію церковной каменной архитектуры и доведемъ этотъ рассказъ до болѣе позднихъ памятниковъ русской архитектуры, въ которыхъ вновь встрѣтимся съ формами того же деревяннаго зодчества.

Позднѣйшая русская архитектура составляетъ, какъ увидимъ ниже, лишь продолженіе древняго деревяннаго исконнаго русскаго строительства, которое возникло давно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началась Русь, но съ торжествомъ христіанства, оно должно было, при постройкѣ храмовъ, временно уступить свое мѣсто иноземному, византійскому каменному зодчеству. Обездоленное русское исконное искусство тогда сдѣлалось лишь достояніемъ гражданскаго быта.

Съ принятіемъ христіанства, къ намъ являются греческіе мастера. На это имѣемъ указанія въ лѣтописяхъ,

¹⁾ См. Вѣстникъ Изящн. Искусствъ 1887 г. вып. 1 й и послѣдній.

напр. ¹⁾: *Въ лѣто 6501... созда Володиміръ церковь Пречистыя Богородицы камену въ Кіевъ мастера греческыи.*

Съ этого времени встрѣчаются въ лѣтописяхъ частыя указанія на каменныя церковныя сооруженія, равно какъ и на гражданскія постройки разнаго рода. Такъ напр., въ Лаврентьевской лѣтописи упоминается ²⁾, что при княгинѣ Ольгѣ существовалъ *за св. Богородицей дворъ теремной; бѣ бо тутъ теремъ камень.* Подъ 1090 годомъ, говорится ³⁾, что *Ефремъ заложилъ отъ воротъ и строеніе банное камено.* За первые годы христіанства въ Россіи говорится также о каменныхъ крѣпостяхъ; напр., подъ 1044 годомъ ⁴⁾, упоминается, что князь Ярославъ *на весну заложилъ Новгородъ и здѣла на Софійской сторонѣ каменной городъ;* подъ 1090 годомъ ⁵⁾: *Въ се же лѣто заложенъ бысть (Всеволодомъ) городъ Переяславль камень, а прежде былъ деревянъ, и т. д.*

Всѣ эти каменныя сооруженія, вѣроятно, воздвигались греческими мастерами въ ихъ національномъ стилѣ, равно какъ и наши первыя каменныя церкви, которыя, какъ увидимъ ниже, нерѣдко находились въ связи съ гражданскими зданіями.

Лѣтописи, сверхъ того, иногда приводятъ имена и русскихъ первыхъ зодчихъ. Такъ, напр., въ Новгородской третьей лѣтописи ⁶⁾, подъ 1119 годомъ, говорится: *Въ лѣто 6627 великій князь Всеволодъ Мстиславичъ заложилъ церковь каменную въ Великомъ Новгородѣ.... на па-*

¹⁾ П. С. Р. Л., т. 9, стр. 57.

²⁾ П. С. Р. Л., I, 23.

³⁾ Сводная лѣтопись, составленная по всѣмъ изданнымъ спискамъ Л. П. Лейбовичемъ.

⁴⁾ Лѣтописецъ новгородскимъ церквамъ Божиимъ, изд. Археографической комиссіи. Слб., 1879.

⁵⁾ Свод. Лѣтоп., изд. Лейбовичемъ, стр. 2.

⁶⁾ Т. 3, стр. 214, изд. 1841 г.

мять св. апостоловъ Петра и Павла; а мастеръ потрудился Петръ ¹⁾). Въ Новгородской 4-й ²⁾, подъ 1196 годомъ, сказано: *Въ лѣто 6704 заложиша церковь камену святаю Кирила въ монастырь въ Нелъзень Костянтинъ и Дмитръ братеники, на Лубяници; а мастеръ бѣше съ Лубянтъ улицы Коровъ Яковичъ. Въ Ипатьевской лѣтописи ³⁾, подъ 1199 годомъ сказано: *Въ лѣто 6707 благовѣрный князь Рюрикъ.... заложи стѣну камену подъ церковь св. Михаила у Днѣпра, иже на Выдобычи.... изобрѣте бо подсобно дѣлу и художника во своихъ си пріятелехъ именемъ Милонтькъ, Петръ же по крещенію.**

По всей вѣроятности русскіе мастера каменнаго дѣла были въ то время простыми подражателями пришлыхъ къ намъ мастеровъ изъ чужихъ земель; а что такіе являлись не только изъ Греціи, но и изъ другихъ странъ, на то указываетъ Лаврентьевская лѣтопись (стр. 150), въ которой говорится о постройкѣ церкви св. Богородицы въ г. Владимірѣ великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ: *Приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастера.* Подобное указаніе находимъ и въ Тверской лѣтописи, (стр. 233), гдѣ про того же князя сказано: *церковь сконча, юже бѣ прежде заложи Юрій, отецъ ею, св. Спаса въ Суздали каменную; по вѣрѣ бо ею приведе ему Богъ отъ всѣхъ земель мастера.* Въ Волынской лѣтописи (стр. 486), говорится, что, при обновленіи Суздальскаго собора, епископъ Іоаннъ не искалъ мастеровъ отъ нѣмцевъ ⁴⁾, а нашель своихъ отъ клевретъ св. Богородицы.

¹⁾ Макарій въ своей Исторіи христіанской церкви полагаетъ, что этотъ Петръ былъ русскій. Потому что, обыкновенно, при иностранномъ происхожденіи мастера, лѣтописи прибавляютъ грекъ или гречанинъ, а здѣсь ничего не сказано.

²⁾ П. С. Р. Л., т. 4 й, 1884 г., стр. 18.

³⁾ Т. 2, изд. 1843 г., стр. 152—3.

⁴⁾ Извѣстно, что подъ словомъ „нѣмецъ“ наши предки разумѣли не только германцевъ, но и вообще всякихъ иностранцевъ.

Эти выдержки изъ лѣтописей показываютъ, что въ періодъ домонгольскаго ига Русь вызывала себѣ мастеровъ не изъ одной Греціи, но также и изъ другихъ странъ. Отъ нихъ выучивались каменному дѣлу сами русскіе.

Чтобы познакомиться ближе съ нашими древнѣйшими храмами, рассмотримъ нѣкоторые изъ нихъ. Возьмемъ для примѣра Спасскій соборъ въ г. Черниговѣ, и изучимъ его съ нѣкоторою подробностью, такъ какъ это одинъ изъ наиболѣе древнихъ памятниковъ русской архитектуры, сохранившихся до нашего времени, и притомъ принадлежитъ къ наиболѣе распространенному типу нашихъ древнихъ храмовъ. Типъ этотъ мы назовемъ *кубическимъ*, потому что главная масса его, если не принимать съ соображеніе главъ и алтаря, близко подходитъ къ формѣ куба.

Черниговскій Спасскій соборъ заложенъ сыномъ Владиміра Святого, Мстиславомъ Владиміровичемъ, тмутараканскимъ княземъ. Въ какомъ именно году происходила закладка—лѣтописи точно не указываютъ. Въ Тверской лѣтописи о погребеніи Мстислава ¹⁾ сказано: *„И положиша сію въ Черниговъ, въ святѣмъ Спасѣ, сію же самъ заложилъ; бѣ въздѣлано при немъ взвыше яко на кони досяч(и) стоа*, т.-е. при немъ соборъ былъ выведенъ настолько, что можно было достать рукой, стоя на лошади,—стало быть, всего сажени на полторы. Изъ исторіи извѣстно, что Черниговъ находился подъ властью Мстислава съ 1024—1036 г. Въ этомъ періодѣ времени особенно важны два года: 1026—годъ междоусобной войны, окончившейся миромъ, и 1031—годъ возвращенія городовъ Червонной Руси. Такъ какъ наши древніе князья

¹⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 146.

строили храмы послѣ какихъ-либо важныхъ событій, по объѣту, то основаніе Черниговскаго собора можно отнести къ тому или другому изъ вышеупомянутыхъ выдающихся историческихъ моментовъ. Если же принять во вниманіе, что при Мстиславѣ соборъ былъ выведенъ не больше, какъ до высоты полуторыхъ саженъ отъ земли, то надо допустить, что 1031 годъ ближе соотвѣтствуетъ времени закладки собора; въ противномъ случаѣ Мстиславъ успѣлъ бы его достроить при своей жизни.

Въ сооруженіи этого храма, вѣроятно, участвовали греки, такъ какъ изъ описаній ¹⁾ мы узнаемъ, что на одной изъ внутреннихъ мраморныхъ колоннъ, поддерживающихъ боковые хоры въ соборѣ, высѣчены греческія буквы Z. J., что составляетъ 510 и, какъ полагаютъ, означаетъ годъ изготовленія колоннъ. Приставивъ впереди этого числа цифру 6, тогда нерѣдко опускавшуюся при означеніи годовъ, получимъ 6510 годъ, или 1002 г. по Р. X. Колонны сдѣланы изъ красноватаго камня и имѣли желтыя базы и капители. Соборъ былъ оконченъ уже по смерти Мстислава, какъ думаютъ, княземъ Ярославомъ, о которомъ извѣстно, что онъ любилъ строить храмы, подъ властью котораго Черниговъ и находился до 1054 года.

Возлѣ собора стояла башня, сложенная изъ чередовавшихся рядовъ кирпича и дикаго камня, какъ былъ начатъ и самый соборъ. Эта башня называлась „краснымъ теремомъ“.

Кромѣ преданія, свидѣтельствующаго о томъ, что тутъ же былъ еще дворецъ, или княжій теремъ, существованіе этого послѣдняго подтверждается лѣтописями. Такъ, о погребеніи князя Игоря въ нихъ говорится: *положиши*

¹⁾ Марковъ. Достопримѣчательности Чернигова.

у св. Спаса въ теремъ. Теремъ этотъ находился, вѣроятно, съ сѣверной стороны собора, потому что восточная часть существующей теперь сѣверной кирпичной колокольни не круглая, какъ вся башня, а въ основаніи своемъ представляетъ прямую стѣнку, перпендикулярную къ сѣверной стѣнѣ собора (см. рис. 1). Такимъ образомъ, красный теремъ не представлялъ въ планѣ круга; какъ теперь, а былъ, по крайней мѣрѣ снаружи, четырехугольнымъ, состоялъ изъ прямыхъ стѣнъ и, вѣроятно, служилъ

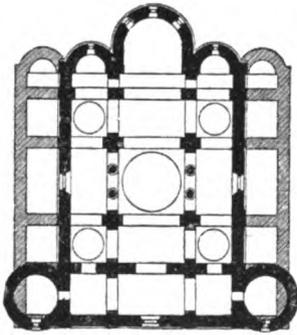

Рис. 1.

соединеніемъ хоръ собора съ княжескими хоромами. Черезъ него княжеское семейство могло проходить изъ хоромъ на хоры собора, чтобы слушать оттуда службу. Въ пользу этого предположенія говоритъ преданіе, записанное у Тимофея Калининскаго, а именно, что нѣкая черниговская княгиня, Домникія, не желая попасть въ руки татаръ, бросилась съ

краснаго терема и убилась. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь разумѣется не Черниговская княгиня, а супруга рильскаго князя Мстислава Глѣбовича, который, узнавъ, что татары подступили подъ Переяславль, во время отсутствія черниговскаго князя Мстислава Всеволодовича, прибылъ въ Черниговъ и, желая спасти городъ, вышелъ съ войскомъ на встрѣчу къ врагамъ, но былъ разбитъ и едва спасся бѣгствомъ.

Основываясь на показаніи лѣтописей, надо предположить, что по близости отъ собора, кромѣ башни краснаго терема, находились еще и другія сооруженія. Такъ, Ярославъ Всеволодовичъ, въ 1198 г., былъ положенъ въ церкви св. Спаса во *епископѣи*.

Черниговъ, подобно многимъ другимъ русскимъ городамъ, былъ разрушенъ татарами, и 1240 годъ есть послѣдній годъ существованія собора въ его первоначальномъ видѣ. Далѣе историческія свѣдѣнія о соборѣ становятся очень скудны. Извѣстно, что въ 1572 г. покоившіяся въ соборѣ мощи св. Михаила Черниговскаго были перенесены въ Москву изъ опасенія, чтобы онѣ не подверглись поруганію, въ случаѣ перехода города къ Польшѣ. Архіепископъ Филаретъ, въ своемъ описаніи черниговской епархіи, говоритъ, что соборъ въ московское правленіе былъ возобновляемъ нѣсколько разъ, но на немъ уже не было *свинцовой крыши*, а была деревянная ¹⁾. Въ 1611 г., соборъ пострадалъ отъ поляковъ; тогда сгорѣли его крыши, и только лѣтъ черезъ пятнадцать покрыли его вновь кое-какъ. Служба въ немъ, вѣроятно, совершалась во все время его дальнѣйшихъ невзгодъ, потому что въ 1651 г., подъ однимъ завѣщаніемъ, имѣется подпись Черниговскаго Спасскаго священника, Матѳея Θεодоровича, а съ 1659 года по 1675 г. извѣстенъ Петръ Кричевскій — протоіерей собора; въ 1675 году, при Архіепископѣ Лазарѣ, соборъ былъ возобновленъ черниговскимъ полковникомъ Дунинымъ-Барковскимъ. По всей вѣроятности, въ это именно время, теремъ, имѣвшій раньше прямоугольное основаніе, былъ превращенъ въ круглую башню. Тогда же, при рытьѣ фундамента, были найдены два серебряныхъ идола. Этимъ фактомъ подтверждается завѣщаніе св. Владиміра о томъ, чтобы храмы Божіи строились на мѣстахъ прежнихъ идолослуженій. Въ 1750 году соборъ сильно пострадалъ отъ поляковъ; тогда обрушились его верхи, а теремъ оба-

¹⁾ Историческо-статистическое описаніе черниговской епархіи. Черниговъ, 1874. Книга 5.

лился до половины. Въ 1754 г. ¹⁾ храмъ возобновленъ при кириі Рекліи Комаровскомъ. Въ 1770 г. онъ былъ опять поновленъ, при преосвященномъ Теофілѣ Игнато-

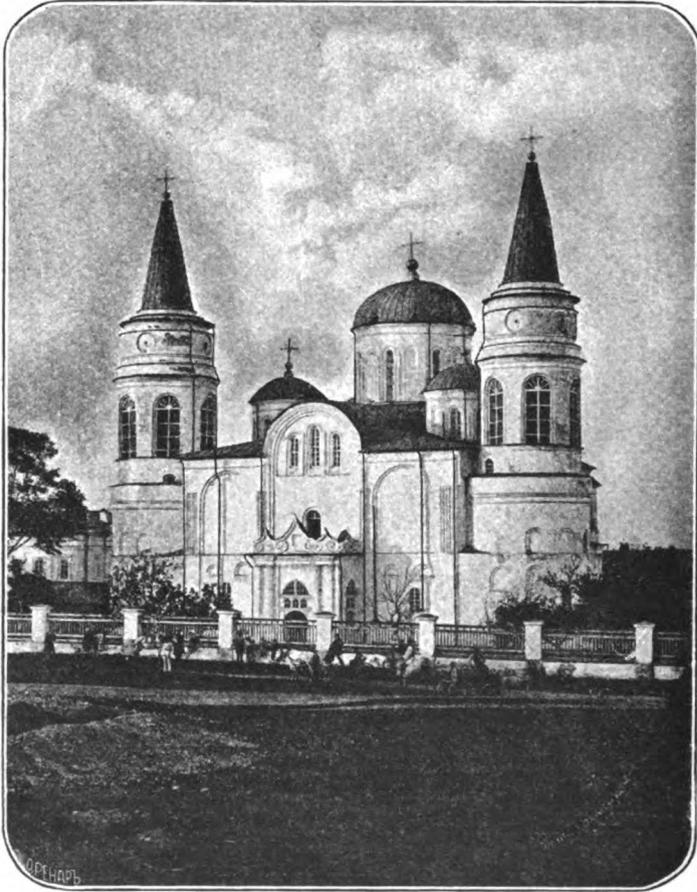

Рис. 2.

вичѣ, причемъ теремъ обращенъ въ колокольню, т.-е. была построена, повидимому, верхняя часть сѣверной колокольни, которая, какъ видно и по прилагаемому виду

¹⁾ Клеровая вѣдомость собора.

(рис. 2), совѣтъ не вяжется съ низомъ башни. Въ 1792—98 гг. производилось значительное исправленіе собора, приче́мъ, для приданія ему красоты, пристроена южная колокольня въ симметрію сѣверной, а крыши собора покрыты желѣзомъ. Такъ какъ колонны сѣверныхъ и южныхъ хоровъ дали трещины, то боковые хоры были разобраны, а колонны для прочности обложены кирпичемъ. Въ этомъ видѣ онъ существуетъ и теперь (см. рис. 3). Въ стѣнахъ храма пробиты и расширены окна, а внутри его сдѣланъ чугунный полъ. Все это исправленіе было произ-

ведено по приказанію императрицы Екатерины II, которая, при видѣ развалинъ собора, была поражена его величіемъ. Въ 1820 г. стѣны внутри храма росписаны разными красками подъ мраморъ,

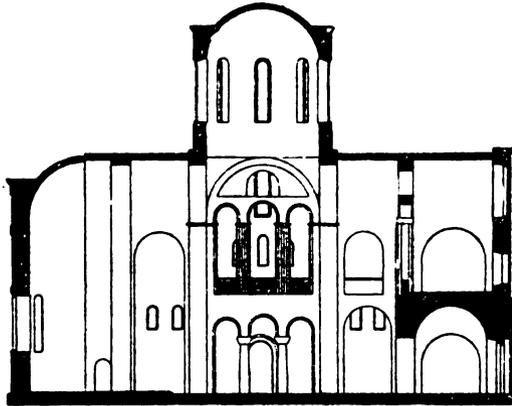

Рис. 3.

а съ трехъ сторонъ собора пристроены входы совѣтъ въ иномъ стилѣ, чѣмъ самый храмъ, какъ это видно на рисункѣ (рис. 2).

По описанію Маркова, въ соборѣ одно время было шесть престоловъ: главный—въ честь Преображенія Господня, направо—св. Николая, налѣво—архистратига Михаила; четвертый и пятый были въ кирпичныхъ придѣлахъ съ боковъ, а именно: справа—Трехъ Святителей, слѣва—Покрова Богородицы; шестой находился на хорахъ. Все это подтвердилось изслѣдованіемъ, произведен-

нымъ въ 1882 году ¹⁾); съ южной и сѣверной сторонъ собора оказались фундаменты, съ остатками кое-гдѣ стѣнъ изъ кирпича на извести. Съ Востока онѣ закругляются, подобно алтарямъ храма, и раздѣляются поперекъ двумя стѣнками, какъ показано на рисункѣ (рис. 1). Разсматривая кладку боковыхъ стѣнъ храма, видимъ, что по обѣ стороны дверей сдѣлано по три впадины, которыя совсѣмъ не вяжутся съ общей отдѣлкой собора. При отбиваніи штукатурки оказалось, что во впадинахъ, какъ съ Сѣвера, такъ и съ Юга, кладка выведена изъ валуновъ разной величины, поверхъ которыхъ лежитъ рядъ крупныхъ кирпичныхъ плитъ, на нихъ опять валуны, и такъ далѣе. Все это сложено на красномъ растворѣ — вѣроятно, на извести, съ примѣсью мелкаго кирпича; эта кладка представляетъ прекрасный образецъ нашихъ древнихъ церквей византійскаго типа, между тѣмъ какъ самыя лопатки — выступы на боковомъ фасадѣ — сдѣланы изъ краснаго новаго кирпича обыкновенной величины, на извести, а потому, очевидно, относятся къ неособенно давнему времени. Онѣ, повидимому, служили внутренними стѣнами кирпичныхъ придѣловъ, пристроенныхъ къ собору гораздо позднѣе его основанія, можетъ быть, одновременно съ одною изъ кирпичныхъ башенъ, какъ это можно заключить по сходству кладки, а потомъ были сломаны. Самый же соборъ былъ проектированъ, конечно, безъ придѣловъ.

Нельзя не замѣтить, что детали Черниговскаго собора очень напоминаютъ детали современныхъ ему церквей, напр. св. Софіи въ Кіевѣ, въ особенности на старыхъ ея изображеніяхъ (см. рис. 8), Елецкаго монастыря (см.

¹⁾ См. мою статью въ журналѣ „Зодчій“, 1882 г., вып. VI. Статья: Спасо-Преображенскій соборный храмъ въ г. Черниговѣ, стр. 82.

рис. 5) и пр. Междуюконныя тяги — одинаковы; онѣ не закруглялись вокругъ оконъ, а нѣкоторыя изъ нихъ шли выше, къ карнизной тягѣ, подобно тому, какъ онѣ сохранились на главномъ выступѣ алтаря, или же просто оканчивались такимъ же образомъ, какъ и теперь. Въ особенности это можно сказать о верхнихъ столбахъ и хорахъ ¹⁾).

Изучивъ вообще главныя части Черниговскаго собора, не трудно представить его себѣ въ первоначальномъ видѣ. Для этого надо отбросить всѣ позднѣйшія пристройки, о которыхъ было говорено выше, т.-е. обѣ башни и три наружныя входныя тамбуры; задѣлать всѣ уширенныя окна по аркамъ, придать имъ соотвѣтственный видъ, пользуясь для этого уцѣлѣвшими до сихъ поръ

Рис. 4.

древними окнами; соединить круглыя тяги надъ закомарами съ горизонтальными тягами главнаго карниза, слѣды которыхъ сохранились еще и теперь на лопаткахъ боковаго фасада близъ алтарныхъ выступовъ; сбросить съ главъ уродливыя желѣзныя крыши неправильной формы и придать имъ форму византійскую, какъ представлено на рисункѣ 4-мъ. Такъ какъ храмъ былъ безъ штукатурки,

¹⁾ Сравни рис. 3 съ разрѣзомъ Кіевской св. Софіи. Древности Госуд. Россійск. Табл. 5. Изд. Русск. Археологич. Общества. Спб. 1873.

то и фасадъ былъ полосатый, вслѣдствіе разнородности кладки стѣнъ, какъ указано выше. Сдѣлавъ это, мы получимъ первоначальный видъ храма, и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, какой имѣли вообще наши первыя церкви *византійскаго* типа ¹⁾. Мнѣніе же, которое было высказано въ Моск. Арх. Обществѣ нѣсколько разъ, передъ виленскимъ археологическимъ съѣздомъ, что черниговскій соборъ имѣетъ малоазійское происхожденіе отъ храмовъ чуть ли не VI—VIII вѣка, считаемъ не убѣдительнымъ.

Подъ соборомъ, вѣроятно, находятся обширные подвалы. Исторія называетъ многихъ лицъ, похороненныхъ „у св. Спаса“ ²⁾, но наружныхъ признаковъ могилъ въ немъ нѣтъ никакихъ. Черниговцы рассказываютъ, что, во время одной изъ передѣлокъ храма, бревномъ, упавшимъ съ высоты, прошибло полъ собора, причемъ черезъ образовавшееся отверстіе были видны въ подвалѣ гробницы; на одной изъ нихъ будто бы лежалъ мечъ, а на другой—какія-то вещи. Пробитое отверстіе было сейчасъ же задѣлано, а подвалъ оставленъ безъ осмотра. Въ такомъ положеніи онъ находится и въ настоящее время.

Другимъ образцомъ такого же типа церковей можетъ служить храмъ Пресвятой Богородицы въ Елецкомъ монастырѣ (рис. 5), близъ Чернигова, на Болдиныхъ горахъ. Эта церковь—ровесница черниговскому собору; она основана также въ XI вѣкѣ, а именно около 1069 года, какъ то доказываетъ преосвященный Филаретъ ³⁾ въ

¹⁾ См. Кондакова, Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 214. Монастырь въ Хорѣ, Кохриджами и въ Понтепопѣ.

²⁾ Мстиславъ Владиміровичъ, Святославъ Ярославичъ, Глѣбъ Святославичъ, Владиміръ Давидовичъ, Олегъ Святославичъ, Святославъ Ольговичъ, Всеволодъ Святославичъ; Игорь Ольговичъ въ теремѣ; Ярославъ Всеволодовичъ во епископѣ, и митрополитъ Константинъ.

³⁾ Историко-статист. описаніе черниг. епархіи. Книга 3, стр. 1 и сл. Изд. 1873 г., Черниговъ.

своемъ подробномъ описаніи храма. Приводя разныя сказанія о немъ, этотъ авторъ, между прочимъ, цитируетъ изъ скорбницы Голятовскаго (стр. 5 — 14), что съ нѣсколькими мурованными (т.-е. каменными) куполами видѣли Елецкій монастырь еще люди, находившіеся тогда въ живыхъ, а передъ Батыемъ, „церковь Елецкая *оловянными таблицами была покрыта*“.

Храмъ Пресвятой Богородицы называется Елецкимъ потому, что на занимаемомъ имъ мѣстѣ была найдена на еловомъ деревѣ чудотворная икона Богородицы, въ честь которой онъ и сооруженъ. Мы не будемъ входить въ историческія подробности объ этомъ храмѣ; замѣтимъ только, что около 1628 г., по переходѣ Чернигова къ Польшѣ, всѣ купола (т.-е. главы) упали, и были восстановлены, будто бы, въ

Рис. 5.

прежнемъ видѣ въ 1670—74 годахъ, послѣ чего, при одномъ изъ послѣдующихъ исправленій церкви, надъ ея главами были сдѣланы всѣ тѣ надстройки, которыя мы теперь видимъ. Чтобы представить себѣ реставрацію этого храма, слѣдуетъ снять съ него всѣ покрытія и замѣнить ихъ подобными тѣмъ, какія мы видѣли на Спаскомъ соборѣ въ Черниговѣ, т.-е. увѣнчать главы византійскими полушаровыми крышами, а самый храмъ покрыть по полукруглымъ сводамъ; тогда онъ приметъ видъ византійскаго купольнаго храма, но нѣсколько

отличнаго, въ отношеніи фасада, отъ черниговскаго собора.

Такимъ образомъ, зная типы нашихъ древнѣйшихъ храмовъ, возможно придти къ заключенію о формѣ тѣхъ церквей разсматриваемаго времени, которыя теперь уже разрушены; напримѣръ, судя по сохранившимся остат-

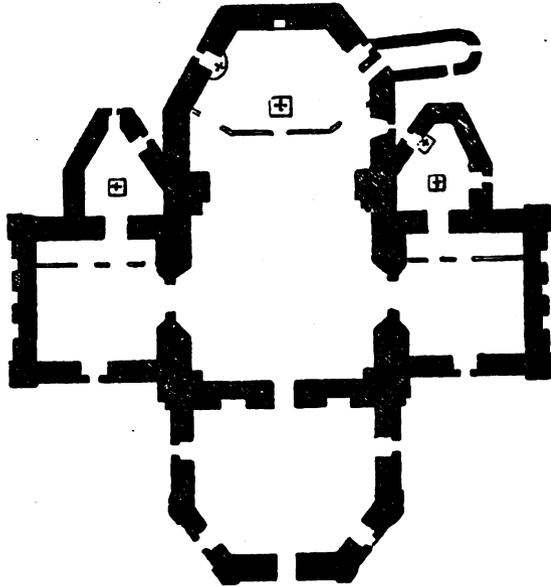

Рис. 6.

камъ плана, только по его слѣдамъ, надо предполагать, что церковь Пресвятой Богородицы въ Кіевѣ, построенная въ X вѣкѣ (996 г.) Владиміромъ Свѣтымъ ¹⁾, имѣла тотъ же типъ, какъ и вышеописанные храмы. Это была лучшая постройка Владиміра. Онъ отдалъ въ ея пользу десятую часть своихъ доходовъ, вслѣдствіе чего она и называлась Десятинной. Обычай отдавать такую часть

¹⁾ Лѣтописецъ новгородскихъ церквей Божіихъ, изд. Археографической комисіи 1879 г. Спб., стр. 181. Сводная лѣтопись, сост. по всѣмъ изданнымъ Л. И. Лейбовичемъ, стр. 117 и слѣд.

доходовъ въ пользу храма весьма древній, и онъ практиковался еще у языческихъ славянъ¹⁾.

Другой типъ древнихъ церквей былъ крестовый. Здѣсь главная масса храма имѣла фигуру креста. На рисункѣ 6-мъ представленъ планъ древней церкви Спаса, основанной также Владиміромъ Святымъ въ любимомъ его мѣстопробываніи, селѣ Берестовѣ. Церковь эта очень походитъ, въ отношеніи способа сооруженія, на другія церкви того времени. При нашествіи татаръ она была разрушена. Въ XVII вѣкѣ (въ 1638 г.) ее возобновили, но ея фасадъ, вслѣдствіе позднѣйшихъ переправокъ, такъ измѣнился, что въ настоящее время не представляетъ для насъ ничего интереснаго.

Самымъ замѣчательнымъ кievскимъ храмомъ, безспорно, долженъ считаться соборъ св. Софіи (рис. 7). Основаніе этого храма относится къ 1037 г.²⁾; заложилъ его великій князь Ярославъ въ память своихъ побѣдъ надъ печенѣгами³⁾. Въ планѣ, рис. 7, соборъ представляетъ смѣсь двухъ вышеозначенныхъ типовъ: крестоваго и кубическаго, но вообще нѣсколько отличается отъ обыкновенныхъ нашихъ древнихъ церквей кубическаго и кресто-

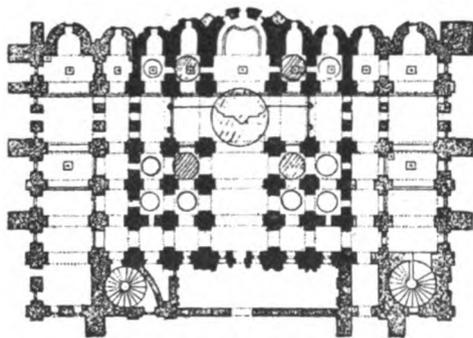

Рис. 7.

¹⁾ См. мою статью Рѣстн. Из. Искусствъ: „Донисторическая пора искусства на почвѣ Россіи“, стр. 306.

²⁾ Закревскій: „Описаніе Кіева“. Москва, 1866 г., т. II, стр. 760 и слѣд. Здѣсь изложены подробно мнѣнія объ основаніи кievскаго собора. „Описаніе Кіево-Софійскаго собора“. Кіевъ, 1825 г. и друг.

³⁾ Превосв. Макарій: „Истор. Русской Церкви“. Спб., 1868 г., т. I, стр. 62.

ваго вида. Различіе это явилось, вѣроятно, только какъ слѣдствіе большихъ размѣровъ сооруженія. Его пять главныхъ алтарей, вѣроятно, служили основаніемъ для главной и самой древней части. Если возьмемъ только три алтарныхъ полукружія и сравнимъ эту часть храма съ планомъ черниговскаго собора, то для тождества у Софін потребуется хоры сдвинуть къ серединѣ. Если же возьмемъ пять алтарныхъ полукружій, т.-е. древній планъ Софін, и сравнимъ съ планомъ черниговскаго собора, взявъ и его бывшіе по сторонамъ два придѣла, т.-е. тоже пять алтарныхъ полукружій, то для тождества съ планомъ Софін потребуется только открыть арками стѣны, отдѣляющія храмъ отъ боковыхъ придѣловъ, а хоры въ трансептѣ раздвинуть. Такимъ образомъ изъ плана Софін черезъ сокращеніе крайнихъ алтарей получается планъ черниговскаго собора, а черезъ прибавленіе двухъ боковыхъ алтарей къ черниговскому собору получается планъ св. Софін. Но въ послѣднемъ случаѣ хоры въ трансептѣ будутъ неудобно глубоки, и потому весьма естественно ихъ отодвинуть, вслѣдствіе чего и образуется внутри храма открытый крестъ. При этомъ конструкція главныхъ массъ храма ничуть не измѣняется, такъ что въ планѣ св. Софін мы не можемъ видѣть новаго особаго типа, тѣмъ болѣе, что при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ средняя часть плановъ остается та же.

Съ сѣверо-запада стояла башня¹⁾, которая до настоящаго времени служитъ ходомъ на хоры.

Коснувшись башенъ, мы должны коснуться и исторіи ихъ перваго появленія, такъ какъ въ нашей литературѣ было высказано мнѣніе, что башни при церквахъ суть

¹⁾ См. „Кіевскіе памятники византийскаго искусства Древности“. Т. II, Москва 1887 г., стр. 7.

позднѣйшія пристройки (см. Сусловъ, Матеріалы къ Исторіи Новгородско-Псковской архитектуры С.-Пб. 1888 года, стр. 19). Башни или столпы давно извѣстны на востокѣ, напр., въ Сириі представителемъ столпничества были Симеонъ Столпникъ и Симеонъ Дивногорецъ ¹⁾. Появленіе ихъ тѣсно связано съ такъ называемымъ культомъ высотъ. Въ древности высоты чтились; на высотахъ дѣлали алтари и капища. Христіанскіе подвижники не могли быть равнодушными зрителями языческаго культа. Они хотѣли прекратить его дальнѣйшее существованіе и старались замѣнить вѣрой въ истиннаго Бога. Для этого они поселялись на мѣстахъ священныхъ въ глазахъ язычниковъ, занимали высоты горъ и жили здѣсь на столпахъ, напоминавшихъ собою языческія священныя мѣста и жертвенники. Это подтверждается боголюбивою исторіей Θεодорита и друг. о подвигахъ нѣкоторыхъ преподобныхъ отцевъ, обитавшихъ близъ языческихъ святилищъ. Такъ, преподобный Миронъ жилъ на верху горы, почитаемой нечестивцами; преподобный Авраамій поселился на Ливанской горѣ; преподобный Фалалей жилъ въ могилѣ близъ капища бѣсовскаго; Маркіанъ Кирскій убилъ молитвою миѳическаго змѣя, здѣсь его оскорбляли злочестивцы, но онъ своими добродѣтелями и подвигами достигъ того, что обратилъ язычниковъ въ христіанство. Они построили тамъ храмъ и заставили Авраамія быть ихъ святителемъ. Стало быть, здѣсь столпъ является прежде церкви, а подвиги такихъ столпниковъ имѣютъ просвѣтительный характеръ. Башни лѣстницы появляются у насъ въ самыхъ первыхъ храмахъ при ихъ основаніи, что доказывается тождествомъ

¹⁾ Петровъ, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога (иноземные источники) Кіевъ, 1875 г.

самой кладки. Такія башни - столпы тоже вверху имѣютъ божницы. Все это весьма близко къ сказанію, которое находимъ у Кирилла Туровскаго: 1) „По себлжнѣи, на бо'шїа по'виги желая, в сто'пъ вше' за'вори', и ту пребы'тъ нѣколько время, постомъ и молитва"" паче тружаяся і многи бж'тве"ная писанїа и'ложи"".

Конечно, когда стали строить башни при церквахъ, то онѣ служили входомъ на хоры, въ ризницу, въ божницу и, можетъ быть, соединялись съ княжескими хорами; какъ бы въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія служатъ изображенїа на стѣнахъ башенъ Софіи въ Кіевѣ. Здѣсь изображена охота, плясуны, актеры, музыканты, зрители. Зданїа гражданской архитектуры съ фронтонами аркадами и проч., по формамъ своимъ весьма отличныя отъ строгой византїйской церковной архитектуры.

Осмотръ собора въ натурѣ вполнѣ подтвердилъ мнѣніе Прахова, тоже изслѣдовавшаго соборъ на мѣстѣ 2), что другая южная древняя башня не современна собору, а выстроена позже его, такъ какъ она не связана кладкой со стѣнами храма, а просто приставлена къ нему безъ перевязи и загораживаетъ древній фасадъ Софіи. Эта башня и всѣ остальные прибавленїа, которыя мы видимъ на планѣ, суть пристройки позднѣйшаго времени. Теперь видъ храма такъ измѣнился, что по его наружнымъ формамъ нельзя составить себѣ понятїе о томъ, каковъ онъ былъ въ древности.

Первоначально на западной своей части онъ имѣлъ восемь главъ, а именно: по четыре въ углахъ надъ хорами, одну большую главу въ серединѣ и четыре съ востока, расположенныя въ одну линїю съ сѣвера на югъ,

1) Рукописи графа А. Уварова. С.-Петербургъ, 1858 г., т. II, I-я Кирилла Туровскаго.

2) Древности, томъ XI. Москва, 1887 г., стр. 7.

какъ это видно на планѣ. Еще недавно малыя главы были закрыты позднѣйшею крышею; и на фасадѣ явились пристроенныя вполсѣдствіи большія главы, совсѣмъ исказившія былую наружность храма; въ настоящее же время, хотя и не вполне возстановленъ храмъ, но крыша опущена и всѣ главы видны. Въ „Древностяхъ Государства Россійскаго“ ¹⁾ изображенъ чердакъ Софійскаго собора въ планѣ. Тутъ видно расположеніе сводовъ, по которымъ; конечно, прежде и было сдѣлано покрытіе самого собора.

На старинныхъ изображеніяхъ наружности св. Софіи ²⁾ рис. 8 видны покрытія крышъ по сводамъ и четыре малыя главы съ древними шаровидными куполами; у всѣхъ же остальныхъ главъ, несомнѣнно были позднія надстройки. Чтобы представить себѣ соборъ въ его первоначальномъ видѣ, надо оставить среднюю главу и двѣнадцать

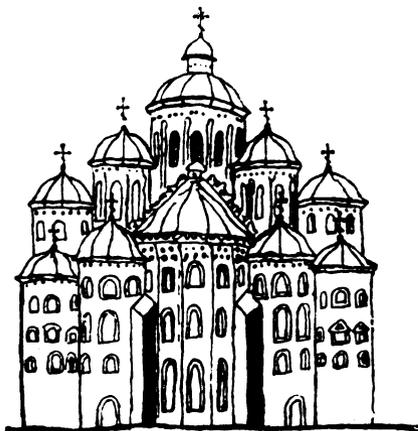

Рис. 8.

малыхъ и покрыть ихъ византійскими куполами. Такимъ образомъ съ западнаго фасада будутъ видны 4 малыя главы, 2 среднихъ и большая, а подъ ними 5 круглыхъ закомаръ; стало быть, главная часть храма окажется кубическою, но вокругъ средней главы будетъ не 4 главы, какъ обыкновенно, а тринадцать.

¹⁾ Изданіе Археолог. Общества, С. П. Б. таблица II.

²⁾ Прилагаемый здѣсь рисунокъ находится въ „Трудахъ III-го археологическаго съѣзда“; другое—въ рукописномъ чертежѣ, составленномъ при Петрѣ I Ушаковымъ, и хрящемся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Архитектурныя части храма св. Софіи напоминаютъ собою детали другихъ нашихъ древнихъ церквей, напр., черниговскаго собора, какъ это видно и въ наружныхъ частяхъ, и во внутренней обдѣлкѣ, напр., въ деталяхъ хоръ. Внутри соборъ былъ убранъ мозаиками, но мозаики эти въ послѣдствіи въ XVII—XVIII вѣкахъ были замазаны трудами и коштомъ Петра Могилы, еще до гетмана Мазепы, и по нимъ были написаны вновь вселенскіе соборы. При императорѣ Николаѣ I возстановлено древнее убранство, сначала Ѳ. Г. Солнцевымъ, а при императорѣ Александрѣ II—А. Праховымъ.

Такъ наприм., въ верхнемъ куполѣ расположенъ мозаичный образъ Христа. Формы его корпуса не совсѣмъ пропорціональны, наприм.: плечи слишкомъ широки, но это повидимому сдѣлано съ цѣлью уничтожить сокращенія сферической поверхности купола. Большая высота купола заставила всѣ черты лица и подробности драпировки сдѣлать сравнительно тяжелыми. Выраженіе лица спокойное но строгое. Благословляющая рука сложена такъ, что указательный и третій пальцы вытянуты и остаются свободными, а большой, четвертый и пятый сложены вмѣстѣ. Кромѣ многихъ другихъ мозаикъ, расположенныхъ въ храмѣ, укажемъ на алтарное изображеніе нерушимой стѣны, Матери Божіей съ воздѣтыми руками, непорочной дѣвы заступницы и церкви земной, возносящей непрестанно молитвы къ престолу Всевышняго; это изображеніе довольно рѣдкое, хотя встрѣчается и въ другихъ церквяхъ, наприм., въ Новгородѣ у Спаса въ Нередицахъ, въ церквяхъ Кавказа и друг.

Ниже нерушимой стѣны находится мозаика, изображающая таинство Евхаристіи или причащеніе апостоловъ Спасителемъ: по срединѣ изображенъ престолъ; надъ нимъ сѣнь; на престолѣ находится дискосъ, крестъ,

звѣздица, лжица и копіе. По бокамъ престола два изображенія Христа съ потиромъ въ рукахъ, за Христомъ по ангелу съ ризидами; бока картины заняты приближающимися ко Христу апостолами, по шести съ каждой стороны и проч.; по верху картины идетъ мозаичный орнаментъ чисто-византійскаго стilia съ изображеніемъ характерныхъ листьевъ.

Въ Новгородѣ, въ 1045 году, построена великимъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ соборная церковь также во имя св. Софiи—Премудрости Божіей. Достаточно взглянуть на планъ этого храма (рис. 9) и сравнить его съ планами вышеописанныхъ церквей, чтобъ отличить его древнюю часть отъ позднѣйшихъ пристроекъ. Новѣйшія придѣлки со всѣхъ сторонъ такъ окружили этотъ храмъ,

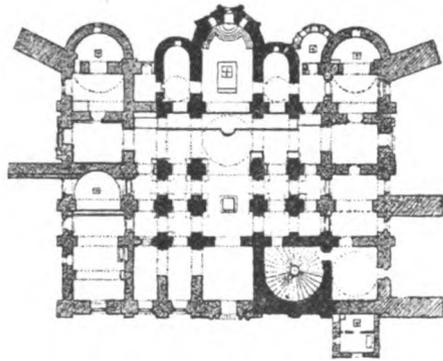

Рис. 9.

что по его наружному виду невозможно угадать его первоначальныя формы. Алтарныя выступы болѣе другихъ частей сохраняютъ свой прежній видъ. Внутреннее расположение хоръ и вообще вся конструкція храма показываетъ, что его архитектура была такая же, какъ и кievскихъ церквей того времени. На чердакѣ новгородской св. Софiи до сихъ поръ еще видна его первоначальная наружная отдѣлка. Храмъ снаружи не былъ оштукатуренъ. Онъ сложенъ весь изъ мѣстнаго сѣраго, слегка желтоватаго камня кремнистой породы, прiятнаго тона, и проложенъ тонкими слабо-обожженными кирпичными плитами красно-бураго цвѣта, расположенными на пѣко-

торомъ разстояніи одна отъ другой. Такимъ образомъ храмъ представлялся разукрашеннымъ по сѣрому фону горизонтальными тонкими красными полосами. Съ чердака боковыхъ пристроекъ видны части боковыхъ фасадовъ древняго храма, гдѣ до сихъ поръ сохранились его первоначальныя византійскія полосатыя окна съ кругл-

Рис. 10.

ми полосатыми же перемычками. Покрытие храма первоначально, какъ извѣстно изъ лѣтописи ¹⁾, было свинцовое и, подобно кievскимъ церквамъ, круглое; своды до сихъ поръ сохраняютъ слѣды особой глиняной смазки, посредствомъ которой поверхность ихъ была выровнена для обкладки свинцомъ. Такимъ образомъ, для реставра-

¹⁾ Повгородск. 4-я: „Епископъ Нифонтъ св. Софію солнцемъ поби“.

ці новгородской св. Софіи, надо отбросить всѣ позднѣйшія пристройки, замѣнить новое покрытие главъ византійскимъ и сдѣлать покрытие крышъ по аркамъ, тогда получится храмъ византійскаго кубическаго типа, подобный черниговскому собору.

Въ юго-западномъ углу новгородскаго собора находится башня, сложенная изъ такого же матеріала, какъ и древняя часть храма. Въ этой башнѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ ей, устроена винтовая лѣстница, ведущая на хоры и еще выше, подъ самый куполъ; здѣсь находится придѣлъ, изъ котораго въ стѣнкѣ башни продѣлано уже новое отверстіе для доступа на чердакъ. Нельзя пройти молчаніемъ, что лѣтописи, говоря о софійской башнѣ, наз. ее *палатной*; такъ подъ 1394 г. сказано: „маковица огоре палатная“¹⁾, а лѣтописецъ Новгородскимъ церквямъ Божіимъ подъ тѣмъ же годомъ говоритъ: „и св. Софіи верхъ палатный обгоре“. А послѣ пожара въ 1403²⁾ г. „у св. Софіи маковица погоре палатная, что въ которой лѣстница въ Софіи на полати“. Внутри Софія тоже расписана: до сихъ поръ въ куполѣ видимъ тотъ образъ Спаса, который писали мастера изъ Царь-града. Лѣтопись говоритъ: „приведоша иконныхъ писцевъ изъ Царь-града и начаша подписывати во главѣ и написаша образъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа съ благословляющей рукой. Во утрій день виде епископъ Лука образъ написанъ не съ благословляющей рукой. Иконописцы же писаша по три утра и на четвертое утро гласъ бысть отъ образа Господня иконнымъ писцамъ, глаголющъ: *Писари, писари, о писари! не пишете мя благословляющей рукой* (напишите мя сжатою рукой). *Азъ бо въ сей руцѣ Моей сей великій Новѣрадъ держу, а*

1) Новгородская 4-я, стр. 100, изд. 1848 г. Т. IV.

2) Новгор. лѣт., изд. Археограф. Комитета, 1879 г.

когда рука моя распространится, тогда будет граду сему окончание". Действительно, всматриваясь въ контуръ правой руки этого образа, не трудно замѣтить, что рука написана весьма странно: по пропорціямъ, несомнѣнно, она написана раскрытой, но затѣмъ отъ концовъ пальцы прорисованы внизъ и по ладони тоже какъ будто по два большіе сустава пальцевъ; такимъ образомъ, руку

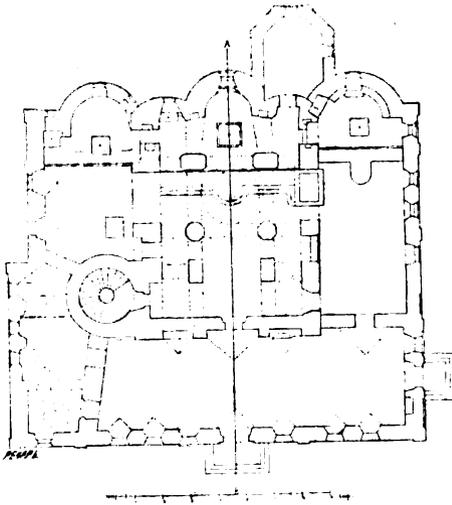

Рис 11.

можно считать и сжатой, но тогда пальцы будутъ не пропорціонально велики. Низъ алтаря св. Софіи внутри украшенъ мозаикой, состоящей изъ квадратиковъ, вставленныхъ въ клетку такъ, что углы квадратовъ приходятся къ серединамъ сторонъ клетокъ. Такимъ узоромъ раздѣланъ низъ скамьи, а по стѣнѣмъ лопатки, между которыми вѣроятно были фигуры. Теперь сохранилось изображеніе креста въ аркѣ и двухъ подсвѣчниковъ съ горящими свѣчами.

Изслѣдованіе церквей XII вѣка убѣждаетъ, что онѣ строились по тому же типу, какъ и церкви XI вѣка. Древній храмъ въ новгородскомъ монастырѣ Антонія Римлянина, основанный въ 1106 г., походилъ на новгородскую св. Софію: рис. 11—планъ, рис. 12—фасадъ, и рис. 13—разрѣзъ. Храмъ этотъ сложенъ изъ того же матеріала, какъ св. Софія, на немъ было тоже круглое покрытіе по сводамъ, какъ мы видѣли выше въ церквахъ XI

вѣка. Взглянувъ на планъ, легко отличить его древнюю

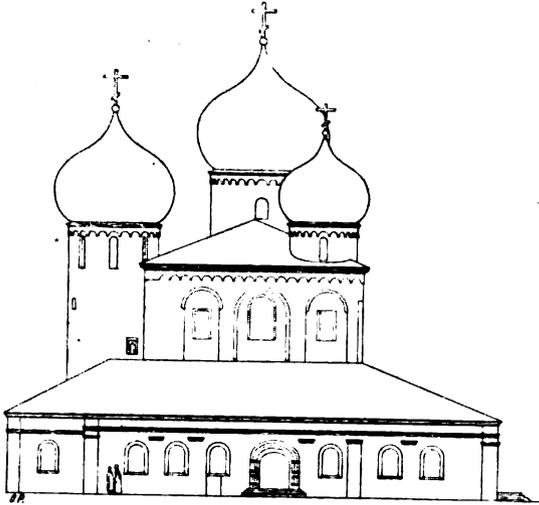

Рис. 12.

часть съ тремя полукружіями алтаря, съ башней отъ

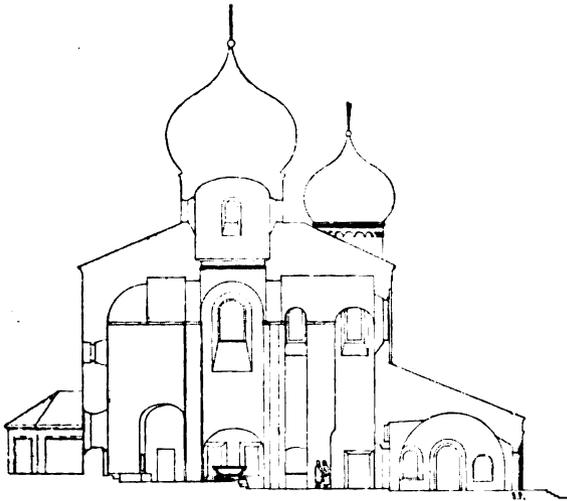

Рис. 13.

окружающихъ его позднѣйшихъ пристроекъ. Башня-лѣст-

ница стоитъ при немъ съ лѣвой стороны, т. е. въ сѣверо-западной части. Георгіевскій храмъ въ Юрьевскомъ монастырѣ, основанный въ 1119 г. великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ (во св. крещеніи Георгіемъ), въ честь тезоименитаго ему святаго, послѣ побѣды надъ Чюдью. Онъ тоже похожъ на предъидущій ¹⁾. Новгородская III-я лѣтопись, говоря о постройкѣ этой церкви, присовокупляетъ: „*а мастеръ потрудися Петръ*“. Преосв. Макарій думаетъ ²⁾, что этотъ мастеръ Петръ былъ русскій, на томъ основаніи, что въ лѣтописи не сказано, чтобы то былъ грекъ, какъ это обыкновенно сообщалось въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о греческихъ художникахъ.

Церковь Спаса въ Нередицахъ, построенная также Ярославомъ Владиміровичемъ, въ 1198 г., въ настоящее время не имѣетъ башни-лѣстницы, ведущей на хоры. Эта древняя церковь сравнительно невелика и имѣетъ деревянные хоры. Она представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что въ ней, лучше чѣмъ въ другихъ древнихъ храмахъ разсматриваемаго времени, сохранилась стѣнная живопись, хотя и съ признаками поновленія, какъ видимъ по реставраціи изображенія хромоздателя, произведенной покойнымъ Прохоровымъ. Но объ этомъ мы не будемъ говорить, а любознательнаго читателя отсылаемъ къ сочиненію г. Покровскаго ³⁾.

Многія изъ церквей XII вѣка, какъ наприм. кіево-кирилловская, въ планѣ своемъ представляютъ выступъ средняго алтарнаго полукружія значительно меньшій,

¹⁾ Рисунки сняты Н. А. Мартыновымъ и находятся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

²⁾ Описаніе Новгородскаго Общежительнаго Первокласнаго Юрьева монастыря. Спб., 1862 г., стр. 3, выноска 2.

³⁾ Труды седьмаго археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ. Москва, 1890, стр. 186 и далѣе.

чѣмъ церкви XI вѣка и болѣе раннія. Въ XII вѣкѣ, алтарные выступы все чаще и чаще дѣлаются круглые, въ церквахъ же XI вѣка они большею частью не круглые, а многогранные.

Въ церквахъ домонгольскаго періода встрѣчаются иногда такъ называемые голосники, т.-е. кувшинообразные горшки съ узкимъ горломъ, которые вдѣлывались въ стѣны такимъ образомъ, что конецъ горла выходилъ во внутрь церкви своимъ отверстіемъ. Позднѣе въ церквахъ голосники встрѣчаются иногда во множествѣ. Полагаютъ, что они дѣлались для увеличенія резонанса.

Всѣ разсмотрѣнныя выше церкви, конечно, принадлежатъ къ кубическому типу, проникшему въ Новгородъ изъ Кіева, и ихъ реставрація должна близко подходить къ реставрація кубическихъ кіевскихъ церквей—съ круглыми покрытіями крышъ.

Такъ какъ Кіевъ былъ городомъ, гдѣ началось христіанство, то по имени этого города, т.-е. *кіевскимъ видомъ* церквей, мы называемъ не только церкви самого Кіева, но и всѣ тѣ, которыя выстроены по ихъ образцу и имѣютъ съ нимъ сходство, каковы напр., черниговскій соборъ, елецкій монастырь, новгородская св. Софія и друг.

До сихъ поръ мы говорили о храмахъ XI-го вѣка, а теперь укажемъ кратко еще на церкви XII вѣка въ самомъ Кіевѣ. Михайловскій соборъ основанъ В. К. Михаиломъ Изяславичемъ. По плану видно, что храмъ претерпѣлъ значительныя измѣненія; первоначально онъ состоялъ изъ трехъ полукружій, боковыя же части пристроены позднѣе; изъ внутренней отдѣлки сохранилось мозаичное изображеніе Евхаристіи. Это тоже мозаика какъ и въ св. Софіи; по срединѣ стоятъ у престола двѣ фигуры Христа, за нимъ ангелы съ рипидами, а съ боковъ по шести апостоловъ.

Другой храмъ 1138 г. находится въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ; онъ основанъ В. К. Всеволодомъ Ольговичемъ и по складу онъ тоже походитъ на вышеописанные. Отъ этихъ храмовъ отличаются другіе храмы, тоже кубическіе, но другаго вида, а именно церкви *владиміро-суздальскаго края*, но о нихъ мы скажемъ ниже, а теперь, для ближайшаго ознакомленія читателей съ крестовымъ типомъ храмовъ, рассмотримъ еще одинъ замѣчательный памятникъ церковнаго зодчества—Спасо-Мирожскій монастырь въ г. Псковѣ.

Монастырь этотъ относится къ XII вѣку. Время его основанія въ точности неизвѣстно, но онъ уже существовалъ въ 1156 году. Извѣстно также, что онъ заложенъ при князѣ Святополкѣ Мстиславичѣ, новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ и игумною Аврааміемъ. Въ новгородской IV-ой лѣтописи (изд. въ Спб., 1848), подъ 1156 годомъ говорится: *а въ Псковѣ св. Спаса церковь созда каменну на Завеличьи*. То же свидѣтельство находимъ и въ новгородской 1-й лѣтописи: *«а въ Псковѣ св. Спаса церковь зда каменну»* ¹⁾.

Спасо-Мирожская обитель находилась, какъ и теперь, внѣ укрѣплений города, а потому, съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія, выносила всѣ невзгоды Пскова. Ея исторія—почти непрерывной разсказъ о разореніяхъ, при которыхъ ей не разъ приходилось служить непріятельскою квартирою, тѣмъ болѣе, что монастырь никогда не приходилось осаждать и брать приступомъ, такъ какъ онъ былъ лишенъ какихъ-бы то ни было укрѣплений: его окружала только невысокая деревянная ограда, отчасти бревенчатая, да съ запада тынь.

Въ XIII вѣкѣ, явившійся на сцену Орденъ Меченос-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. 3-й Спб. 1841 г., стр. 12.

цевъ застаеть и самый Псковъ еще неукрѣпленнымъ. Въ 1240 г. городъ былъ занятъ нѣмцами; въ 1299 г., въ Спасо-Мирожемскомъ монастырѣ умерщвленъ мѣстнотимый игумень Василий съ иноками. Дальнѣйшія историческія свѣдѣнія о монастырѣ становятся очень скудны;

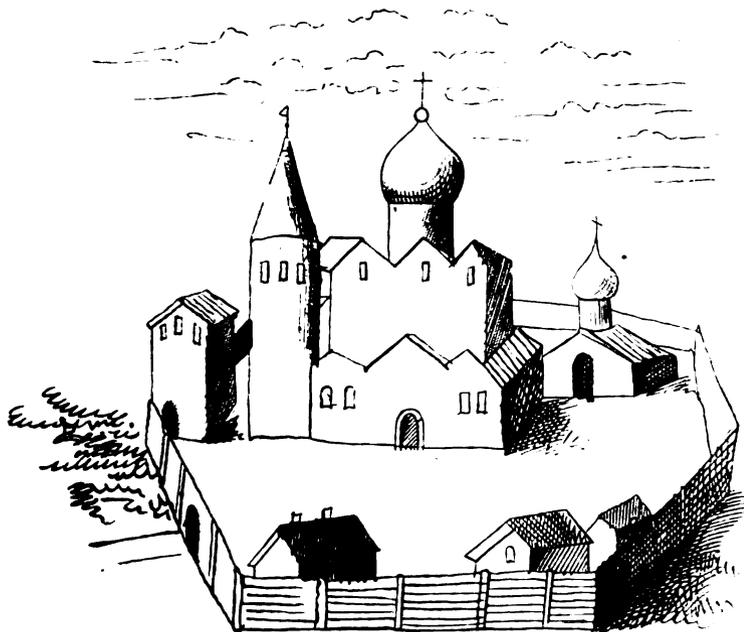

Рис. 14.

извѣстно только, что въ 1649 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и игуменѣ Іовѣ, монастырь былъ исправленъ. Въ 1713 г., при Петрѣ Великомъ и преосвященномъ Іосифѣ, въ монастырѣ идутъ какія-то работы, а въ 1799—1805 г., при архимандритѣ Іаковѣ, во время общей поправки монастыря, сломана старая деревянная ограда и вмѣсто нея выстроена каменная.

Древнія изображенія Мирожскаго монастыря встрѣчаются на иконахъ. Одно изъ такихъ изображеній мы видимъ на иконѣ въ церкви Покрова на Проломѣ, въ Пско-

въ¹⁾); другое находится въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, рис. 14. Рисунки эти изображаютъ храмъ какъ бы въ перспективѣ, иногда разомъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Порою они таковы, что ихъ трудно согласовать съ дѣйствительностью и вполне понять форму изображеннаго зданія. Но, при всемъ несовершенствѣ рисунковъ, нельзя не признавать ихъ общаго сходства. Основываясь на нихъ, можно сдѣлать нѣсколько заключеній относительно преж-

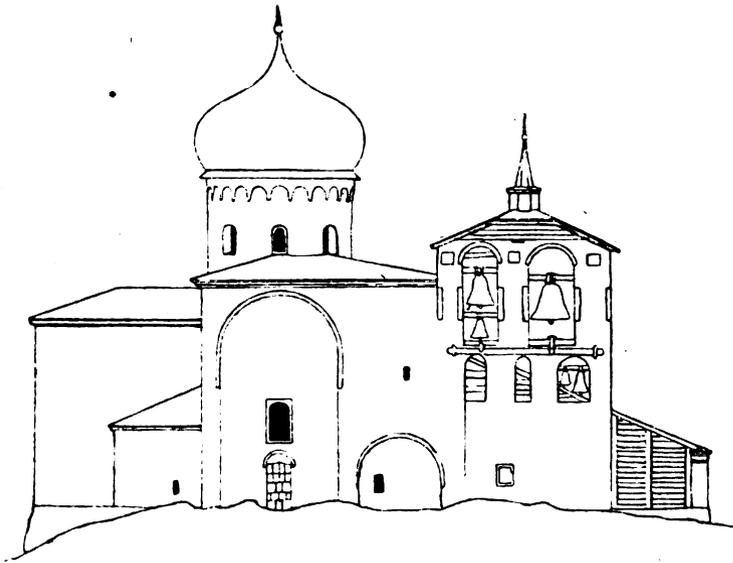

Рис. 15.

нихъ фронтонныхъ покрытій храма. Представленный на иконѣ Печерскаго монастыря, Мирожскій храмъ имѣетъ башню и подтверждаетъ сказаніе о томъ, что Стефанъ Баторій, при осадѣ Пскова, бросалъ съ колокольни этого монастыря раскаленные ядра въ Псковъ, съ цѣлью произвести въ немъ пожаръ. Впослѣдствіи эта колокольня была разрушена, и послѣ 1581 г., къ которому

¹⁾ См. гр. Толстого: „Святѣни и древности Пскова“. Москва, 1861 г.

относится печерская икона, ко храму была пристроена, существующая до нынѣ, звоница рис. 15 она, повидимому, выстроена не вся сразу, потому что первый ярусъ ея арокъ не сходится съ верхнимъ. Не смотря на всѣ бѣдствія, какія пришлось испытать Мирожскому монастырю въ болѣе чѣмъ семисотлѣтнее свое существованіе, его главный храмъ, во имя Спаса Преображенія, настолько сохранился до нашего времени, что можно прекрасно возстановить его первоначальныя массы.

Весь храмъ покрытъ сравнительно-недавней штукатуркой, изъ-подъ которой кое-гдѣ выступаетъ живопись не только внутри собора, но и снаружи. На западной стѣнѣ, въ средней закоморѣ, была написана картина, вѣроятно, Преображенія Господня. Внутренность же, должно быть, вся была расписана, но вполнѣтвіи эта живопись была замазана. Въ настоящее время весь храмъ представляется выбѣленнымъ; однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, побѣлка отваливается и обнаруживаетъ находящуюся подъ нею роспись, которая, вѣроятно, еще цѣла и въ настоящее время. Нѣкоторыя картины обнаружались и срисованы Мартиновымъ. Рисунки эти находятся въ Историческомъ Музеѣ. Наружный видъ храма Спаса представляетъ, на первый взглядъ, форму кубическаго типа (см. рис. 15), но, при взгядѣ на его боковой фасадъ, мы видимъ, 1) что глава его стоитъ не надъ серединой зданія, а значительно подвинута къ восточной сторонѣ, 2) существующія тяги на фасадѣ сильно разнятся высотой и кривятъ, 3) если войти во внутрь храма, на хоры, то видно, что наружные двугранные углы хоръ, сѣверо-западный и юго-западный, сложены не изъ плитъ, какъ всѣ древнія части собора, а изъ кирпича; отбиваніе наружной штукатурки подтверждаетъ это обстоятельство, причемъ становится очевиднымъ, что эти углы сложены

впослѣдствіи, первоначально же храмъ былъ безъ нихъ. Приставка угловъ сдѣлана, вѣроятно, состоятельными прихожанами, для ихъ собственнаго удобства, или же по усердію; въ первомъ случаѣ, молящіеся могли скрываться отъ постороннихъ взоровъ, для чего нерѣдко и предназначались хоры; во второмъ, — здѣсь были устроены предѣлы.

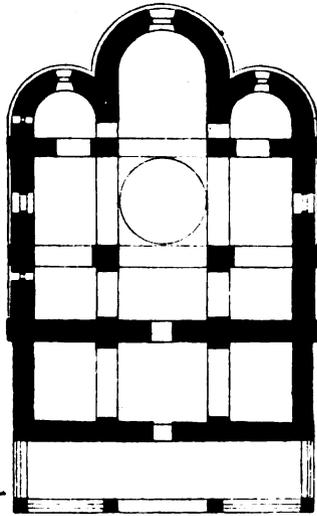

Рис. 16.

Когда хоры были заняты, то предѣлы строились съ боковъ и съ западной стороны, по бокамъ входа, какъ это и видимъ на планѣ Мирожскаго монастыря (рис. 16). Такимъ образомъ, весь храмъ приобрѣталъ болѣе удлиненную форму. Вотъ почему крестовый типъ храма приблизился къ кубическому. *Больше просторное расположеніе хоръ кубическаго храма сообщало ему большее удобство для молящихся, а потому такому расположенію отдавалось предпочтеніе передъ крестовымъ, и онъ сдѣлался болѣе распространеннымъ.*

Для полной реставраціи Мирожскаго монастыря слѣдуетъ уничтожить его звоницу, отдѣлить всѣ позднѣйшія пристройки и возстановить заложенные окна. Тогда древнія конструктивныя массы выявятъ крестовый типъ этого храма, какъ это показано на прилагаемомъ чертежѣ реставраціи (рис. 17) и существующемъ разрѣзѣ (рис. 18). Горизонтальные карнизы будутъ опоясывать храмъ на одномъ и томъ же уровнѣ, — стало быть, высота ихъ будетъ такая же, какъ и на среднемъ алтарномъ выступѣ; но такъ какъ алтарь врѣзывается въ барабанъ главы

Рис. 17.

не полукругомъ, а фронтономъ, вполнѣ согласно съ древними изображеніями на иконахъ, то и вся верхняя крестовая масса храма получить фронтонное покрытіе ¹⁾).

Для довершенія реставраціи церкви Мирожскаго монастыря, необходимо снять нынѣшнюю луковичную главу, разумѣется, несовременную основанію храма, но относящуюся—если судить по ея формѣ—недалѣе, какъ къ XVI вѣку. Древнее же покрытіе было черепичное, вѣроятно, невысокое и имѣло византійскую форму полушара. При такомъ покрытіи, храмъ дѣйствительно полу-

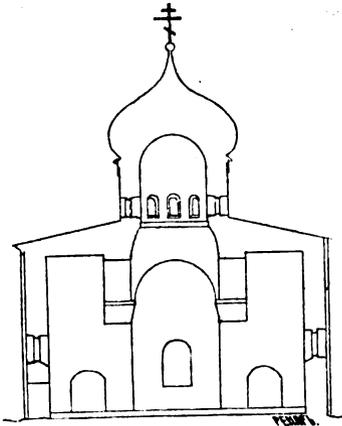

Рис. 18.

чаетъ въ своихъ массахъ столь законченный видъ и такую стройность пропорцій, что трудно что-либо къ нимъ прибавить, или убавить. Итакъ, Преображенская церковь Мирожскаго монастыря представляетъ собою *крестовый типъ византійской упрощенной архитектуры.*

Внѣ монастырской ограды, нѣсколько на востокъ отъ алтаря, находятся каменные развалины подваловъ, входъ въ которые невеликъ, устроенъ на крутомъ спускѣ къ рѣкѣ Великой и маскируется разными неровностями берега. Какъ далеко распространялись эти подвалы подъ монастыремъ—неизвѣстно; теперь они завалены землей. Нельзя съ достовѣрностью опредѣлить и ихъ назначенія, но едва ли они служили ходомъ къ водѣ изъ монастыря. Хотя такіе тайные ходы и встрѣчаются на Руси, одна-

¹⁾ Академикъ Суеловъ, тоже изслѣдовавшій соборъ на мѣстѣ, полагаетъ, что главный крестъ храма Мирожскаго монастыря имѣлъ круглыя покрытія. (См. Матеріалы къ исторіи древней новгородско-псковской архитектуры).

ко они обыкновенно выходили изъ крѣпостей и вообще изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ напр. въ Изборскѣ; Мирожскій же монастырь искони былъ лишенъ всякихъ укрѣпленій. Весьма возможно, что устройство этихъ подваловъ было вызвано потребностью другого рода. Въ старину, при церквахъ нерѣдко имѣлись обширныя подвальные помѣщенія, куда богатые купцы складывали свои дорогіе товары ¹⁾. Съ теченіемъ времени, эти подвалы были замѣнены подклѣтами, подцерковьями. Безцѣльный въ наши дни нижній этажъ церкви, или подцерковье, имѣлъ нѣкогда важное значеніе: старинные наши купцы образовывали артели, компаніи и избирали того или другого святого своимъ покровителемъ; въ храмѣ этого святого они заключали договоры и дѣлали сдѣлки; тутъ же находились особые лари, въ которыхъ хранились записныя книги и экземпляры договоровъ, на случай какихъ-либо справокъ, или споровъ; здѣсь были мѣста для склада разныхъ товаровъ, какъ это мы видимъ при разсмотрѣніи церковей менѣе сѣдой старины.

Разсмотрѣвъ храмъ Преображенія въ Мирожскомъ монастырѣ, мы замѣтили, что вслѣдствіе угловыхъ пристроекъ хоръ, храмъ приближается къ кубическому типу, но глава его слишкомъ сдвинута къ западу и кажется стоящей не на мѣстѣ. Чтобы избѣжать этотъ недостатокъ, слѣдуетъ боковые алтарные полукружія подвысить до верха, а снаружи закрыть ихъ прямыми стѣнками подъ лицо со стѣнами храма; тогда боковыя части алтаря войдутъ въ общій фасадъ зданія, и получится храмъ кубическаго типа, но нѣсколько отличный отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше, такъ какъ съ востока будетъ видѣнъ только одинъ полукруглый выступъ средняго алтаря.

¹⁾ См. Костомарова, Сѣверо-русскія народоправства. Спб. 1863 г., Т. II, стр. 222 и дал.

Храмы съ такими планами издревле строились въ Полоцкомъ княжествѣ: обратимся же къ г. Витебску.

Однимъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ, старинныхъ памятниковъ г. Витебска по справедливости считаютъ храмъ Благовѣщенія. Историческія свѣдѣнія объ этомъ храмѣ позволяютъ удалить время его основанія къ X вѣку— времени крещенія Руси при св. Ольгѣ¹⁾. Лѣтопись города Витебска говоритъ²⁾: „Въ лѣто 974 Ольга, побѣдивъ Ятвяговъ и Печенѣговъ, переправилась черезъ Двину и съ войскомъ заночевала. Понравилась ей гора, и она основала деревянный замокъ, назвавъ его отъ рѣки Витьбы Витебскомъ, построила въ верхнемъ замкѣ каменную церковь св. Михаила, а въ нижнемъ — *Благовѣщенія* и, пробывъ два года, отправилась въ Кіевъ“. Вотъ данныя, на основаніи которыхъ закладку Благовѣщенской церкви приурочиваютъ X-му вѣку и приписываютъ св. Ольгѣ. Сказаніе это ошибочно, говоритъ Сапуновъ, потому что св. Ольга скончалась раньше 974 г., именно въ 969. Слѣдовательно, надо предположить описку въ цифрѣ, если вѣрить этому сказанію. Другіе полагаютъ, что храмъ Благовѣщенія выстроенъ великимъ княземъ Ольгердомъ, который, по словамъ Литовской лѣтописи³⁾, былъ женатъ во второй разъ на витебской княжнѣ Улянѣ, „для которежъ князь Олыертъ окрестился въ русскую вѣру а

1) См. *Батюшковъ*. Бѣлоруссія и Литва. С.-Пб. 1890, стр. 17.

Сапуновъ. Витебская старина, Витебская лѣтопись подъ 974 г., стр. 168.

Вережкинъ. Историческо-юридическіе матеріалы, выпускъ XXII. Витебскъ 1891 г., стр. 118—119.

Н. Барсовъ. Матеріалы для историко-географ. словаря въ Россіи. Вильна. 1865 г., стр. 165 и друг.

Наше же подробное описаніе этихъ церквей будетъ помѣщено въ трудахъ Виленскаго Археолог.-Съѣзда.

2) Лѣтопись г. Витебска въ 1768 г. списана витебскимъ мѣщаниномъ С. Г. Аверкою слово въ слово изъ книги, писанной рукой мѣщанина М. Панцырнаго (см. Сапунова: „Витебская Старина“, стр. 455, т. I).

3) „Витебская Старина“, стр. 598, и примѣч. 162, стр. 651.

панове литовскіе вси были у своихъ вѣрахъ поганьскихъ и кн. Ольгердъ не чинилъ имъ силы и въ вѣру свою не вернулъ“. По словамъ Стрыйковского, „Ольгердъ, не жалѣя издержекъ, построилъ въ Витебскѣ двѣ каменныя церкви въ греческомъ стилѣ; одна изъ этихъ церквей находится въ нижнемъ замкѣ, а другая — въ полѣ за ручьемъ, или замковымъ рвомъ“. На основаніи этого сказанія полагаютъ, что въ нижнемъ замкѣ имъ выстроена церковь Благовѣщенская, а другая Духовская, такъ какъ Витебская лѣтопись говоритъ: „Въ лѣто 1332 Литовскій князь Ольгердъ взялъ въ супружество дочь Тверского князя Марину или Ульяну. Ему въ приданое данъ Тверскимъ княземъ Витебскъ.... Эта Ульяна построила каменную церковь св. Духа....“ Сохранившіяся историческія сказанія и лѣтописи опять таки и на этотъ разъ смѣшиваютъ обстоятельства перваго и втораго браковъ Ольгерда. Первая его супруга была Марія Ярославна, за ней въ приданое и былъ данъ Витебскъ; вторая же его супруга Ульяна Александровна основала монастырь при Духовской церкви, и сама тамъ постриглась подъ именемъ Маріи ¹⁾. Лѣтописи, говоря объ Ольгердѣ, тоже ошибаются въ указаніи времени. Такъ, напримѣръ, Витебская лѣтопись говоритъ: „Въ лѣто 1495 Ольгердъ велѣлъ повѣсить пять православныхъ чернецовъ, которые значатся теперь въ русскомъ календарѣ“. Но опять извѣстно, что Ольгердъ умеръ раньше, именно въ 1377 году, хотя дѣйствительно трое его придворныхъ, а не пять чернецовъ, были замучены и записаны въ календарь. Такимъ образомъ эти историческіе документы, сообщая событія, ошибаются въ хронологіи, а потому, не придавая имъ значенія болѣе чѣмъ слѣдуетъ, обратимся къ самому памятнику.

¹⁾ Примѣч. 944, „Витебская Старина“, стр. 647.

Планъ церкви Благовѣщенія въ Витебскѣ рис. 19 претерпѣлъ нѣсколько измѣненій. Такъ, напримѣръ, каменный существующій нынѣ съ закругленіемъ иконостасъ, конечно, — дѣло не только не современное основанію храма, но просто нестарое, недавнее: онъ сложенъ изъ новаго кирпича, какъ оказалось при отбитіи штукатурки. Древняя кладка оказалась во всѣхъ наружныхъ стѣнахъ, на внутреннихъ столбахъ, на поперечной внутренней стѣнѣ и на западной, бывшей наружной стѣнѣ храма, гдѣ находится входная дверь. Западная бывшая наружная стѣна храма нынѣ закрыта

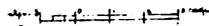
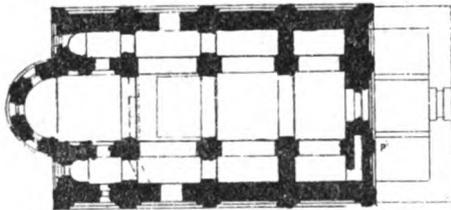

Рис. 19.

пристройкой съ колокольной. Несмотря на это бывший фасадъ церкви очевиденъ, такъ какъ древнія лопатки r и r_1 (рис. 19) сохранились и видны какъ въ первомъ этажѣ пристройки, такъ и во второмъ на новыхъ хорахъ. Древняя лѣстница въ западной стѣнѣ храма показываетъ, что въ западной части храма находились хоры, существующія и нынѣ въ своемъ древнемъ видѣ, но только съ боковъ.

Отдѣливъ колокольню, а также и позднюю южную пристройку, т. е. древнія части отъ новыхъ, получимъ планъ въ его первоначальномъ видѣ. Онъ состоитъ изъ паперти, надъ которой были хоры. Черезъ эту паперть и арку входите въ храмъ. Его планъ—въ видѣ квадрата съ двумя столбами посрединѣ. Съ востока расположенъ троечастный алтарь; средняя его часть изнутри и снаружи — въ видѣ полукруга, а боковая изнутри—въ видѣ полукруглыхъ нишъ, а съ наружи какъ въ Евфросиньевскомъ монастырѣ (см. ниже), полукруговъ не имѣютъ, и образуютъ пря-

мые углы съ лопатками. Отбитіе штукатурки внутри и снаружи въ разныхъ мѣстахъ показало, что кладка состоитъ изъ тонкаго кирпича толщиною въ $\frac{5}{8}$ вершка и длиною въ $4\frac{7}{8}$ вершка. Кирпичъ по большей части продолговатый, но есть и квадратный; шовъ раствора по толщинѣ иногда равенъ кирпичу, но бываетъ и толще. За двумя рядами кирпича идетъ тесаный камень, по толщинѣ равный четыремъ рядамъ кирпича со швами, затѣмъ опять кирпичъ и т. д.; иногда вмѣсто двухъ рядовъ кирпича встрѣчается три. Такая кладка идетъ съ основанія храма и поднимается до пять верхнихъ сводовъ, а иногда и нѣсколько выше. Наружныя арки и промежутки между лопатокъ сдѣланы изъ новаго кирпича сравнительно недавно: когда потребовалось сдѣлать крышу подъ горизонтальный карнизъ. Глава на этой церкви деревянная и снизу не открыта: она сдѣлана исключительно для фасада. Первоначально глава, конечно, была каменная прямо надъ иконостасомъ, какъ это всегда бываетъ, тоже изъ тесанаго камня съ кирпичемъ, стало быть полосатая; куполь былъ крытъ по своду въ видѣ полушара. Своды, покрывающіе нынѣ храмъ, тоже новые. Чердакъ интересенъ потому, что тамъ ясно видно нѣсколько наслоеній. Древнее покрытие было по полукругамъ, признаки его и теперь сохранились, въ особенности на западной стѣнѣ; но здѣсь кирпичъ не тотъ, который видимъ въ нижнихъ частяхъ церкви, хотя здѣсь и встрѣчается кирпичъ тонкій, квадратный, но по большей части довольно крупный: его можно отнести къ XIV вѣку. Если это покрытие и сдѣлано по древнему, то во всякомъ случаѣ оно — первоначальное. Можетъ быть храмъ этотъ и былъ исправленъ при Ольгердѣ. Первоначальный фасадъ, по всей вѣроятности, имѣлъ покрытие по аркамъ и былъ разукрашенъ полосами краснаго кирпича по полю изъ тесанаго кам-

ня, какъ это видимъ въ самыхъ древнѣйшихъ нашихъ церквахъ византийскаго стиля, на примѣръ: св. Софіи въ Новгородѣ. Св. Софія на своемъ чердакѣ и до сихъ поръ носитъ слѣды первоначальной отдѣлки; ея фасадъ тоже разукрашенъ тонкимъ кирпичемъ, который чередуется съ тесанымъ камнемъ, какъ и церковь Благовѣщенія въ Витебскѣ. Такимъ образомъ черезъ сравненіе кладки разныхъ древнихъ церквей приходимъ къ заключенію, что кладка Благовѣщенской церкви по тождеству своему съ другими храмами, на примѣръ: св. Софіи въ Новгородѣ — постройки XI вѣка, Антоніевскаго монастыря, построеннаго въ самомъ началѣ XII вѣка, Юрьевскаго монастыря въ Новгородѣ тоже XII вѣка, вполне позволяетъ отнести основаніе храма не только къ XII вѣку, но къ XI и даже можетъ быть и X вѣку, такъ какъ типъ плана вполне это допускаетъ. Но является вопросъ: можно ли, судя по кладкѣ, отнести Благовѣщенскій храмъ къ XIV вѣку, — ко временамъ Ольгерда.

Для рѣшенія этого вопроса, конечно, необходимо сравнить кладку Благовѣщенской церкви съ кладкой церквей времени Ольгерда. Нѣкоторыя изъ такихъ церквей намъ извѣстны, на примѣръ: Пречистенская въ г. Вильнѣ, въ Витебскѣ Иоанна Богослова, выстроенная Ульяной, женой Ольгерда ¹⁾, и другая Духовская, гдѣ Ульяна учредила женскій монастырь. Осмотръ послѣдней церкви и въ особенности ея подваловъ рисуетъ картину совершенно другого дѣла, другой кладки, изъ кирпича болѣе толстаго и крупнаго. Кладка Духовской церкви даже въ самомъ ея основаніи сдѣлана исключительно изъ одного кирпича и ничего не имѣетъ общаго съ кладкой Благо-

¹⁾ „Витебская Старина“, стр. 44, жалоба священника Иоанно-Богословской церкви.

вѣщенской церкви. Да и вообще въ XIV вѣкѣ постройки дѣлаются просто изъ кирпича. Намъ неизвѣстно ни одной церкви XIV вѣка, гдѣ бы можно было видѣть кладку рядами изъ кирпича и камня. Византійская кладка практиковалась съ X по начало XIII вѣка, а въ XIV вѣкѣ видимъ уже совсѣмъ другую кладку—изъ одного кирпича. Итакъ, путемъ сравненія опять должны придти къ заключенію, что Благовѣщенская церковь основана раньше XIV вѣка, слѣдовательно не Ольгердомъ. Да и дѣйствительно, какія же есть указанія на то, что ее строилъ Ольгердъ? Правда, вышеприведенное сказаніе говорить, что въ нижнемъ замкѣ въ Витебскѣ Ольгердъ выстроилъ церковь,—но какую церковь, во имя кого—сказаніе не говоритъ, а указаніе мѣстныхъ изслѣдователей старины, какъ-то: Сапунова, Батюшкова и друг., на Ольгерда, какъ на строителя Благовѣщенской церкви, есть не болѣе какъ предположеніе, ни на чемъ не основанное, родившееся только потому, что изъ каменныхъ церквей Благовѣщенская—древнѣйшая. Но существованіе древней Благовѣщенской церкви въ нижнемъ замкѣ не исключаетъ возможности существованія тамъ, можетъ-быть, и нѣсколькихъ еще другихъ церквей разныхъ временъ. Стало быть и храма времени Ольгерда независимо отъ церкви Благовѣщенія.

Обратимся еще къ плану рис. 19. По типу планъ—византійскій, и, конечно, принадлежитъ къ той порѣ, когда центровой планъ соединился съ базиличнымъ, что, какъ извѣстно, случилось не ранѣе X вѣка. Разсматривая же планы нашихъ древнѣйшихъ храмовъ X и XI вѣковъ, напримѣръ: Кіевской Софіи, Черниговскаго собора, Новгородской Софіи и друг., замѣчаемъ, что во всѣхъ этихъ церквахъ средній алтарный выступъ болѣе преобладаетъ надъ боковыми, чѣмъ въ цервахъ XII и

XIII вѣковъ, т.-е. болѣе позднихъ, какъ это видимъ, на примѣрѣ въ Михайловскомъ соборѣ въ Кіевѣ XII в. и въ лучшемъ расцвѣтѣ всѣхъ церквей Владимиро-Суздальскаго края. Но въ XII вѣкѣ во Владимиро-Суздальскомъ краѣ хотя и придерживаются византійскихъ плановъ кіевскихъ церквей, но вырабатываютъ свою особую архитектуру, во многомъ отличную отъ церквей X и XI вѣковъ. Кромѣ измѣненія фасадныхъ украшеній мѣняются и пропорціи плана, въ особенности въ своей алтарной части; такъ, средній выступъ алтаря дѣлается значительно меньше. Такимъ образомъ владимірскій планъ передаетъ свои традиціи всѣмъ послѣдующимъ постройкамъ московской архитектуры, для которыхъ онъ послужилъ прототипомъ.

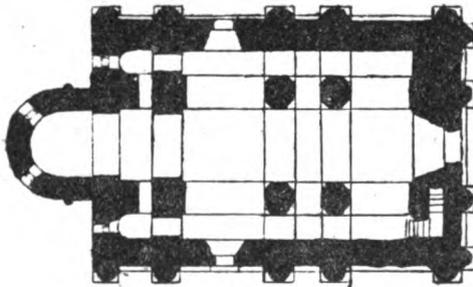

Рис. 20.

Совсѣмъ другое видимъ въ Полоцкомъ княжествѣ. Здѣсь церковь Спаса въ Евфросиньевскомъ монастырѣ, строенная въ XII вѣкѣ, (рис. 20) и весьма похожа по плану на Благовѣщеніе въ Витебскѣ, которая несомнѣнно византійскаго стиля. Обѣ церкви имѣютъ одну и ту же алтарную особенность: средній выступъ алтаря весьма значителенъ, боковыя же полукружія столь малы, что на фасадѣ они выражены прямыми стѣнками, вслѣдствіе этого боковыя фасады храма удлиняются къ востоку, а снаружи церковь кажется имѣющей только одно алтарное полукружіе. Такой видъ плана, какъ въ Евфросиньевскомъ монастырѣ въ Полоцкѣ и Благовѣщенія въ Витебскѣ, конечно, ближе къ планамъ кіевскимъ X—XI вѣковъ, чѣмъ къ планамъ владимиро-суздальскимъ

XII вѣка: такъ какъ средній алтарный выступъ полоцкихъ церквей значителенъ, и ихъ наружная прямоугольная отдѣлка нисколько не противорѣчитъ виду плана болѣе ранняго времени, чѣмъ XII вѣкъ. Такіе планы видимъ, напримѣръ, въ развалинахъ церкви св. Василя въ Херсонѣ X вѣка и друг.

Разобравъ такимъ образомъ планъ Благовѣщенской церкви и сравнивъ его съ другими, должны признать, что онъ строенъ по типу византійскихъ плановъ X—XII вѣковъ, и потому не имѣемъ данныхъ отрицать возможность сооруженія этого храма въ X—XII вѣкахъ. Принимая же во вниманіе кладку и стиль, тождественные съ церквами XI вѣка, какъ-то: Кіевской Софіи, Черниговскаго собора и Софіей въ Новгородѣ, готовы скорѣе повѣрить сказанію Витебской лѣтописи объ основаніи Благовѣщенской церкви княгиней Ольгой въ X вѣкѣ, чѣмъ Ольгердомъ въ XIV вѣкѣ, хотя самымъ вѣроятнымъ временемъ его основанія намъ кажется XI вѣкъ; если же XII, то во всякомъ случаѣ нѣсколько раньше церкви Спаса въ Евфросиньевскомъ монастырѣ: на это наводитъ насъ кладка храма, ближе подходящая къ XI вѣку, чѣмъ къ XII—XIII вѣкамъ.

Предположеніе же о существованіи здѣсь какой бы то ни было каменной церкви въ пору язычества, т.-е. до принятія Христовой вѣры св. Владиміромъ, вполнѣ вѣроятно, такъ какъ есть прямыя указанія лѣтописей на существованіе разныхъ церквей даже въ Новгородѣ, въ мѣстности болѣе удаленной отъ Кіева. Извѣстно, что были попытки и раньше Владиміра обратить Русь въ Христову вѣру и сдѣлать ее официальной религіей: такъ, крестились Аскольдъ и Диръ, а потомъ и Ольга. Полоцкъ же и Витебскъ всегда стояли на пути изъ варягъ въ греки, который шелъ по Западной Двинѣ, и потому невѣроятно

предположить, чтобы этотъ край въ то время былъ совершенно чуждъ Христовой вѣры, тѣмъ болѣе что въ Новгородѣ уже были православныя церкви.

Близъ г. Полоцка находится женскій монастырь, основанный преподобной Евфросиніей въ XII вѣкѣ, но въ какомъ году—неизвѣстно, хотя не позднѣе 1173 г.,—года кончины преподобной Евфросиніи. Евфросинія въ міру носила имя Предславы. Она была дочь (Георгія) Святослава Всеславича; ушла тайно изъ родительскаго дома и постриглась въ монахини. Полоцкій епископъ Илья разрѣшилъ ей жить въ кельи, пристроенной къ Софійскому собору, въ такъ называемомъ „голубцѣ“¹⁾; но скорѣе епископъ уступилъ ей свое сельцо, гдѣ у него былъ загородный домъ, съ небольшою деревянною церковью во имя Спаса Преображенія. Тамъ покоились останки прежнихъ епископовъ. Здѣсь Евфросинія съ помощію родственниковъ выстроила новую каменную церковь во имя Спаса, учредила новую женскую обитель, куда и привлекла свою родную сестру (Гориславу) Евдокію и двоюродную—(Звениславу) Евпраксію Борисовну. Храмъ этотъ существуетъ до сихъ поръ, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ.

Исторія его полна невзгодъ. Обитель была нѣсколько разъ оставляема инокинями. Такъ случилось въ 1563 г.: когда разнеслась вѣсть, что Иванъ Грозный съ войскомъ идетъ въ Полоцкъ, инокини оставили обитель и болѣе туда не возвратились. Когда Полоцкъ взялъ польскій король Стефанъ Баторій, то онъ въ Евфросиньевскомъ монастырѣ устроилъ іезуитскую коллегію. Затѣмъ при взятіи Полоцка царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ церковь Спаса была освящена въ при-

¹⁾ Батюшковъ, стр. 28.

сутствіи самого царя. Но когда Полоцкъ снова достался Польшѣ, Спасскій монастырь обратили въ костель (съ 1667 г. до 1820 г.), пока городъ не перешель опять къ русскимъ. И вотъ въ 1832 году Гавріиль, епископъ Могилевскій и Витебскій, пишетъ къ генераль-губернатору князю Хованскому о необходимости исправленія этой древней обители, на что и послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императора Николая I слѣдующаго содержания: „Находящуюся близъ Полоцка въ казенномъ іезуитскомъ имѣніи церковь Спаса передать въ вѣдомство грекороссійскаго духовенства и, чтобы сохранить сей священный памятникъ древняго зодчества и православія въ странѣ искони русской отъ разрушенія, сдѣлать въ оной церкви нужныя исправленія на счетъ казны; и вотъ въ 1840 году по Высочайшему повелѣнію возстановленъ женскій монастырь и причисленъ къ 1-му разряду. Итакъ, послѣ столь многихъ видоизмѣненій, произведенныхъ въ церкви Спаса, намъ приходится теперь спрашивать этого свидѣтеля старины, какъ строились храмы въ XII вѣкѣ вообще и какую первоначальную форму имѣлъ самъ этотъ храмъ. Допросъ этотъ, вслѣдствіе сильныхъ измѣненій въ массахъ храма, становится весьма труднымъ, но мы стараемся получить хотя и не вполне точный, но сколь возможно удовлетворительный отвѣтъ.

Планъ Спасской церкви въ Евфросиньевскомъ монастырѣ (рис. 20) весьма много имѣетъ общаго съ планомъ Благовѣщенской церкви въ Витебскѣ онъ тоже продолговатый; восточный фасадъ имѣетъ одинъ полукруглый выступъ средняго алтарнаго полукружія, боковые же заключены въ прямыя стѣнки и такимъ образомъ замаскированы фасадомъ главной массы церкви. Подобные планы видимъ въ новгородскихъ церквахъ. Внутри тоже по три столба съ каждой стороны,

при чемъ на западные опираются хоры; на хорахъ же находятся и двѣ кельи: одна справа — преподобной Евфросиніи, а другая слѣва—ея сестры Евдокіи. Кладка стѣнъ этой церкви носитъ сильные слѣды исправленія. Церковь сложена изъ тонкаго кирпича, похожаго на кирпичъ св. Софіи, Борисоглѣбской, Благовѣщенской церкви въ Витебскѣ и другихъ церквей того времени; иногда кирпичъ имѣетъ квадратную форму. Матеріаль другого рода, какъ напримѣръ: булыжникъ или тесаный камень, въ стѣнахъ Спасской церкви намъ не случилось встрѣтить. Старушка, игуменья монастыря, весьма преклонныхъ лѣтъ, и старожилы, бывшіе свидѣтелями исправленій этого храма, тоже увѣряютъ, что въ церкви нѣтъ другого матеріала, кромѣ кирпича. Близъ основанія своего храмъ носитъ слѣды сравнительно поздняго исправленія крупнымъ кирпичемъ. Такого рода исправленія еще болѣе замѣтны въ верхнихъ частяхъ храма между арокъ и выше ихъ. Очевидно, что верхняя часть собора наложена недавно, во время исправленій, произведенныхъ при Императорѣ Николаѣ 1-мъ, что ясно видно изъ донесенія архитектора г. Порты князю Хованскому 1832 года, гдѣ между прочимъ говорится: *„крыша, крытая частью соломой частью черепицей и гонтомъ, снята до основанія поверхности стѣнъ какъ надъ церковью, такъ и надъ полукуполомъ алтаря. . . . устроена вновь со стропилами и моеурлатами надъ главнымъ строеніемъ, а надъ алтаремъ. . . . въ видъ полукупола покрыта листовымъ желѣзомъ. Верхній куполъ по совершенной гнилости кружалъ и стержня разобранъ до основанія. 5) Сдѣланы вновь обвязки для купола и кружалъ по старому образцу съ обшивкой по поверхности кружалъ и обивкой листовымъ желѣзомъ...“* и проч.

Первоначально храмъ, вѣроятно, имѣлъ покрытие посвод-

ное, т.-е. византійское. Надо замѣтить, что полуколонки, которыми убранъ этотъ храмъ съ трехъ сторонъ, встрѣчаются въ древнихъ церквахъ вообще рѣдко; но онѣ несомнѣнно примѣнялись въ XI и XII вѣкахъ къ церквамъ кievскаго вида, какъ это видимъ, на примѣръ, на храмѣ Елецкой Богоматери въ Черниговѣ, гдѣ боковые фасады имѣютъ подобныя же полуколонки, а лекальные кирпичи, найденные въ развалинахъ Борисоглѣбской церкви въ Полоцкѣ, ясно указываютъ, что въ XII вѣкѣ и въ Полоцкѣ тоже практиковалось убранство такого рода. Стало быть, и первоначально храмъ былъ обставленъ полуколонками, приставленными къ лопаткамъ съ перекинутыми на нихъ арками-закомарами. Покрытіе же было по комарамъ, т.-е. посводное, черепичатое или вѣрнѣе свинцовое, слѣдовательно, чердака не было. Барабанъ главы, вѣроятно, имѣлъ другую форму: былъ значительно ниже и имѣлъ покрытіе посводное, полушаровое, византійское. Съ устройствомъ же крыши на два ската и поднятіемъ карниза по бокамъ, послѣ задѣлки бывшихъ яндовъ между арками, древняя глава оказалась почти вся закрыта новой высокой крышей, и потому ее надо было удлинить, а можетъ-быть и переложить вновь. Такимъ образомъ, если дѣлать реставрацію этого храма, и крыть по полукругамъ, глава окажется очень длинной, и потому ее придется значительно уменьшить. Увеличина же она, вѣроятно, послѣ сдѣланной на ней новой фронтоной крыши на два ската архитекторомъ Портомъ, какъ это видно изъ донесенія князю Хованскому, сравнительно въ позднее время.

Церковь эта въ своемъ первоначальномъ видѣ была одноцвѣтная, такъ какъ имѣла однородную кладку и тѣмъ самымъ сильно отличалась отъ другихъ древнихъ церквей, имѣвшихъ кладку разнородную и потому полосатый фа-

садъ. Однородность кладки въ церквахъ XII вѣка явленіе весьма рѣдкое. Поэтому, не будь столь ясныхъ историческихъ указаній на ея существованіе при жизни св. Евфросиніи, по всѣмъ примѣтамъ можно бы было приурочить ее къ XIII вѣку.

Теперь разсмотримъ наибольшій изъ храмовъ въ г. Полоцкѣ Софійскій соборъ. Первоначально онъ былъ деревянный ¹⁾, но по словамъ Стрыйковского, писавшаго въ XVI вѣкѣ, князь Борисъ Гинвиловичъ на мѣстѣ деревянной церкви основалъ новый каменный храмъ *въ иреческомъ стилѣ*. Въ какомъ году основанъ этотъ храмъ, — неизвѣстно; гг. Сапуновъ и Батюшковъ ²⁾ говорятъ, что хотя Литовская лѣтопись и Стрыйковский величаютъ князя Бориса Гинвиловичемъ, но вѣрнѣе онъ былъ Всеславичъ, сынъ князя Всеслава († 1128 г.), такъ какъ князя Бориса Гинвиловича въ г. Полоцкѣ никогда не было. Если Софійскій храмъ построенъ этимъ княземъ, то время его основанія надо приурочить къ концу XI или началу XII вѣка. Въ XII вѣкѣ онъ существовалъ несомнѣнно, такъ какъ въ это время у него въ голубцѣ жила преподобная Евфросинія, которая позднѣе выстроила церковь Спаса близъ Полоцка. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1506 г. (7014) сказано: „Полтексъ на Двинѣ и Полотѣ Древлянъ; св. Софія *о седми верхахъ*“. При Іоаннѣ Грозномъ и Сигизмундѣ Августѣ во время взятія Полоцка въ Софіи совершалась служба, но со вступленіемъ на престолъ Стефана Баторія въ 1579 г. Полоцкъ взяли поляками. Герберштейнъ, бывший очевидцемъ взятія Полоцка, говоритъ, что въ храмѣ въ замкѣ, т.-е. въ св. Софіи, была библиотека, которая въ глазахъ ученыхъ имѣла большую цѣнность. Тамъ, кромѣ лѣтописей, оказалось много сочиненій

¹⁾ Сапуновъ: „Полоцкій Софійскій соборъ“. Витебскъ, 1888 г., стр. 2.

²⁾ Батюшковъ: „Бѣлоруссія и Литва“. С.-Пб., 1890 г., стр. 27.

ученыхъ отцовъ греческой церкви и всѣ на славянскомъ языкѣ. Многія изъ этихъ книгъ будто бы были переведены съ греческаго Меодіемъ и Константиномъ.

Пожаромъ 1607 г. храмъ былъ сильно поврежденъ. Тогда въ его развалины были помѣщены городской и земскій суды Полоцкаго воеводства: но черезъ нѣсколько лѣтъ Полоцкій униатскій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ († 1623 г.) исправилъ храмъ хотя и съ измѣненіями. Полагаютъ, что этотъ исправленный храмъ тоже пострадалъ отъ пожара въ 1642 г., когда всѣ строенія, стѣны и вышки верхняго замка, гдѣ онъ стоитъ, были обращены въ пепель. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1654 г. вновь исправленъ, такъ что въ смѣтной книгѣ г. Полоцка ¹⁾, составленной во время занятія этого города русскими, говорится: „Соборная церковь св. Софіи Премудрости Божіей, строенія прежнихъ государей, царей и великихъ князей московскихъ (?), каменная, а въ ней мѣстные образы, деисусы и царскія двери греческаго письма на золотѣ“. Тогда же въ присутствіи самого царя Алексѣя Михайловича соборная церковь св. Софіи освящена.

Дальнѣйшая судьба храма Софіи весьма печальна до половины XVIII вѣка: храмъ приходитъ въ такую ветхость, что отъ него остаются однѣ развалины. Тогда униатскій Полоцкій архіепископъ Флоріанъ Гребницкій († 1762 г.) въ 1750 году перестроилъ храмъ въ западномъ стилѣ, при чемъ совершенно измѣнилъ его планъ и фасадъ (рис. 21). Этотъ храмъ теперь, обращенъ въ каѳедральный Полоцкій соборъ

Храмъ этотъ въ настоящее время весьма значительныхъ размѣровъ, какъ видно по плану, но совершенно

1) Сапуновъ „Витебская Старина“. IV ч., стр. 277.

измѣненъ противъ прежняго. Древняя часть первоначальнаго храма сохранилась только съ востока, т.-е. алтарь (рис. 21), гдѣ и теперь находится предѣлъ; главный же алтарь храма расположенъ на сѣверѣ. Такимъ образомъ храмъ этотъ представляется какъ бы въ видѣ креста. Внутренность его тоже какъ и наружность отдѣлана въ западномъ стилѣ лѣпной работой. Храмъ вообще — обширный и свѣтлый, сложенъ весь изъ кирпича, за исключеніемъ восточнаго выступа, несомнѣнно представляющаго остатокъ

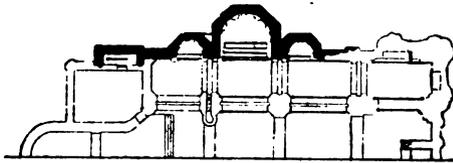

Рис. 21.

древняго первоначальнаго храма св. Софіи XI—XII вѣка. Кладка этой части состоитъ изъ чередующихся рядовъ булыжныхъ камней — кругляковъ неправильной формы на известковомъ растворѣ и нѣсколькихъ тонкихъ рядовъ кирпичей, толщиною въ 1 дюймъ, съ толстыми швами, иногда толще дюйма. Такимъ образомъ кладка эта напоминаетъ кладку кievскихъ и вообще нашихъ южныхъ церквей, имѣвшихъ полосатые фасады. Размѣры кирпича весьма похожи на новгородскіе. Детали наружной отдѣлки храма очень похожи, можно сказать, тождественны по стилю съ церковью Благовѣщенія въ Витебскѣ, св. Софіей въ Кіевѣ, Черниговскимъ соборомъ, св. Софіей въ Новгородѣ, Мирожскимъ монастыремъ, Ивановскимъ въ Псковѣ и друг.

Алтарный выступъ Полоцкой св. Софіи снаружи представляется въ видѣ трехъ граненыхъ призмъ. Въ настоящее время верхняя часть средняго алтарнаго полукружія представляется надстроенной; первоначально же такой надстройки не было, и средній полукругъ, вѣроятно, незначительно превышалъ боковые выступы.

Если всмотримся въ планъ древней части Софіи, то, зная устройство древнихъ храмовъ XI и XII вѣковъ, можемъ приблизительно представить себѣ планъ древняго первоначальнаго Софійскаго собора.

Планъ алтаря и значительная высота фасадовъ боковыхъ полукружій показываютъ, что храмъ былъ кубическій (не крестовый). По аналогіи смотря на планъ, можно опредѣлить, мѣста вторыхъ столбовъ, на которые были переброшены подпружныя арки, если въ срединѣ сдѣлаемъ квадратъ; западная стѣна тоже опредѣлится, если сѣверозападныя и югозападныя угловыя части тоже сдѣлаемъ квадратными. Главная масса храма, вѣроятно, была пятиглавая, но если вѣрить вышеприведенному указанію Воскресенской лѣтописи, что храмъ въ 1156 году былъ о семи верхахъ, то надо предположить, что возлѣ него были другія пристройки съ главами, напримѣръ; съ запада стояли башни или по бокамъ предѣлы.

Нельзя пройти молчаніемъ и развалины Борисоглѣбскаго монастыря. Основаніе Борисоглѣбскаго монастыря тоже приписываютъ князю Борису, основателю св. Софіи. Въ настоящее время отъ сооруженій этого монастыря остались только развалины, находящіяся на другой сторонѣ рѣки Двины. Осмотръ этихъ древнихъ остатковъ показалъ, что тутъ была каменная церковь, сложенная точно такъ же, какъ и св. Софія, тоже изъ тонкаго кирпича въ три ряда на известковомъ растворѣ, при чемъ шовъ раствора толще кирпича, такъ что при толщинѣ кирпича въ 1 дюймъ, шир. 6 д. и длиной 12,5 д. три ряда имѣютъ толщину въ шесть вершковъ, т.-е. 10,5 дюйма; надъ этимъ рядомъ идетъ рядъ булыжнаго камля (кругляковъ) разной величины. Мѣстный сторожъ или понамарь, уже старикъ, рассказываетъ, что онъ видѣлъ кирпичи съ

клеймами въ видѣ креста, но такого кирпича намъ найти не удалось. Планъ церкви могъ бы быть по фундаменту обмѣренъ сравнительно точно, если бы сдѣлать раскопки; а то развалившіеся стѣны и столбы не позволяютъ снять точныхъ обмѣровъ. Тѣмъ не менѣе по развалинамъ ясно видно, что церковь имѣла троечастный алтарь, который и снаружи, какъ въ св. Софіи, тоже выражался тремя выступами полукруглыми или гранеными. Внутри церкви было шесть столбовъ: два средніе указываютъ на существовавшія боковыя хоры, къ восточнымъ примыкаль алтарь, а между столбами — алтарная преграда. Ширина всей церкви, считая отъ срединъ наружныхъ стѣнъ—21 аршинъ; наибольшая длина, считая отъ срединъ западной стѣны до срединъ самой выдающейся части стѣны средняго алтарнаго полукружія, — 26 арш. 7 вершк., а до боковыхъ — 23 арш.; слѣдовательно, среднее алтарное полукружіе имѣло большій выступъ наружу противъ боковыхъ на 3 арш. 7 вершковъ. Разстояніе между центрами внутреннихъ столбовъ церкви—10 арш. 11 вершковъ. Размѣры показываютъ, что планъ храма былъ почти квадратной формы, не считая трехъ выступовъ алтаря какъ въ Софіи, чѣмъ значительно отличался отъ плана Спасской Евфросиніевской церкви въ Полоцкѣ и Благовѣщенской въ Витебскѣ, планы которыхъ представляются болѣе удлинненными, и съ однимъ наружнымъ полукружіемъ алтаря, хотя и съ тѣми же шестью столбами внутри.

Близъ развалинъ этой церкви находятся другія развалины, тоже старинныя. Судя по матеріалу, зданіе было ровесникомъ самой церкви: здѣсь найдены кирпичи тѣхъ же размѣровъ, что и въ церкви; между прочимъ нѣкоторыя изъ нихъ были закруглены какъ бы для полуколоннокъ; растворъ въ этомъ зданіи имѣетъ значительно

большую примѣсь разбитого на куски кирпича, величиною съ кедровый орѣхъ. По преданію, здѣсь былъ жилой монастырскій домъ.

Заканчивая о церквахъ западной Россіи мы далеко не изчерпали весь матеріалъ. Укажемъ бѣгло еще на церкви г. Смоленска XII вѣка, имѣющія складъ подобный выше описаннымъ, такъ напр., Успенскій соборъ, разоренный Поляками и возстановленный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, церковь апостоловъ Петра и Павла, Иоанна Богослова и др. Всѣ они сложены изъ тонкаго кирпича, толщиною около дюйма, длиной около 10—12 дюймовъ, шириной въ 8 — 10 дюймовъ. Планы ихъ въ видѣ четырехугольниковъ съ троечастными алтарными выступами. Но не останавливаясь болѣе на нихъ перейдемъ къ Владиміро-Суздальской архитектурѣ.

Владиміро-суздальскія церкви значительно разнятся отъ вышеописанныхъ храмовъ. Всѣ онѣ принадлежатъ къ кубическому типу и имѣютъ то же расположеніе, какъ и вышеописанные храмы. Различіе выражается въ деталяхъ. Церкви владиміро-суздальской области уступаютъ кievскимъ и сѣвернымъ въ отношеніи величины, но превосходятъ ихъ богатствомъ внѣшнихъ украшеній. Это заставляетъ насъ всѣ церковныя сооруженія домонгольскаго періода раздѣлить на двѣ категоріи, *кievскую* и *владиміро-суздальскую*.

Церкви второй категоріи были одноглавыя и, какъ мы уже замѣтили, вообще невелики. Исторія ихъ возникновенія тѣсно связана съ возвышеніемъ Владиміра послѣ того, какъ князья этого края перестали стремиться въ Кіевъ и перенесли великокняжескій столъ на берегъ Клязьмы. Начиная съ Юрія Долгорукаго, особенно

при Андрѣ Боголюбскомъ и при Всеволодѣ Большомъ-Гнѣздѣ, города суздальской земли обзаводятся бѣлокаменными храмами, которыхъ намъ извѣстно до десяти ¹⁾. Таковы, между прочимъ, церкви св. Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ (1152 г.), Всемилоitivaго Спаса въ Ефиміевскомъ монастырѣ, въ Суздали; Дмитриевскій соборъ во Владимірѣ (около 1194 г.) и друг. Всѣ эти храмы имѣютъ очень много общаго между собою и ясно выражаютъ особенности своего типа. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ, не держась хронологическаго порядка ихъ сооруженія.

Дмитриевскій соборъ во Владимірѣ имѣетъ наиболѣе развитыя детали и наиболѣе характеренъ. Его планъ, разрѣзъ и фасадъ, словомъ все устройство напоминаетъ, на первый взглядъ, уже рассмотрѣнныя нами церкви XI вѣка. Самое рѣзкое, бросающееся въ глаза отличіе Владиміро-Суздальскихъ церквей составляетъ богатая отдѣлка фасадовъ. Складъ зданій здѣсь кievскаго типа: фасадныя закомары выражаютъ внутреннее расположеніе сводовъ или комаръ. Распредѣленіе столбовъ и стѣнъ вну-

Рис. 22.

три храмовъ означено на фасадѣ иногда лопатками, какъ въ кievскомъ типѣ, но чаще всего группами колонокъ и пилястръ. На срединѣ высоты храма, снаружи, по большей части на высотѣ пола хоръ, идетъ горизонтально поясъ изъ небольшой аркады, обильно украшенной (рис. 22)

¹⁾ Тр. перв. арх. съѣзд., Т. I. гр. Уварова, взглядъ на архитектуру XII вѣка, стр. 258.

изображеніями человѣческихъ фигуръ, орнаментовъ растительнаго и фантастическо-животнаго міра: звѣрей, птицъ

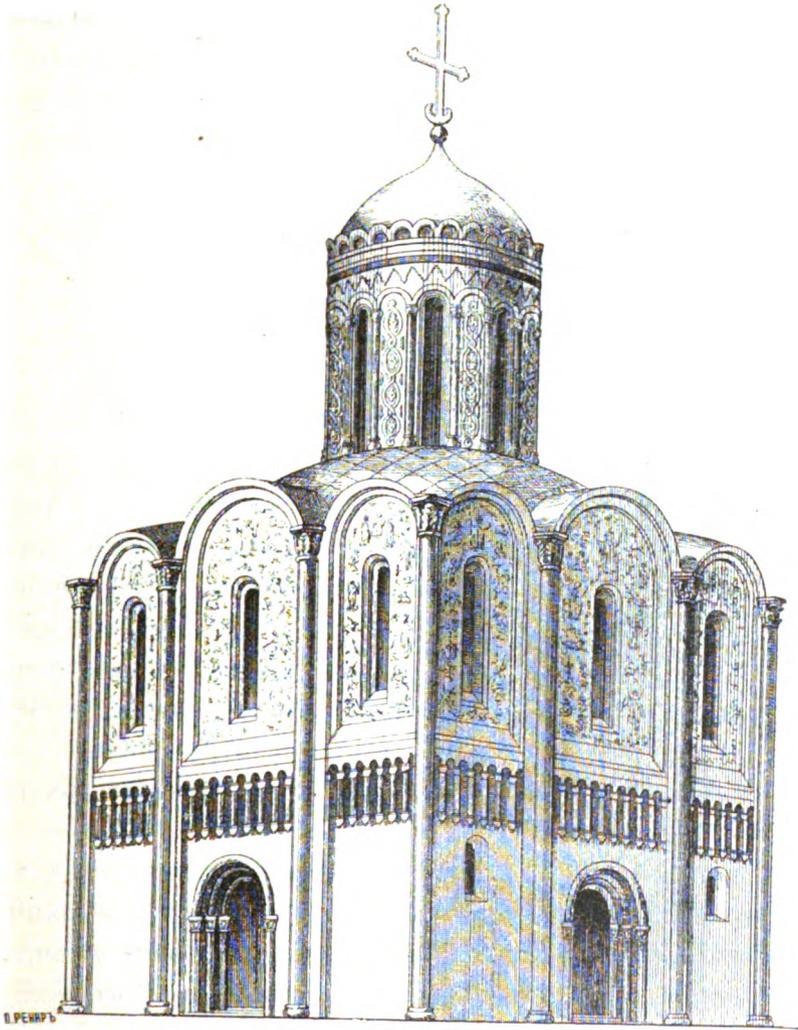

Рис. 23.

и пр. какъ видимъ въ Дмитріевскомъ соборѣ (рис. 23.) Подобныя обронныя украшенія встрѣчаются и въ другихъ

частяхъ зданія. Въ Дмитріевскомъ соборѣ они покрываютъ всѣ закомары сверху до самаго пояса, а въ церкви св. Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ, фасадъ покрытъ ими сплошь, сверху до низу. Всѣ церкви такого рода имѣютъ по три входа, съ сѣвера, запада и юга; каждый входъ почти всегда украшенъ также рѣзной аркатурой на колонкахъ. На барабанѣ главы выдѣланы арочки, опирающіяся на колонки; выше арокъ выступаютъ изъ тѣла барабана треугольные зубчики, обрѣзанные уступами, весьма напоминающими рѣзную деревянную работу; надъ ними находится такъ называемая елка, затѣмъ поясокъ, и на немъ каменные кокошники, какъ это видно на гла-

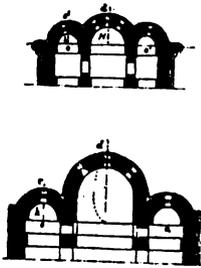

Рис. 24.

вѣ Дмитріевского собора. Самая глава была невысокая, но шлемообразная, и отличалась своею формою отъ церквей кievскаго типа. Очертаніе главы Дмитріевского собора скорѣе напоминаетъ линію нашего русскаго кокошника ¹⁾, или такъ называемой бочки, съ заостреннымъ подвышеніемъ, чрезъ вращеніе которой и получается фигура покрытія главы собора. Форма эта очень часто встрѣчается въ русской архитектурѣ послѣдующаго времени.

Вникая въ планы церквей XII вѣка владиміро-суздальскаго вида, напр., Дмитріевского собора, (рис. 24—верхній) церкви Покрова на Нерли, Успенскаго собора во Владимірѣ, Рождественскаго монастыря во Владимірѣ, ц. Преображе-

¹⁾ Велѣдствіе сходства паружныхъ формъ закомары, кокошника и бочки, ихъ названія часто употребляются какъ синонимы. Но мы дѣлаемъ слѣдующее различіе, когда говоримъ: „закомара“ то разумѣемъ, что внутри каменнаго храма ей соотвѣтствуетъ сводъ, или комара; когда называемъ „кокошникъ“, то имѣемъ въ виду украшеніе, похожее на закомару, по такое, которому во внутренности храма не соотвѣтствуетъ комара; подъ словомъ „бочка“, по-тоянно понимаемъ подобную же, но деревянную форму.

нія въ Переяславль-Залѣскомъ и др. Не трудно замѣтить, что среднія алтарныя апсиды въ этихъ церквахъ выступаютъ наружу менѣе, чѣмъ алтари церквей кievскаго вида XI вѣка и болѣе раннихъ, какъ напр.: Десятинной въ Кіевѣ, св. Спаса въ Черниговѣ, (рис. 24—нижній) св. Софіи въ Новгородѣ и друг. Пропорція возвышенія средней части алтаря соблюдается также и въ фасадахъ, а конструктивная зависимость алтаря отъ храма переводитъ это отношеніе на фасады всего храма, такъ что средняя закомара, въ кievскомъ видѣ въ XI вѣкѣ, поднята гораздо выше боковыхъ, чѣмъ въ XII

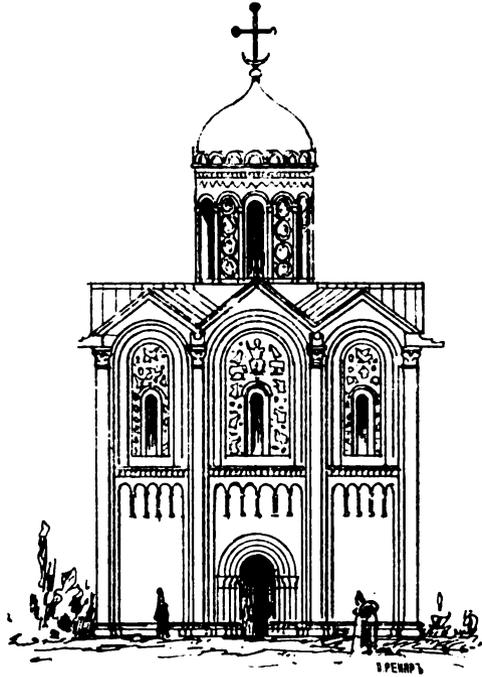
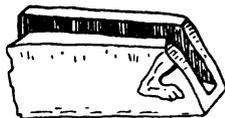

Рис. 25.

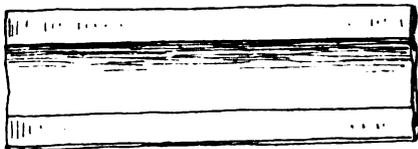
вѣкѣ вообще и во владиміро-суздальскихъ въ особенности. Возвышеніе средней закомары во владиміро-суздальскихъ храмахъ даетъ возможность не дѣлать покрытия по сводамъ, какъ это мы видимъ въ кievскихъ церквахъ XI вѣка, а покрывать ихъ по ломаной линіи, т.-е. по фронтонамъ, что и показано на нашемъ рисункѣ реставраціи Дмитріевскаго собора ¹⁾ (рис. 25). Между фрон-

¹⁾ Подробности объ этомъ см. въ моей статьѣ: „О церковныхъ сооруженіяхъ“, въ журналѣ „Зодчій“, ноябрь и декабрь 1886 г.

тонами, въ яндовахъ, помѣщались рѣзные водосточные желоба ¹⁾, или гаргули въ видѣ фигуръ (рис. 26); они клались на особыя подушки, которыя замѣтны еще и теперь кое-гдѣ въ Дмитріевскомъ соборѣ. Въ церквахъ Боголюбской,

Георгіевской въ Юрьевѣ-Польскомъ и нѣк. друг. Подушки эти лежали на капителяхъ колоннъ.

Такая реставрація вполне согласуется съ изслѣдованіемъ чердака Успенскаго собора во Владимірѣ, гдѣ бѣлокаменные фронтоны XII вѣка сохранились до нашего времени. Такъ какъ упомянутый соборъ имѣетъ важное значеніе для исторіи русской архитектуры, то мы разсмотримъ его здѣсь съ нѣкоторою подробностью, чтобы опредѣлить его первоначальныя формы

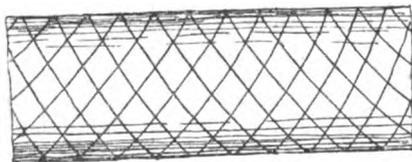
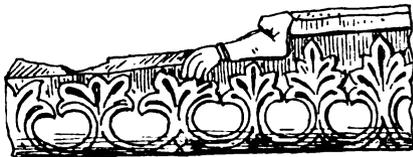

Рис. 26.

и, по возможности, сдѣлать полную его реставрацію.

Но прежде чѣмъ приступить къ этому, выслушаемъ лѣтописное сказаніе про этотъ храмъ; ипатьевская лѣтопись подъ 1175 годомъ, повѣтствуя о постройкахъ князя Андрея, между прочимъ говоритъ и *досѣ церковь камену соборную святыя Богородицы и пять верховъ ея позолоти двери же церковныя трое золотомъ устрои и*

¹⁾ Труды 1-го археологическаго съѣзда. Т. 1, стр. 293 и 294, статья Артебена.

въ Боголюбовѣ и во Володимирѣ градѣ верхъ бо златомъ устрои каменемъ у свѣти и столѣ позлати изовну церкви и по комарамъ же поткы (птицы) золоты и кубкы и ветрила золотомъ устроена постави по всей церкви и по комарамъ около.

Успенскій соборъ былъ заложенъ въ 1158 г. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и первоначально имѣлъ одну главу. По всей вѣроятности, онъ послужилъ прототипомъ для Дмитріевскаго собора, какъ это объясняется ниже. Черезъ два года послѣ закладки, т. е. въ 1160 г., храмъ былъ достроенъ, а въ послѣдующее время расписанъ.

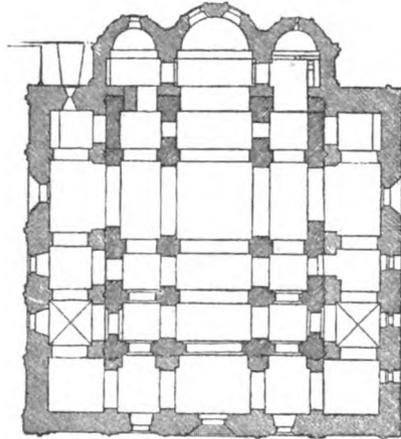

Рис. 27.

Въ 1185 г. Владиміръ сильно пострадалъ отъ пожара въ немъ сгорѣли 32 церкви и княжій дворъ. О соборѣ лѣтопись повѣствуетъ ¹⁾. *Соборная церковь Святой Богородицы златоверхая, юже бѣ украси благовѣрный князь Андрей, загорѣся съ верху и что бяше внѣ и вну узорочій.*

Послѣ пожара въ соборѣ были сдѣланы значительныя измѣненія княземъ Всеволодомъ, который обстроилъ его съ трехъ сторонъ (рис. 27) каменной стѣной. Стѣна эта была нѣсколько ниже постройки Андрея Боголюбскаго. По угламъ храма, на своей пристройкѣ, онъ возвелъ четыре малыхъ главы. Такимъ образомъ, первоначальный храмъ, какъ это видно на планѣ, ока-

¹⁾ Тверская, т. 15, стр. а также и Игнатъевская, т. 2, стр. 127. Изд. 1843 г.

зался какъ-бы въ футлярѣ. Проломавъ большія отверстія въ наружныхъ стѣнахъ прежняго храма, князь Всеволодъ превратилъ послѣднія во внутренніе столбы и сдѣлалъ весь храмъ открытымъ. Въ послѣдующее время соборъ не разъ испытывалъ поврежденія и часто былъ исправляемъ. Время, когда это происходило, отмѣчено въ исторіи: такъ, въ 1237 г. храмъ горѣлъ, но вскорѣ былъ исправленъ княземъ Ярославомъ; въ 1280 г., при митрополитѣ Кирилѣ, снова производилось исправленіе храма;

Рис. 28.

въ 1553 г. онъ тоже исправленъ; въ 1708 г. въ его алтарѣ расширены окна; въ 1727 г. сдѣлана существовавшая еще недавно желѣзная крыша, съ чердакомъ, какъ видно на (рис. 28).

Если войти на этотъ чердакъ, то тамъ ясно былъ виденъ весь верхъ первоначальнаго храма, со слѣдами его древня-

го фронтонаго покрытія. Онъ возвышался надъ Всеволодовой постройкой въ томъ видѣ, какъ представлено на (рис 29). Посрединѣ стоитъ круглый барабанъ главы на четырехгранномъ основаніи, на которомъ со всѣхъ сторонъ весьма ясно были видны ломанья линіи *a*, *d'*, *a'* — слѣды прежней фронтовой крыши; ниже врызывались коробовые своды. На наружныхъ стѣнахъ первоначальнаго сооруженія, противъ внутреннихъ сводовъ, шли тяги, образуя закомары, надъ которыми стѣны собора возвышались съ каждой стороны, въ видѣ трехъ фрон-

тоновъ, по линиямъ *x, x* и *y, y*. Эти фронтоны отчасти носили слѣды позднѣйшаго исправленія кирпичемъ, произведеннаго не позднѣе, XVI вѣка, при поправкахъ въ храмъ послѣ 1556 г. Исправленія замѣчаются и въ яндовахъ, гдѣ былъ стокъ воды съ фронтонныхъ крышъ. Одна сторона собора еще въ 1890 г. настолько сохранила свой первоначальный видъ бѣлокаменной кладки, что не остается никакого сомнѣнiя въ томъ, что храмъ первоначально былъ крытъ по фронтонамъ, имѣвшимъ небольшой карнизикъ, въ видѣ гуська. Теперь, къ сожалѣнiю, всѣ слѣды

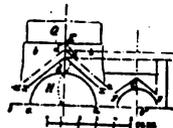

Рис. 29.

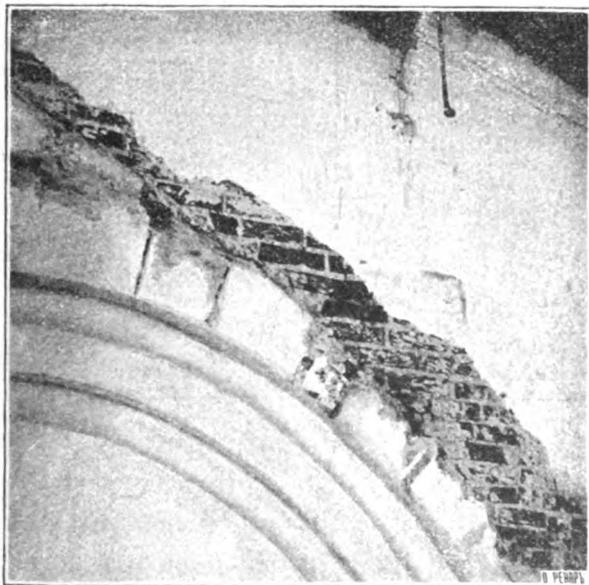

Рис. 30.

древняго покрытiя уничтожены послѣдней передѣлкой, они остались только на фотографiяхъ. (рис. 30, 31 и 32).

Если смотрѣть изнутри чердака на наружныя стѣны Всеволодовой постройки, то и тамъ замѣтны фронтоны,

подвергшіеся, однако, большой передѣлкѣ. Они сложены частью изъ кирпича во всю ширину Всеволодовыхъ стѣнъ; промежутки же между ними заложены уже въ XVIII в. болѣе тонкими стѣнками подъ желѣзную крышу. Снаружи, при отбитіи штукатурки, обнаружено, что по всему фасаду были фронтоны изъ бѣлаго камня, впоследствии заложены какъ видѣли выше. Словомъ, Владимірскій соборъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сооруженъ Андреемъ Бого-

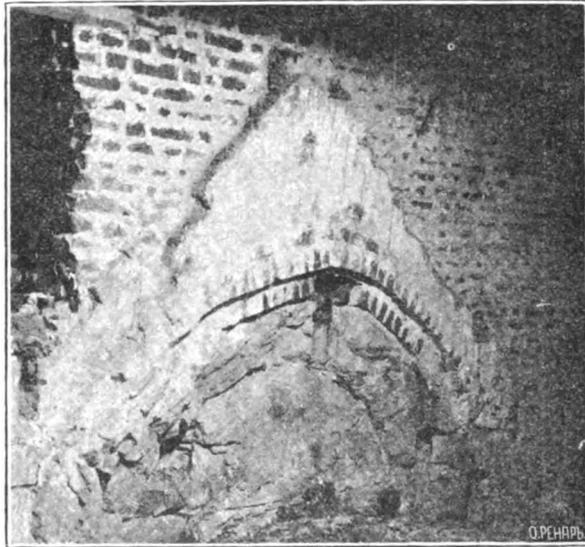

Рис. 31.

любскимъ, имѣлъ трехфронтное покрытіе. Онъ походилъ на Дмитріевскій соборъ и другія церкви такого же рода, для которыхъ онъ, какъ постройка болѣе ранняя, быть можетъ, и послужилъ образцомъ. Послѣ измѣненій, сдѣланныхъ княземъ Всеволодомъ, соборъ, какъ выше сказано, получилъ второй рядъ фронтоновъ, расположенный ниже перваго, можетъ быть, съ узорчатымъ конькомъ, золочеными вѣтрилами, т.-е. флюгарками, и фигурны-

ми горгулями въ видѣ птицъ если вѣрить словамъ лѣтописца. Тогдашнимъ пяти-верхимъ фасадомъ своимъ онъ напоминалъ расположеніе кокошниковъ на нашихъ архитектурныхъ памятникахъ XV—XVII вѣковъ, хотя эти кокошники, вѣроятно, ведутъ свое начало отъ деревянныхъ сооружений. Какъ мы видѣли, лѣтопись сообщая о первомъ пожарѣ собора въ 1185 г., говоритъ, что онъ *загорѣся съ верху*; слѣдовательно, онъ не былъ крытъ свинцомъ по своду, подобно церквамъ кievскаго вида ¹⁾ Надо думать, что покрытіемъ служилъ горючій матеріалъ, т.-е. дерево. Предполагать это можно съ тѣмъ большею вѣроятностью, что въ древности на каменныхъ церквахъ дѣлались деревянные крыши. На это указываетъ свидѣтельство о церквахъ домонгольскаго періода, приводимое лѣтописью, по поводу взятія татарами, въ 1251 Сундомира, города полоцкой области. *Церкви же бѣше въ томъ городѣ каменни и предивни, сіяюще красотой, бѣшесть бо создана бѣлымъ камнемъ тесаннымъ.., верхъ же на ней древомъ покрытъ зажжеся*“.

А что ранѣе желѣзной крыши на соборѣ была крыша деревянная, то объ этомъ имѣются письменныя свидѣтельства. Обзоръ чердака и присутствіе фронтоновъ несомнѣнно свидѣлствуютъ, что соборъ былъ первоначально крытъ по фронтонамъ ²⁾.

1) Новгородск. 4-я лѣт.: „Епископъ Нифонтъ св. Софію свинцомъ побѣ“.

2) Но среди археологовъ явился вопросъ: принадлежать ли эти фронтоны первоначальному покрытію, или первоначальное покрытие было круглое, полукруги же стесаны и обращены во фронтоны позднѣе, на томъ основаніи, что если бы на Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ были фронтоны, то должны бы быть фронтоны и на Московскомъ Успенскомъ соборѣ, такъ какъ онъ строень, подражая первому, между тѣмъ какъ теперь на послѣднемъ видимъ покрытие по полукругамъ, и проч.

Для насъ уже весьма важенъ установленный фактъ, что было время, когда Владимірскій Успенскій соборъ былъ крытъ по фронтонамъ. Что же касается

Главы Успенскаго собора (рис. 28) имѣли луковичную форму, которая на четырехъ малыхъ главахъ особенно типична и сходна съ главами, встрѣчающимися въ постройкахъ

того, что фронтоны есть первоначальное покрытие собора, на это указываютъ угловые малые фронтоны на Андреевскомъ храмѣ. Они лицомъ своимъ (фасадомъ) упираются въ угловыя малыя главы, выстроенныя Всеволодомъ,

слѣдовательно, Андреевскій храмъ до Всеволодовой пристройки былъ крытъ по фронтонамъ, и это фронтонное покрытие соборъ имѣлъ всегда, пока не была сдѣлана желѣзная крыша. Что же касается предположенія о стескѣ древнихъ полукруговъ, то это, конечно, невозможная натяжка. Известно, что повдѣе, когда нашли полукруглыя покрытия неудобными для ската водъ, то никогда ихъ не стесывали, а стали дѣлать въ вершинѣ заостренное подвышеніе. Предположеніе о стескѣ невозможно еще и потому, что древнія круглыя покрытия дѣлались прямо по своду, крылись по смазкѣ свинцомъ, или черепицей, какъ это видимъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ и др. Такое покрытие посредствомъ стески обратить во фронтонное, очевидно, нельзя, иначе пришлось бы, сбивая бока, протесать своды насквозь. Если же предположить, что наружныя стѣны нѣсколько возвышались надъ сводами, то вопросъ сводится къ покрытію по стропиламъ. Дѣйствительно, не только въ Успенскомъ соборѣ надъ сводами возвышается бѣлокаменная кладка, по ее видимъ и въ другихъ древнихъ Владиміро - Суздальскихъ церквахъ: изслѣдованіе чердаковъ этихъ церквей приводитъ къ заключенію, что покрытия были не прямо по сводамъ, а по стропиламъ. Такъ, въ церкви на Кидекшѣ угловыя про-

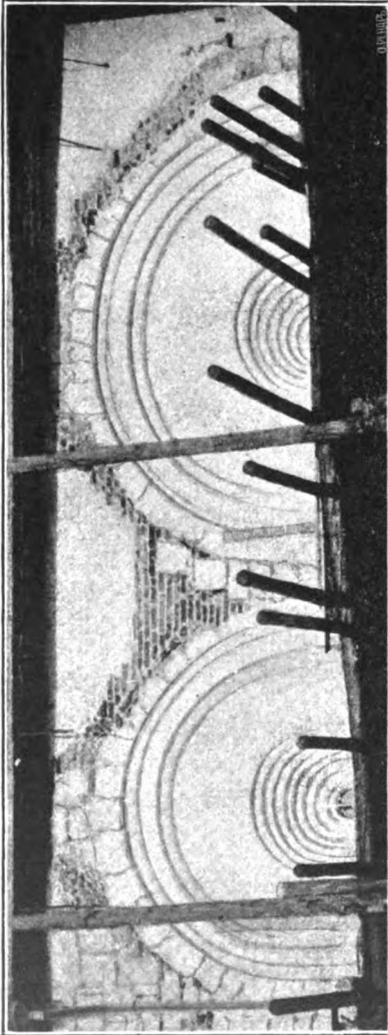

Рис. 32.

странства храма крыты не крестовыми сводами, а коробовыми такимъ обра-

XVI вѣка, тогда какъ средняя глава принадлежитъ, по формѣ, къ болѣе ранней порѣ. Ее можно отнести къ XIII вѣку. Весьма возможно, что она сдѣлана именно въ 1280 г., при исправленіи собора митрополитомъ Кирилломъ; малыя же главы, вѣроятно, устроены при указанной нами поправкѣ храма въ 1553 г.

Что покрытіе соборныхъ главъ несовременно основанію собора доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что подъ ними была сдѣлана, поверхъ бѣлаго камня, накладка изъ кирпича, на которую и были поставлены недавно снятыя луковицы. Если сравнимъ эти главы съ главою Дмитріевскаго собора, то найдемъ слѣдующіе сходство и различіе. Всѣ подробности и украшенія на барабанѣ главы Дмитріевскаго собора имѣются и на главахъ

Рис. 33.

зомъ, что съ запада правая и лѣвая закомары отвѣчаютъ сводамъ, съ сѣверной же и южной стороны правыя и лѣвыя закомары фальшивыя, — не отвѣчаютъ сводамъ, сдѣланы только для фасада и представляютъ изъ себя простую стѣнку въ видѣ полукруга. Предположеніе что надъ наружными круглыми арками первоначально была столь толстая накладка, что можно было даже стеской получить фронтоны, не возможно съ технической стороны, а также и съ эстетической точки зрѣнія.

Что же касается до покрытія Московскаго Успенскаго собора, какъ извѣстно, строеннаго по образцу Владимірскаго, то должно замѣтить, что существующая нынѣ круглая покрытія не есть первоначальныя. Осмотръ чердака показалъ, что первоначально соборъ дѣйствительно былъ крытъ по фронтонамъ. На это указываютъ глубокія борозды на средней главѣ со всѣхъ сторонъ, а также и остатки старой фронтонной крыши со стропилами, брошенной па свода.

Успенскаго собора, начиная съ основанія и кончая кокошниками. Всѣ эти детали сдѣланы изъ бѣлаго камня. Но главы Успенскаго собора не кончались такъ, какъ главы Дмитріевскаго, а имѣли продолженіе, сложенное уже не изъ бѣлаго камня, а изъ кирпича. Устранивъ эти надбавки вмѣстѣ съ луковичами, а также возстановивъ кокошники и снабдивъ главы такимъ же шлемообразнымъ покрытіемъ, какое мы видимъ на Дмитріевскомъ соборѣ, мы получимъ первоначальный видъ главъ Успенскаго храма (рис. 33). Для полной его реставраціи конечно надо было уничтожить всѣ подпирajúщія его контрофорсы и задѣлать расширенныя окна. Прилагаемый здѣсь рисунокъ (рис. 33) послѣ недавней реставраціи можетъ дать понятіе о томъ, каковъ былъ соборъ послѣ измѣненія, сдѣлан-

Рис. 34.

наго въ немъ княземъ Всеволодомъ, кромѣ крышъ которыя должны быть крыты по фронтонамъ, какъ на (рис. 34).

Относительно другихъ церквей того же вида должно замѣтить, что для ихъ реставраціи намъ пришлось бы поступать точно такимъ же образомъ, какъ и съ Владимірскимъ Успенскимъ соборомъ. Всѣ существующіе возобновленные храмы этого вида реставрированы неправильно; имъ даны, какъ наприм. Дмитріевскому собору, ц. Покрова на Нерли (рис. 35 планъ и 36 фасадъ, разрѣзъ и детали), сферическія крыши, несогласныя со старинной: ихъ слѣдуетъ снять и надъ комарами устроить фронтоны, какъ на рисункѣ 25 и 34.

Внутренность Успенскаго, Дмитриевакаго собора, а также вѣроятно и другихъ была вся расписана. Во время послѣднихъ реставрацій открыто много картинъ хотя и древнихъ, но уже подправленныхъ болѣе позднею рукой, своды росписаны узорами и разноцвѣтными листьями.

Владиміро-суздальскія церкви давно обратили на себя вниманіе археологовъ и архитекторовъ. Ихъ изученіемъ занимались многіе. Графъ Строгановъ описалъ ихъ въ своей монографіи въ 1849 г.; затѣмъ, на первомъ архе-

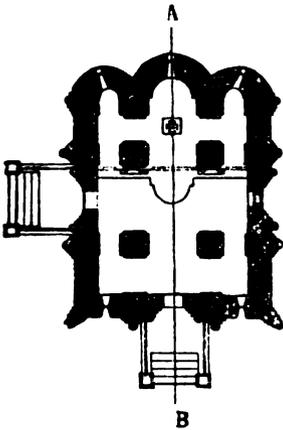

Рис. 35.

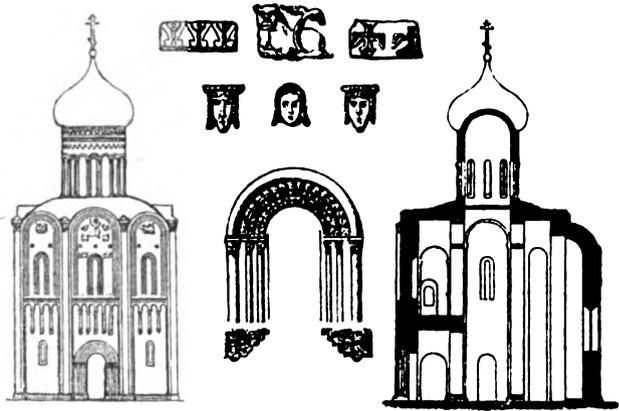

Рис. 36.

ологическомъ създѣ было представлено нѣсколько сообщеній о нихъ—гр. Уварова, Артлебена, Даля, Мансвотова и др.

Сравнивая эти сооруженія одно съ другимъ, изслѣдователи приходятъ къ различнымъ заключеніямъ. Не приводя здѣсь подробно всѣхъ мнѣній, высказанныхъ по этому предмету, обратимъ свое вниманіе на сказаніе лѣтописей о сооруженіи храмовъ въ суздальской области. Въ тверской лѣтописи ¹⁾ говорится: *Бѣ бо князь великій Андрей*

¹⁾ Т. 15, стр. 233.

Юревичъ, премною любимъ встми... постави церкви... сконча, юже бѣ прежде заложилъ Юрій, отецъ его, св. Спаса въ Суздали камену; по вѣрѣ бо его приведеъ ему Богъ отъ встхъ земель мастеры. Въ Лаврентьевской лѣтописи объ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ повѣствуется: По вѣрѣ же его и по тцанію его къ св. Богородицѣ приведеъ ему Богъ изъ встхъ земель мастеры.

Въ виду этого сказанія, мы можемъ предположить, что въ стилѣ владиміро - суздальскихъ храмовъ отразились различныя вліянія. Планъ ихъ — вообще византійскій, такой же, по какому построены болѣе раннія церкви; что же касается деталей, то ихъ обыкновенно относятъ къ романской архитектурѣ. Такъ напр., гр. Уваровъ ¹⁾ видитъ въ нихъ южно-романскія, преимущественно германскія черты, полагая, что первый путь, по которому эта архитектура была занесена въ Суздальскую землю, пролегалъ черезъ Псковъ и Новгородъ. Даль ²⁾ отрицаетъ послѣднее, и признаетъ гораздо большее вліяніе южно-романской, а именно ломбардской архитектуры. Артлебенъ ³⁾, находя подробности разсматриваемыхъ церквей романскими, сравниваетъ ихъ въ особенности съ деталями французскихъ соборовъ. Г. Мансветовъ ⁴⁾ не раздѣляетъ мнѣнія объ исключительной ихъ принадлежности романскому стилю и полагаетъ, что выставленные въ защиту этого мнѣнія доводы не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Онъ указываетъ на существованіе такого же украшенія стѣнъ съ изображеніями въ Византіи и на Аѳонѣ, а также у персовъ и арабовъ,

¹⁾ Тр. 1-го арх. съѣзда т. I. „Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ“, стр. 225—260.

²⁾ Тр. 1-го Арх. съѣзд. т. I „По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ“, стр. 280.

³⁾ Тамъ же, стр. 296.

⁴⁾ Тамъ же.

причемъ усматриваетъ сходство кievскихъ фресокъ св. Софіи съ обронными украшеніями сѣверныхъ храмовъ и упоминаетъ о рисункахъ одной сирійской рукописи (находящейся въ библіотекѣ св. Лаврентія во Флоренціи), которые очень похожи на порталы храмовъ. Ссылаясь на другія рукописи, иностранныя и русскія, а также на сообщенія Нила подвижника къ Олимпіадору (важному византійскому сановнику), касательно внутреннихъ украшеній храма,—на описаніе церкви мученика Θεодора, сдѣланное Григоріемъ Нисскимъ, въ которой строитель превратилъ дерево въ форму животныхъ, г. Мансветовъ заключаетъ, что подобные образцы орнаментики не были чужды христіанскому Востоку и имѣютъ свой корень вообще въ древне-христіанскомъ искусствѣ; если на Западѣ фантастическія формы привились въ орнаментикѣ сильнѣе, чѣмъ на Востокѣ, то все-таки нельзя отрицать, чтобы онѣ не были тамъ самостоятельны.

Виолле-ле-Дюкъ говоритъ ¹⁾ что Россія была одною изъ лабораторій, въ которой различныя направленія искусства, занесенныя со всѣхъ концовъ Азіи, соединились воедино для образованія формы, средней между стилями Востока и Запада. Изученіе капителей, орнаментовъ и профилей владиміро-суздальскихъ храмовъ приводитъ французскаго ученаго къ убѣжденію о ихъ сходствѣ съ сирійскими, которое, по его мнѣнію, можетъ быть объяснено вліяніемъ крестовыхъ походовъ. Предполагая, что скандинавы шли въ Сирію чрезъ нынѣшнюю Россію ²⁾, онъ видитъ въ одномъ изъ фрагментовъ украшенія индѣйскій отпечатокъ браминской эпохи, а также признаетъ иранское происхожденіе за нѣкоторыми орнаментами стѣнъ и колоннокъ средняго пояса въ Дмитріев-

¹⁾ Русское искусство, пер. П. Султанова. Москва, 1879 г., стр. 70.

²⁾ Тамъ же, стр. 74.

скомъ соборѣ во Владимирѣ; а въ виду стройности всего храма полагаетъ, что въ его архитектурѣ нельзя отрицать и армянскаго вліянія. Наконецъ, Виолле-ле Дюкъ утверждаетъ, что русская орнаментация XII столѣтія произошла отъ смѣшенія чисто-византійскаго искусства съ азіятскимъ. Это мнѣніе существенно различается отъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые признають вліяніе на русскій стиль въ означенную эпоху только романскаго стиля, въ общемъ смыслѣ этого слова,—стало быть, искусства западно-европейскаго.

Что касается до насъ, то мы не думаемъ отвергать вліяніе романскаго стиля; не можемъ также ничего сказать въ опроверженіе мнѣній Виолле-ле-Дюка: намъ кажется, что въ данномъ случаѣ всѣ изслѣдователи правы, каждый по своему. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что искусства византійское и романское многимъ обязаны Востоку. Виолле-ле-Дюкъ, проводя параллель между орнаментомъ русскихъ храмовъ XII вѣка и восточнымъ, не исключаетъ, однако и національныхъ традицій, но замѣчаетъ только, что въ означенномъ вѣкѣ для всей Европы не было другихъ школъ, кромѣ Византіи, Арменіи и Сиріи. Поэтому, коль скоро въ храмахъ суздальской области намъ встрѣчается форма, общая искусству Запада и Востока, вопросъ сводится къ тому: откуда она явилась сюда, съ Запада или Востока, т. е. пришла ли сначала на Западъ и оттуда перенесена къ намъ, или же, какъ полагаетъ Виолле-ле-Дюкъ, заимствована нами непосредственно съ Востока? Это—вопросъ такого рода, что едва ли возможно будетъ когда-либо рѣшить его удовлетворительно на основаніи историческихъ и хронологическихъ данныхъ. Нѣтъ никакой причины отвергать мнѣніе Виолле-ле-Дюка и возможность заимствованій съ Востока, которыя вполне подтверждаются раскопками, различными археологическими

находками и остатками разных матерій, представляющихъ произведеніе восточные, а также и фантастическими украшеніями стѣнъ нашихъ древнихъ храмовъ.

Такимъ образомъ объясняется также сходство многихъ нашихъ орнаментовъ и узоровъ съ узорами восточныхъ, иногда очень дорогихъ, матерій ¹⁾.

Военные походы Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и Юрія, конечно, способствовали сношеніямъ Руси съ Востокомъ. Недалеко отъ насъ была Булгарія, куда призывались индѣйскіе мастера, и откуда вывозился даже камень для постройки суздальскихъ храмовъ. Здѣсь, на Волгѣ, находился городъ Булгарь, куда являлось много всякаго восточнаго люда, такъ какъ это былъ богатый торговый пунктъ для всего Востока. Главнымъ предметомъ торговли былъ здѣсь сафьянъ. Сюда стекались купцы изъ разныхъ странъ, продавали свои товары и покупали мѣстные произведенія. Торговля по Волгѣ началась съ очень давняго времени; она процвѣтала до тѣхъ поръ, пока устье Волги не попало въ руки монголовъ. Общеніе болгаръ съ русскими существовало искони. Еще задолго до того, какъ Владиміръ сдѣлался стольнымъ великокняжескимъ городомъ, волжскіе болгары знали Кіевъ. Они приходили туда къ Владиміру Святому ²⁾ съ предложеніемъ принять ихъ вѣру.

Виолле-ле-Дюкъ усматриваетъ въ архитектурѣ Суздальской земли вліяніе Кавказа; но оно не признается большинствомъ историковъ, между прочимъ, на томъ основаніи, что аріанская вѣра считалась у насъ по-

¹⁾ Изображенія ихъ собраны въ изданіи Погодина: „Древняя русская исторія до монгольскаго ига“, т. III, атласъ. Москва 1871 г. См. также Прохорова: „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ“. Стасова: „Владимірскій кладъ“, въ Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда, и друг.

²⁾ Макарій, т. I.

ганою. Однако, въ этомъ случаѣ, историкъ и художникъ смотрять на дѣло нѣсколько различно: архитекторъ основываетъ свой взглядъ преимущественно на изученіи формъ, и онѣ-то привели Виолле-ле-Дюка къ заключенію о вліяніи армянскаго искусства на русское. Мы знаемъ, что наши князья того времени были очень хорошо знакомы съ Кавказомъ. Сынъ Андрея Боголюбскаго, Георгій, былъ женатъ на грузинской царицѣ Тамарѣ. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что при постройкѣ суздальскихъ церквей работали и армянскіе мастера, тѣмъ болѣе, что лѣтопись повѣствуетъ о созывѣ для этой постройки мастеровъ *со всей земли*. Кромѣ того, извѣстно, что въ Кіевѣ было довольно много армянъ. Волынскій князь Изяславъ Мстиславовичъ былъ женатъ также на кавказской, а именно абхазской княжнѣ. Исторія неоднократно указываетъ на переселеніе армянъ въ Византію и въ славянскія земли ¹⁾. Такъ, императоръ Юстіанъ вывелъ ихъ въ числѣ 8000 дымовъ. При Василии армяне были переселены въ Македонію. Константинъ Копронимъ поселилъ армянъ и сирійцевъ въ славянскую землю. Сношенія кіевскихъ князей съ дунайскими славянами были часты. Великій князь кіевскій Святославъ хотѣлъ даже перенести свою столицу въ Переяславль и говорилъ: *тамъ среда земли моей*. Суздальскіе же князья, наприм. Юрій, основывая свое Владимірское великое княжество, населялъ его сѣверные города южанами. Сверхъ того, надо принять въ соображеніе, что генуезцы, съ давнихъ поръ занимавшіеся торговлею съ Арменіей, завели ее и съ нами, а половцы, считая эту торговлю полезною для себя, не только не мѣшали ей, но даже ее поддерживали.

¹⁾ Всеобщая исторія Степанова Асохика (писателя XI вѣка), переводъ Эмина.

Такимъ образомъ, отголоски сирійскаго и армянскаго искусства могли появиться въ суздальской землѣ черезъ Югъ и отразиться въ орнаментахъ, покрытіяхъ фронтонами и въ общей стройности храмовъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ самомъ Константинополѣ армяне исправляли и строили церкви. Степ'аносъ Асохикъ упоминаетъ въ своей исторіи, что каменщикъ Тердатъ исправлялъ въ Царѣ-Градѣ многія церкви, пострадавшія отъ землетрясенія, а св. Софію не только исправилъ, но и привелъ въ изящнѣйшій видъ.

Присутствіе такого множества художественныхъ элементовъ разнаго рода въ архитектурѣ храмовъ суздальскаго края, открывая возможность проводить параллели и находить сходства этой архитектуры съ искусствомъ другихъ странъ Запада и Востока, не позволяетъ сдѣлать общаго вывода объ ея происхожденіи отъ одного какого-либо искусства земного шара. Нельзя также назвать ее византійско-романскою: планъ и фасадъ владиміро-суздальскихъ церквей не имѣютъ ничего общаго съ крестообразными храмами западной Европы. Мы выше видѣли, что онѣ имѣютъ тотъ же типъ, что и церкви кіевского вида; но пропорціи фасадовъ у нихъ нѣсколько другія; онѣ болѣе высоки, не такъ расплывчаты, что, конечно, указываетъ на понятія и требованія ихъ зодчихъ, отличныя отъ византійскихъ.

Здѣсь создается храмъ, составляющій не подражаніе какой-либо иноземной, или вообще уже существующей постройки, а произведеніе, отмѣченное многими самостоятельными чертами. Съ переведеніемъ стольнаго города изъ Кіева во Владиміръ, вліяніе Константинополя уменьшается; церкви пріобрѣтаютъ свою особенную архитектуру, въ которой, преимущественно въ деталяхъ, есть много такого, что изстари существовало на русской поч-

въ, что составляло достояніе ея обитателей еще въ языческое время.

Фантастическія изображенія животныхъ, насѣкомыхъ, людей и птицъ у народовъ, обитавшихъ на почвѣ Россіи, были извѣстны еще во времена Геродота. Такъ, онъ упоминаетъ о грифахъ, стерегущихъ золото уральскихъ скифовъ. У чуди изображенія разныхъ змѣй и животныхъ встрѣчаются на предметахъ каменнаго и бронзоваго періодовъ; потомъ, у гунновъ они переходятъ на дерево, разрабатываются славянами и позднѣе являются въ ихъ языческихъ капищахъ. Въ легендахъ о Бабѣ-Ягѣ, жилище которой стоитъ на фантастическихъ лапахъ, слышится отголосокъ вышесказаннаго. То же самое напоминаютъ декоративные мотивы владиміро-суздальскихъ церквей—тѣ животныя, которыя поддерживаютъ колонки главнаго пояса. Всѣ эти фантастическія олицетворенія животнаго міра существовали, вѣроятно, уже очень давно въ гражданскомъ строительствѣ народовъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства, и ведутъ свое начало изъ одного и того же центра, какъ и западно-европейскія. Иначе они не привились бы и не вошли бы такъ глубоко въ бытъ русскаго народа, въ которомъ удерживаются и по настоящее время. Съ ними случилось бы то же самое, что было съ нашей классической, такъ называемой, казенной архитектурой: не смотря на то, что ея произведеніями переполнены всѣ города Руси, она осталась совершенно чуждою для народа, потому что не соотвѣтствовала его духу, а въ деревняхъ и селахъ о ней нѣтъ и помину. Къ только-что высказанному заключенію приводитъ также изученіе миньютюръ въ нашихъ церковныхъ рукописяхъ. Со времени перенесенія великокняжескаго стола изъ Кіева во Владиміръ, иллюстраторы нашихъ рукописей отказываются отъ византійскихъ формъ

Рис. 37.

и начинаютъ мало-по-малу пользоваться мотивами своего исконнаго искусства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, рассмотримъ нѣкоторые образцы миньятюръ.

Наши первыя заставки относятся къ XI вѣку. Нерѣдко онѣ воспроизводятъ видъ церкви. Такихъ заставокъ мы находимъ нѣсколько въ извѣстномъ Изборникѣ Святослава, 1073 г. ¹⁾. Одна изъ нихъ (рис. 37) вся состоитъ изъ орнаментовъ и изображаетъ пятиглавую церковь съ тремя закомарами, имѣющими круглое византійское покрытие, какое мы видѣли въ церквахъ XI вѣка кievскаго вида. Главы очерчены также полукруглыми, т.-е. представлены имѣющими форму полушарій, какъ въ древнихъ церквахъ кievскаго вида. Другая заставка Изборника изображаетъ также пятиглавую церковь того же вида. Далѣе слѣдуютъ изображенія однокупольной церкви. Всѣ эти изображенія окружены птицами, цвѣтами и звѣрями. Птицы и грифоны изображены иногда и на поляхъ рукописей, какъ это можно видѣть на листѣ XLI изданія В. В. Стасова: „Славянскій и восточный орнаментъ“, гдѣ является, сверхъ того, орнаментация изъ плетенья. Подобныхъ грифоновъ и птицъ можно найти въ настѣнныхъ украшеніяхъ Кіево-Софійскаго собора, XI-го вѣка ²⁾, хотя въ это время они все-таки встрѣчаются рѣдко, сравнительно съ плетеными орнаментами. Такого же рода орнаменты являлись и на Сѣверѣ, наприм. въ Новгородѣ. На миньятюрѣ Остромира евангелія изображенъ св. Лука, сидящій какъ бы въ горницѣ, за письменомъ. Тутъ мы находимъ мебель и архитектурную отдѣлку, арки на колоннахъ и какую-то вещь, стоящую за столомъ и имѣющую внизу четыре низенькія сквозныя

См. снимки въ изданіи В. Прохорова: „Христіанскія древности“, 1872 г., а также у В. Стасова, „Славянскій и восточный орнаментъ“.

²⁾ См. изд. В. Стасова, Славянскій и восточный орнаментъ, листъ XLIX.

арочки на колонкахъ съ кубическими капителями. Этотъ предметъ, вѣроятно, есть ни что иное, какъ скамья, представленная подъ столикомъ, потому что вся перспектива картины сдѣлана наоборотъ, т.-е. тѣ части, которыя должны были бы представляться въ уменьшеніи, здѣсь изображены увеличенными. Если обратить вниманіе на раскраску арокъ, то легко догадаться, что художникъ хотѣлъ изобразить ихъ мраморными. Подобный мотивъ небольшой аркады встрѣчается на кievскихъ гробницахъ¹⁾ и на церквахъ XII вѣка владиміро-суздальскихъ — въ послѣднихъ болѣе удлинненнымъ по пропорціи. О. И. Буслаевъ²⁾ полагаетъ, что писецъ этого евангелія имѣлъ передъ собою болгарскую, а не греческую рукопись, потому что въ надписи означено время, 1056—1057 г., съ болгарскимъ юсомъ. По мнѣнію г. Буслаева, болгары и сербы были посредниками между Византіей и нами, и наши орнаменты идутъ по прямому пути отъ нихъ. Въ новгородскомъ Добриловомъ евангеліи 1164 г.³⁾ изображень (рис. 38) храмъ, имѣющій особое покрытіе, въ видѣ главы съ заостреннымъ подвышеніемъ и выпученными боками. Онъ покрытъ чешуей. Верхняя его часть нѣсколько напоминаетъ луковицу или такъ назыв. *кубъ*, а нижняя отзывается скорѣе деревянною конструкціею, чѣмъ каменною. Подобныя изображенія храмовъ на прямыхъ столбахъ, напоминающія деревянную конструкцію, встрѣчаются и позднѣе, на нашихъ вышивкахъ⁴⁾; въ нихъ также мы видимъ храмъ такой же конструкціи, т.-е. на столбахъ, съ возвышающимся надъ его серединою купо-

¹⁾ См. Закревскаго, Описаніе Кіева. Москва, 1868 г. Атласъ, л. 6, то же у Погодина.

²⁾ Критическое обозрѣніе 1879 года № 5, стр. 7. Статья противъ Виолле-ле-Дюка.

³⁾ В. Стасова, Славянскій и восточный орнаментъ, листъ LVII.

⁴⁾ В. Стасова, Русскій народный орнаментъ, листъ LXV.

ломъ. Изображенія эти приводятъ на память описаніе славянскихъ языческихъ храмовъ и, вѣроятно, составляютъ, такъ сказать, отголосокъ дохристіанской поры.

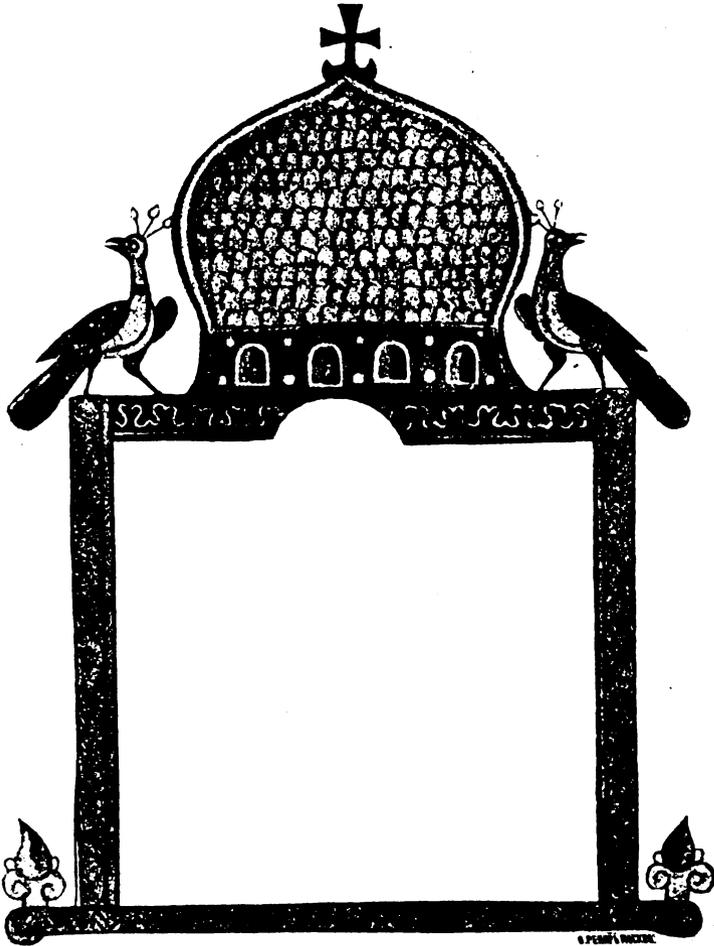

Рис. 38.

Съ теченіемъ времени, какъ это видно при разсмотрѣніи „Славянскаго и русскаго орнамента“, изд. В. Стасова, чѣмъ ближе мы подходимъ къ XIII вѣку, тѣмъ въ большемъ числѣ встрѣчаемъ, въ заставкахъ и заглав-

ныхъ буквѣхъ, различныхъ фантастическихъ животныхъ, переплетенныхъ различными орнаментами. Такимъ образомъ, заставка изъ Апостола XIII вѣка изображаетъ церковь съ пятью главами, неполнѣ опредѣленной формы, какъ бы грушевидными. У насъ такихъ главъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ онѣ неизвѣстны мнѣ въ натурѣ ¹⁾. Изображенный въ означенной рукописи храмъ сплошь покрытъ фантастическимъ орнаментомъ, составленнымъ изъ животныхъ и плетений. Изъ этого можно заключить, что церкви въ ту пору дѣйствительно были украшаемы такими же сплошными орнаментами, какіе мы видимъ до сихъ поръ на стѣнахъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ. Еще болѣе разительнымъ примѣромъ этого рода служить церковь св. Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ. Она вся покрыта обронными изображеніями разныхъ животныхъ, птицъ, человѣческихъ лицъ и растительныхъ орнаментовъ, подобныхъ тѣмъ, которыя находимъ на стѣнахъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и въ ц. Покрова на Нерли, хотя все это изуродовано вслѣдствіе позднѣйшихъ передѣлокъ, отъ которыхъ такъ много пострадали вообще всѣ наши древнія церкви. Отъ подобныхъ искаженій спаслись миньютюры нашихъ рукописей; съ тѣхъ поръ, какъ написанъ тотъ или другой письменный памятникъ, до его рисунковъ не прикасался никто, а потому всѣ архитектурныя изображенія, встрѣчающіяся въ миньютюрахъ, для насъ особенно драгоцѣнны, какъ передающія съ полною точностью художественный стиль, господствовавшій въ пору ихъ изготавленія.

Всѣ изображенія церквей на миньютюрахъ нашихъ

¹⁾ Подобные грушевидные купола видимъ на ортофоріонѣ (дарохранительницѣ) въ монастырѣ Крушедолѣ, 1705—1707 г. Эта дарохранительница принадлежала патріарху юго-славянскихъ земель Ангелигу и сработана Николаемъ Неделиковичемъ.

древнихъ рукописей увѣнчиваются вверху равноконечнымъ крестомъ, который называется греческимъ въ отличіе отъ латинскаго \dagger , антоніевскаго Γ , андреевскаго \times и друг. крестовъ.

Крестъ былъ извѣстенъ въ глубочайшей древности, его начало теряется во мракѣ первобытной жизни чутьли не всѣхъ народовъ. Разбирая китайскія надписи и читая китайскія преданія, Моремонъ отыскалъ символическое значеніе креста у китайцевъ, какъ знакъ обоженія. Въ Египтѣ крестъ почитался, какъ таинственная эмблема жизни. Въ Вавилонѣ онъ означалъ власть надъ четырьмя частями свѣта, по числу своихъ концовъ, и изображеніе его носили на себѣ цари ¹⁾). Въ Америкѣ, въ развалинахъ города Паланки, капитанъ Дюпе нашелъ крестъ въ молитвенномъ мѣстѣ, какъ предметъ поклоненія. Въ VI вѣкѣ до Р. Х. у евреевъ крестъ имѣлъ значеніе верховное, священное и спасительное. Въ пророчествѣ Іезекіиля, гл. IX, говорится: „Богъ сказалъ ангеламъ истребителямъ: пройдите градъ Іерусалимъ и положите знаменіе на лица кающихся. Поражайте и никого не щадите, исключая тѣхъ, кто имѣетъ на лицѣ знаменіе“, т.-е. знакъ креста.

Ислѣдователи религіозныхъ вѣрованій объясняютъ такое значеніе креста въ дохристіанской древности слѣдующимъ образомъ: преступниковъ казнили у столба, и казнь признавалась за искупленіе; поэтому, нарушителя божественнаго закона всего естественнѣе было привязывать къ такому столбу, который выражалъ собою значеніе верховной власти, т.-е. ко кресту. Съ теченіемъ времени это значеніе креста утратилось, и въ ближайшую къ

¹⁾ См. Шалашникова, „Религіозные символы древнихъ вавилонянъ“, гдѣ приведенъ портретъ царя Маркудинакхи, съ крестомъ на груди.

Рождеству Христову пору прежняя эмблема обоготворенія и власти превратилась въ орудіе позора и отверженія. Но послѣ искупительной смерти Богочеловѣка, крестъ приобрѣлъ въ средѣ христіанъ снова великое религіозное значеніе—сдѣлался священнымъ символомъ спасенія.

Какъ мы уже сказали, на миньютюрахъ нашихъ древнихъ рукописей изображенія храмовъ обыкновенно увѣнчиваются греческимъ крестомъ. Для примѣра можно указать на миньютюру Добролюва Евангелія (рис. 38). Здѣсь, у основанія креста, тою же черной краскою, какою начертанъ и самый крестъ, сдѣлана какая-то прибавка, въ видѣ двухъ отроговъ, представляющая нѣкоторое подобіе луны. Такого вида крестъ, относящійся также къ XII вѣку, можно видѣть на соборѣ св. Димитрія, во Владимірѣ. Изъ всѣхъ нашихъ церквей этой поры только на немъ одномъ сохранились какъ древнее покрытіе главы, такъ и древній греческій крестъ, подъ которымъ находится придатокъ, похожій на серпъ луны. По современнымъ понятіямъ, помѣщеніе луны подъ крестомъ означаетъ побѣду христіанства надъ магометанствомъ; но такое значеніе эта форма получила, безъ сомнѣнія, уже по сверженіи татарскаго ига: въ противномъ случаѣ, монголы, сдѣлавшись магометанами, не потерпѣли бы подобнаго униженія своей религіи со стороны покореннаго ими народа. Болѣе правдоподобно другое объясненіе, а именно, что фигура креста съ полукружіемъ внизу изображаетъ якорь—символь христіанской надежды. Но историческое изученіе этого вопроса открываетъ въ этомъ изображеніи еще болѣе вѣроятное, теперь почти совсѣмъ забытое, значеніе, какое оно имѣло первоначально. Въ древности ¹⁾, подъ крестомъ иногда изображали змія, или

¹⁾ Филимонова, „Значеніе луны подъ крестомъ“, Сборникъ Общества древне-русскаго искусства при московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, 1866 г.

дракона, т.-е., ветхозавѣтнаго діавола, виновника грѣхопаденія; потомъ, вмѣсто одного змія, стали изображать двухъ змievъ, ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго діаволовъ. Эти два змія, сплетенные хвостами, скоро превратились въ орнаментъ и потеряли свои натуральныя формы.

Сохранилось очень много старинныхъ крестовъ металлическихъ, а въ особенности рѣзныхъ изъ дерева, въ которыхъ, близъ основанія, находятся два большихъ прибавка, оканчивающихся очертаніемъ головы фантастическаго животнаго; средняя часть этихъ изображеній иногда покрыта орнаментомъ, а иногда здѣсь помѣщены изображенія святыхъ.

Ознакомившись съ главными типами русскихъ церквей XI и XII вѣковъ, скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ внутреннемъ убранствѣ.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ церквей, какъ видѣли выше, до сихъ поръ внутри сохранились остатки древней фресковой живописи, а иногда и мозаики. Подобное украшеніе внутренности церквей, повидимому, было дѣломъ обыкновеннымъ. Въ церквахъ болѣе поздняго времени почти всегда находимъ мы многоярусный иконостасъ, который служитъ какъ бы центромъ всей живописной отдѣлки и благолѣпія храма. Не такъ было въ первыхъ русскихъ храмахъ. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что иконостасовъ тогда вовсе не дѣлалось, хотя вопросъ этотъ остается еще неполнѣ выясненнымъ, такъ какъ напрасно было бы искать въ древнѣйшихъ нашихъ церковныхъ сооруженіяхъ такихъ признаковъ, которые давали бы ключъ къ его разрѣшенію. Единственное средство до нѣкоторой степени проникнуть въ этотъ вопросъ—обратиться къ исторіи.

Уже въ то время, когда христіанство, послѣ первыхъ

тяжелыхъ вѣковъ своего существованія, сдѣлалось официальной религіею Римской имперіи, въ IV вѣкѣ, въ храмахъ уже существовала такъ называемая алтарная преграда. Назначеніемъ ея было—отдѣлять священнослужителей и мѣсто священнодѣйствій отъ остальной части храма, предоставленной молящимся, которые, вслѣдствіе своей многочисленности, могли затруднять богослуженіе и мѣшать его торжественности. Съ теченіемъ времени оказалось необходимымъ, въ извѣстные моменты богослуженія, дѣлать алтарь недоступнымъ для взоровъ присутствующихъ. Евсеій Памфилъ ¹⁾, писатель IV вѣка, въ своемъ похвальномъ словѣ епископу Павлину, по поводу освященія церкви въ Тирѣ, говоритъ слѣдующее: „Чтобы святилище было доступно не для всѣхъ, онъ оградилъ его сѣтymi изъ дерева, украшенными тончайшей и искуснѣйшей работой, приводившей въ изумленіе зрителей“. Весьма интересно также свѣдѣніе, которое мы находимъ въ жизнеописаніи св. Василия Великаго, относительно повода, побудившаго отдѣлить алтарь преградой отъ остального пространства церкви. Разъ, во время обѣдни, при совершеніи таинства евхаристіи, одинъ дьяконъ, державшій рипиды, сталъ перемигиваться со стоявшею у алтаря женщиной; во избѣжаніе такого соблазна на будущее время святитель отдѣлилъ мірянъ отъ священнѣйшаго мѣста храма: *„отъ того убо времени св. Василій повелъ быти въ церкви предъ алтаремъ завѣсамъ и преградъ женъ ради, да не кая дерзнетъ проникнути въ алтарь во время божественныя службы; дерзнувшая же, да изженется отъ церкви и св. причащенія да отлучится“*.

Не перечисляя другихъ свидѣтельствъ объ алтарныхъ преградахъ въ древнихъ храмахъ, замѣтимъ, что онѣ

¹⁾ См. Филимонова, „Археологическое изслѣдованіе по памятникамъ“. Москва, 1859 года, стр. 25.

существовали не только на Востокѣ, но и на Западѣ, въ то время, когда еще не произошло раздѣленіе церкви на римско-католическую и православную. Алтарныя преграды въ итальянскихъ базиликахъ состояли изъ ряда колонокъ, помѣщенныхъ на невысокомъ постаментѣ, съ отверстіемъ для прохода къ алтарю. Такая открытая преграда могла быть, смотря по надобности, задерживаема завѣсой. Подобное устройство имѣлось, напримѣръ, въ римскихъ базиликахъ св. Климента въ Римѣ, св. Саввы, св. Маріи инъ-Космединъ, а также въ церквахъ св. Марка, въ Венеціи, и св. Никодима, въ Аѳинахъ. Въ константинопольскомъ соборѣ св. Софіи алтарною преградю служила каменная открытая аркада на колонкахъ. Въ церквахъ Кавказа, какъ наприм., въ церквахъ VIII вѣка въ старой Шаумтѣ, въ Сіонской церкви въ Атеинской долинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ, алтарныя преграды состоятъ изъ открытой аркады съ проходомъ по срединѣ. Нѣчто иное мы видимъ въ Африкѣ¹⁾; здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ существованія каменныхъ преградъ; вездѣ преграды высокія, сплошныя, деревянныя. Въ монастырѣ Дейръ-асъ-Суріани, въ церкви Аль-Адра, преграду замѣняютъ двѣ высокія складныя двери, въ три половинки каждая, прикрѣпленныя къ боковымъ стѣнамъ алтаря, такъ что, будучи отворены, они дѣлаютъ открытымъ весь алтарь. Имѣющаяся на нихъ сирійская надпись свидѣтельствуетъ, что эта преграда устроена не позже 700 г. по Р. Х., слѣдовательно, во время гоненія на иконы, которое, какъ извѣстно, окончилось въ 842 г. Эта алтарная преграда и другія, подобныя ей, напримѣръ, въ монастырѣ Анба - Бишей, состоящія также изъ двухъ створовъ, служатъ опроверженіемъ су-

¹⁾ В. Стасовъ: „Вѣстникъ Изыщныхъ Искусствъ“, т. III, 1885 г., Коптская и эѳіопская архитектура, стр. 442.

шествующаго мнѣнія, будто высокія алтарныя преграды явились послѣ иконоборства, въ то время, когда оказалась потребность помѣщать въ церквахъ много иконъ, рядъ надъ рядомъ, вслѣдствіе чего алтарная преграда и превратилась въ нынѣшній иконостасъ.

Вышеупомянутыя алтарныя преграды, равно какъ и тѣ, которыя находятся въ Абу-Серджэ, Аль-Адра, Горадъ-азъ-Зуойла и не могутъ быть позже X-го вѣка, а скорѣе принадлежать къ эпохѣ, на столѣтіе болѣе ранней, позволяютъ заключить, что до прекращенія ионенія на иконы существовали высокія алтарныя преграды украшенныя рѣзьбой; но ихъ нельзя считать иконостасами, такъ какъ образовъ на нихъ не помѣщалось, чѣмъ обуславливалось и то обстоятельство, что имъ не нужно было давать значительную высоту.

Что касается до древнѣйшихъ русскихъ храмовъ; возникшихъ еще до раздѣленія восточной и западной церквей¹⁾, то, какъ мы уже говорили, нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы придти къ какому либо положительному выводу касательно формы алтарныхъ преградъ, или иконостасовъ, въ этихъ храмахъ, и вопросъ о нихъ остается открытымъ, впредь до новыхъ изысканій. По наличнымъ матеріаламъ, можно сдѣлать только нѣсколько заключеній, напримѣръ, что алтарныя преграды въ домонгольскій періодъ не были у насъ высокими иконостасами, стоящими впереди алтарныхъ столбовъ храма, каковы онѣ теперь; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что въ древнѣйшихъ нашихъ церквахъ на алтарныхъ столбахъ открыта живопись, которою, разумѣется, не надо было бы ихъ украшать, если бы они были закрыты иконостасомъ. При-сутствіе этой живописи убѣждаетъ также, что алтарная

¹⁾ Событіе это относится къ 1054 году.

преграда ставилась не такъ, какъ нынѣшній иконостасъ, а между алтарными столбами. Стѣны самаго алтаря также украшались живописью, а потому весьма вѣроятно, что онъ былъ доступенъ для взоровъ молящихся, т.-е. алтарная преграда не составляла сплошной неподвижной стѣны, а имѣла видъ болѣе или менѣе открытой перегородки, которая въ извѣстные моменты богослуженія задерживалась завѣсою.

Каковы бывали у насъ завѣсы въ половинѣ XI вѣка—мы видимъ, напримѣръ, въ Остромировѣ Евангеліи. На одномъ изъ рисунковъ этой рукописи, изображающемъ евангелиста Луку¹⁾, показана мраморная арка на колоннахъ; съ капители на капитель перекинуть твердый пруть, и на немъ нанизаны кольца, къ которымъ пришить красный занавѣсъ съ свѣтлой каймой. Будучи повѣшенъ такимъ образомъ, занавѣсъ могъ легко задвигаться и отодвигаться,—нѣчто подобное, т.-е. крючки для завѣски отдѣляющей алтарь, видимъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ Преподобнаго Варлаама. При значительности разстоянія между алтарными столбами въ нашихъ церквахъ, алтарною преградой могла быть каменная открытая византійская аркада на колоннахъ; какъ бы подтвержденіемъ этого служатъ находимыя въ нашихъ разрушенныхъ храмахъ небольшія древнія колонки и другіе архитектурные фрагменты, на которые археологи смотрятъ, какъ на остатки преградъ²⁾. Въ концѣ домонгольскаго періода, при незначительномъ разстояніи между алтарными столбами, преграда могла имѣть видъ створчатаго затвора, какъ это мы видимъ позже, въ XIV вѣкѣ.

Вопросъ о способѣ призыва къ богослуженію въ на-

1) См. В. Стасова: „Славянскій и восточный орнаментъ“, табл. XLIX.

2) См. Прахова, Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства, Древности, изд. Моск. Археол. Общ. Москва, 1887 г., стр. 7.

шихъ церквахъ домонгольскаго періода принадлежить къ числу невыясненныхъ. Всѣ наши древніе храмы этого періода, если ихъ реставрировать, т.-е. привести въ первоначальный видъ, представляютъ такую конструктивную законченность, что трудно предположить, чтобы при нихъ имѣлась какая-либо пристройка, въ видѣ колокольни или бильницы. Существующія башни-лѣстницы, о которыхъ выше было говорено, были лишены всякихъ приспособленій для звона и не играли роли колоколенъ. О послѣднихъ впервые упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ только въ XIV вѣкѣ, между тѣмъ какъ о колоколахъ и билахъ говорится гораздо раньше; поэтому является вопросъ: гдѣ же помѣщались эти била и колокола?

Прежде, нежели отвѣчать что-либо на этотъ вопросъ, ознакомимся съ нимъ исторически и посмотримъ, что было раньше въ другихъ странахъ, внѣ Руси.

Во время гоненія на христіанство, призывъ къ богослуженію не могъ быть явнымъ, не могъ производиться звукомъ какого-либо инструмента. Полагаютъ, что онъ производился тогда простымъ увѣдомленіемъ членовъ христіанской общины чрезъ особаго вѣстника. Послѣ того какъ христіанская религія приобрѣла право господства, призывъ сдѣлался явнымъ. Въ V и VI вѣкахъ уже существовали била, а въ VII вѣкѣ мы находимъ указаніе на существованіе билъ малыхъ и великихъ, билъ деревянныхъ и билъ желѣзныхъ ¹⁾; еще позже являются мѣдныя била.

Деревянное било состояло изъ доски, повѣшенной на веревкѣ. Въ эту доску били молотомъ или колотушкой. Иногда деревянному билу придавалась форма дуги, и къ

¹⁾ См. С. П. Казанцева: О призывѣ къ богослуженію. Труды 1-го археологическаго съѣзда, т. 1-й, стр. 391. Москва. 1871 г.

нему придѣлывались особыя пружины, какъ это было, на примѣръ, въ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія Христа. Желѣзныя била обыкновенно дѣлались въ видѣ изогнутой полосы желѣза и вѣшались тоже на веревкѣ. Удары по разнымъ мѣстамъ била давали возможность извлекать изъ него различные по тону звуки и такимъ образомъ производить родъ музыки. Для примѣра укажемъ на описаніе звуковъ отъ ударовъ въ било на колокольнѣ въ Русикѣ, на Аѳонѣ ¹⁾: „Въ пять часовъ ударили на колокольнѣ въ большое било: стучали въ него сперва медленно, потомъ скоро и живо, съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ, съ ихъ игривою перестановкою, съ быстрымъ переходомъ отъ низшихъ къ высшимъ, и наоборотъ, или медленнымъ ихъ переводомъ чрезъ полутоны, съ постепеннымъ замираніемъ до совершеннаго прекращенія и съ неожиданнымъ воскресеніемъ ихъ къ новой живости и силѣ. Такой стукъ возобновлялся три раза послѣ остановокъ для отдыха „художника“, какъ называли звонаря греки, видимо умиленные его искусствомъ, и каждый разъ онъ позволялъ имъ слышать новыя звукосочетанія, разнообразныя отъ перваго удара молота до послѣдняго. Музыка эта продолжалась полчаса“. У болгаръ и сербовъ подобныя била тоже существуютъ и называются клепалами; желѣзное клепало называлось: „знькало“. Бывали била и небольшія, ручныя, переносныя. Подобное било сохранилось, между прочимъ, въ Геѳсиманскомъ скиту Троицко - Сергіевской лавры, близъ Москвы, оно употребляется еще и до настоящаго времени. Желѣзныя била также сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на прим., въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ. Тамошнее било представляетъ собою полосу желѣза, изогнутую въ видѣ чет-

¹⁾ См. тамъ же, стр. 304.

верти круга, и имѣетъ около двухъ саженъ длины. Въ срединѣ его сдѣланы отверстія для веревки, на которой оно и повѣшено. Гдѣ оно находилось первоначально и когда изготовлено — остается неизвѣстнымъ. Теперь оно виситъ подъ каменной аркой входа въ ризницу, построенной въ концѣ XVII вѣка. Другое подобное било находится въ новгородскомъ музеѣ, устроенномъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ.

По всей вѣроятности, удары въ било были у насъ вначалѣ наиболѣе распространеннымъ способомъ призыва на молитву, какъ о томъ можно заключить на основаніи лѣтописей¹⁾. По свидѣтельству Алляціи и Гоара, была обыкновенно вѣшались по обѣимъ сторонамъ входныхъ дверей церкви. У Торнестора мы находимъ изображеніе сучковатаго дерева, на которомъ повѣшены два била. Вообще била не нуждались въ большемъ пространствѣ, хотя для нихъ и устраивались иногда особыя помѣщенія.

Колокола при церквахъ явились сравнительно поздно. Употребленіе ихъ для призыва къ богослуженію возникло на Западѣ. Встрѣчаясь впервые въ VIII вѣкѣ, они входятъ во всеобщее употребленіе въ слѣдующемъ столѣтіи. Древнѣйшіе колокола были малы, изготовлялись изъ жести и листового желѣза; иногда въ ихъ стѣнкахъ дѣлались отверстія, какъ это мы видимъ, напримеръ, въ колоколѣ, хранящемся въ новгородскомъ музеѣ. Болѣе крупные колокола появляются въ XI и XII вѣкахъ, а такіе, вѣсъ которыхъ равнялся сотнямъ пудовъ, стали отливаться не прежде XV вѣка.

Въ развалинахъ кіевской Десятинной церкви найдены два колокола. Лѣтописи упоминаютъ о колоколахъ, начиная съ XI вѣка; такъ, подъ 1066 г., читаемъ: *Приде*

¹⁾ П. С. Л., т. 1, стр. 80—82; по Никоновской, П. С. Л., т. IX, 104.

Всеславъ и взя Новгородъ и колоколы съими у св. Софїи и паникадила съима ¹⁾; подь 1146 г.: *Изяславъ въ Кїевъ взялъ колоколы* ²⁾; подь 1259 г., въ Ипатъевской лѣтописи, говорится, что князь Даниилъ Галицій *въ Холмъ колоколы принесе изъ Кїева, друіе ту сольє* ³⁾, и т. д. Изъ этого видно, что колокола завелись на Руси чуть ли не съ первыхъ дней принятїя ея христіанства, но составляли тогда рѣдкость, были не велики и немногочисленны. Повидимому, для нихъ въ ту пору еще не строили колоколенъ, такъ какъ въ лѣтописяхъ впервые говорится объ устройствѣ особыхъ помѣщенїй для колоколовъ только съ XIV столѣтїя. Эти помѣщенїя были извѣстны подь названїемъ *персей*, или *першей*. Каковы были ихъ видъ и устройство—объ этомъ трудно сказать что-либо определенное и достовѣрное.

Окончивъ обзоръ русской архитектуры въ домонгольскій періодъ, считаемъ небезполезнымъ сдѣлать общїй сводъ всего сообщеннаго нами по этому предмету.

Подь выраженїемъ: „домонгольскїй періодъ“, мы разумѣемъ промежутокъ времени отъ начала образованїя русскаго союза подь властью Рюрика, въ IX вѣкѣ, до татарскаго нашествїя, въ XIII вѣкѣ.

Начало этого періода ознаменовано великимъ событїемъ—принятїемъ Русью христіанства. Одновременно съ греческою религією, являются къ намъ греческіе мастера, которые создаютъ въ Кїевѣ каменные храмы по образцу византїйскихъ храмовъ кубическаго и крестоваго типа того времени. Кромѣ церквей, они создаютъ гражданскїя и военныя сооруженїя, также изъ камня,—терема, крѣпостныя стѣны и проч. Вскорѣ отъ греческихъ

¹⁾ П. С. Л., III, 2.

²⁾ П. С. Л., II, 27.

³⁾ П. С. Л. II, 196.

мастеровъ перенимають искусство каменныхъ построекъ русскіе зодчіе; уже въ XI вѣкѣ лѣтописи приводятъ имена русскихъ строителей, каковы напимѣръ, Коровъ Яковичъ, Милонегъ и другъ.

Изученіе русскихъ церквей, возникшихъ въ XI и XII вѣкахъ, даетъ поводъ раздѣлить ихъ на два типа: *кубическій* и *крестовый*. Къ кубическому типу относятся всѣ тѣ церкви, общая масса которыхъ приближается къ формѣ куба. Примѣромъ этого типа можетъ служить, между прочимъ, Черниговскій соборъ.

Къ крестовому типу надо причислить всѣ тѣ церкви, главная масса которыхъ имѣетъ форму креста; такова, напимѣръ, церковь Преображенія въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ. Русская православная церковь вначалѣ была подчинена константинопольскому патріарху, который, согласно 28-му правилу четвертаго (халкидонскаго) вселенскаго собора, имѣлъ право поставлять митрополитовъ для подвластныхъ ему митрополій и черезъ нихъ управлялъ церковью. Съ перенесеніемъ великокняжеской столицы изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ, зависимость Руси отъ Константинополя ослабѣваетъ. Съ этого времени настаетъ новая пора для искусства: призываются иностранные мастера по выраженію лѣтописца, *со всей земли*. Они создаютъ во владиміро-суздальской области храмы по тому же кубическому типу, но сообщаютъ имъ совсѣмъ другія пропорціи и украшаютъ ихъ своеобразными богатыми деталями. Такимъ образомъ, владиміро-суздальскій край обзаводится церквами такой архитектуры, изученіе которой заставляетъ выдѣлить ихъ, какъ особый видъ, изъ общаго типа кубическихъ церквей — другими словами, раздѣлить кубическій типъ на два вида: кіевскій и владиміро-суздальскій. Къ кіевскому виду слѣдуетъ отнести

не только церкви самого Кіева, но и всѣ тѣ, которыя выстроены по образцу кіевскихъ въ другихъ городахъ, напр. черниговскій соборъ св. Спаса, храмъ Елецкой Божіей Матери близъ Чернигова, новгородскую св. Софію, и проч.

Отличительный признакъ храмовъ этого вида въ большинствѣ случаевъ заключается въ *болѣе значительной высотѣ средней арки фасада, сравнительно съ высотой боковыхъ арокъ*, что въ церквахъ, построенныхъ до XII вѣка, обуславливалось сравнительно большимъ выступомъ средней алтарной части въ планѣ; вслѣдствіе этого, покрытие крышъ было круглое, т. е. дѣлалось по аркамъ.

Такъ какъ кладка стѣнъ производилась изъ чередовавшихся рядовъ кирпича и камня, то ихъ нештукатуренный фасадъ долженъ былъ имѣть полосатый видъ.

Что касается до церквей владиміро-суздальскаго вида, то на ихъ фасадахъ средняя арка превосходитъ высотой боковыя незначительно; невеликъ также и средній алтарный выступъ въ планѣ, находящійся обыкновенно въ зависимости отъ фасада. Эта особенность позволяла крыть крыши не по полукругамъ, какъ въ церквахъ кіевского вида, а покрывать ихъ по ломаной линіи, т. е. по фронтонамъ. Слѣды такого покрытия существовали еще въ 1890 г. на чердакѣ Успенскаго собора во Владимірѣ. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что общая масса во владиміро-суздальскихъ церквахъ не такъ расплывиста; она болѣе стройна, возвышенна, чѣмъ въ кіевскомъ видѣ.

Если, кромѣ всего этого мы примемъ во вниманіе детальную отдѣлку внѣшности этихъ церквей, то придемъ къ заключенію, что композиція ихъ не есть подражаніе какимъ бы то ни было ранѣе существовавшимъ зданіямъ, а составляетъ нѣчто болѣе или менѣе *самостоятельное*, выработанное на мѣстной почвѣ. Здѣсь проявились такія требованія и условія, которыя заставили иностран-

ныхъ мастеровъ работать не въ чужеземномъ какомъ-либо стилѣ, а въ мѣстномъ, владиміро-суздальскомъ вкусѣ. Они должны были примѣнить здѣсь преимущественно лишь свои техническія познанія въ каменномъ строительствѣ, съ которыми русскіе въ то время были еще мало знакомы. Словомъ, тутъ происходило до нѣкоторой степени то же самое, что произошло на Руси впоследствии, когда мы, сознавъ недостаточность своихъ теоретическихъ познаній, призываемъ къ себѣ западныхъ мастеровъ, свѣдущихъ въ дѣлѣ каменнаго зодчества, но подчиняемъ ихъ мѣстнымъ требованіямъ. Они строятъ намъ церкви, переводя формы исконнаго русскаго стиля съ дерева на камень, и такимъ образомъ увѣковѣчиваютъ самобытныя созданія русскаго народа.

Храмы домонгольскаго періода расписывались внутри орнаментами (рис. 39 — часть свода въ Успенскомъ Соборѣ во Владимірѣ) и живописью сверху до низу, а иногда украшались и мозаикою. Въ XI вѣкѣ живопись сопровождается еще греческими надписями, но съ XII вѣка онѣ смѣняются уже русскими ¹⁾.

Древніе наши храмы не имѣли высокихъ иконостасовъ. Основываясь на томъ, что представляютъ намъ древнія церкви другихъ странъ, мы можемъ, по анало-

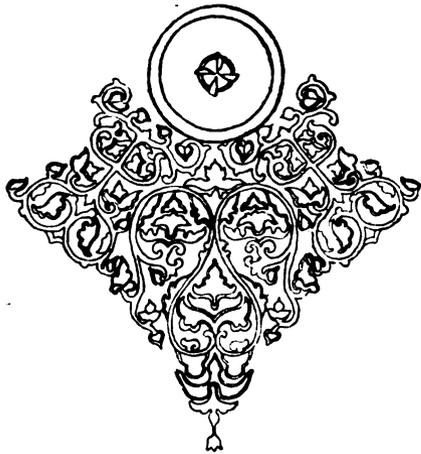

Рис. 39.

¹⁾ См. Прахова, Кіевскіе памятники византийско-русскаго искусства, стр. 9. Древности, т. XI. Москва 1887 г.

ги, заключить, что въ нашихъ церквахъ, быть можетъ, бывала алтарная преграда только между алтарными столбами, въ виду того, что на этихъ столбахъ встрѣчается живопись. Эта преграда могла быть въ видѣ завѣсы, открытой аркады или створчатыхъ дверей, устроенныхъ такимъ образомъ, что алтарь можно было открывать вполнѣ, такъ, чтобы молящимся была видна вся его внутренность, украшенная живописью.

Призывъ къ богослуженію совершался при помощи деревянныхъ и желѣзныхъ биль, а иногда и небольшихъ колоколовъ. Для тѣхъ и другихъ не дѣлалось какихъ-либо особыхъ помѣщеній, въ родѣ колоколенъ; ихъ вѣшали, вѣроятно, гдѣ-нибудь подлѣ церкви. Въ виду того, что древнія церкви наши нерѣдко имѣли сообщеніе съ княжескими хоронами, теремами, вѣжами и проч., можно предполагать, что въ этихъ постройкахъ — по крайней мѣрѣ, иногда — вѣшались какъ била, такъ и колокола, хотя положительныхъ указаній на то мы не имѣемъ.

Монгольскій періодъ.

Подъ монгольскимъ періодомъ разумѣется время отъ начала монгольскаго ига до полного его сверженія при царѣ Іоаннѣ III.

Въ XIII вѣкѣ, когда къ намъ являются монголы, искусство падаетъ. Слѣдя по лѣтописямъ, видимъ, что постройка церквей значительно уменьшается и только со слѣдующаго столѣтія мало-по-малу начинаютъ появляться свѣдѣнія о постройкѣ новыхъ церквей, когда орда начинаетъ ослабѣвать, а Русь собирается во единое цѣлое. Пришествіе татаръ легче всѣхъ отозвалось на Новгородско-Псковскомъ братствѣ, потому что татарскія полчища не дошли до нихъ и ограничились только сборомъ дани. Поэтому искусство Новгорода и Пскова составляетъ какъ бы исключеніе. Оно именно въ это время, пока не возвысилась еще Москва, и достигаетъ лучшаго своего расцвѣта.

Разсмотримъ же, что происходитъ въ это время въ Новгородско-Псковскомъ братствѣ.

Новгородско-Псковское братство.

Выше мы рассмотрѣли памятники русскаго искусства XI и XII вѣковъ, домонгольскаго періода и признали въ нихъ два типа: кубическій и крестовый, выстроенные подъ вліяніемъ кіевскихъ церквей по-византійски.

Въ монгольскій періодъ тоже строятся церкви по тѣмъ же типамъ. Такъ въ XIII вѣкѣ видимъ въ Псковѣ сравнительно обширный храмъ въ Ивановскомъ монастырѣ.

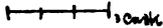
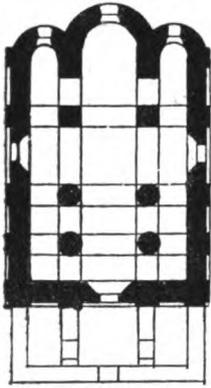

Рис. 40.

Ивановскій женскій монастырь основанъ въ 1240 году мѣстно-чтимой княгиней Евфросиніей. По описаніямъ храмъ этотъ сложенъ изъ известковой плиты съ прокладкой кирпичными плитами четырехугольной формы. Планъ этого храма нѣсколько отличается отъ другихъ храмовъ своей удлиненностью отъ востока къ западу (см. рис. 40).

Сравнивая его съ другими планами храмовъ, напр. (рис. 16) съ планомъ Преображенской церкви въ Мирожскомъ монастырѣ, видимъ, что въ немъ съ запада, на мѣстѣ стѣны, стоятъ два лишніхъ столба, а западная стѣна

отодвинута; кромѣ того всѣ четыре западные столба не четырехугольные, а круглые.

Рис. 41.

По разрѣзу, показанному (на рис. 41) видно, что западная часть храма занята хорами, и въ западной же наружной стѣнѣ, на хорахъ, находятя двѣ небольшія ниши, предназначенныя, вѣроятно, для стоянія молящимся. Живописи теперъ не видно, все выбѣлено известью. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что храмы монголь-

скіе отличаются отъ русскихъ храмовъ своей удлиненностью отъ востока къ западу. Въ нихъ съ запада, на мѣстѣ стѣны, стоятъ два лишніхъ столба, а западная стѣна отодвинута; кромѣ того всѣ четыре западные столба не четырехугольные, а круглые.

скаго періода Новгорода и Пскова весьма бѣдны внутреннимъ убранствомъ стѣнъ. Насколько богаты рослисю храмы XII вѣка, какъ наприм., ц. на Липнѣ или Георгіевская въ Старой Ладогѣ (см. въ изд. Прохорова), на столько бѣдны храмы XIII, XIV и т. д. вѣковъ.

Далѣе намъ придется, вездѣ, имѣть дѣло со стѣнами выбѣленными извѣстью, и испещренными множествомъ голосниковыхъ отверстій. Но перейдемъ къ наружному виду Ивановскаго монастыря. Храмъ здѣсь трехглавый. Онъ имѣетъ посрединѣ одну большую главу съ окнами, а на западѣ двѣ

Рис. 42.

малыхъ главы безъ оконъ (рис. 42). Былъ ли этотъ храмъ первоначально пятиглавый и двѣ восточныя главы сломаны впоследствии, или же онъ первоначально имѣлъ всего три главы?—этотъ вопросъ, какъ и вопросъ о первоначальномъ покрытіи, требуетъ особаго изслѣдованія, а пока остается открытымъ. Во всякомъ случаѣ трехглавые храмы не есть явленіе единичное (ниже мы укажемъ на нихъ). Покойный профессоръ А. С. Усовъ въ одномъ изъ своихъ сообщений въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ высказалъ предположеніе, что малыя главы возникли для освѣщенія хоръ; но такъ какъ малыя главы часто бываютъ безъ оконъ, какъ напримѣръ и въ данномъ случаѣ, то очевидно, что такое предположеніе неосновательно.

Снаружи стѣны Ивановскаго храма покрыты фальшивыми арками съ лопатками, рисующими на фасадѣ внутреннюю конструкцію храма. Покрытіе главъ и крыши, очевидно, позднее. Первоначальное покрытіе, конечно, было или посводное или пофронтонное. Судя по типу и сходству деталей храма съ разсмотрѣнными выше храмами XII вѣка, покрытіе по аркамъ представляется болѣе вѣроятнымъ. Когда же дѣлали крышу подъ одинъ карнизъ, пришлось яндовы заложить, вслѣдствіе чего новая существующая крыша на четыре ската поднялась у средней главы и закрыла часть ея основанія. Глава сдѣлалась непропорціонально коротка, — потребовалось ее подвысить; тогда вмѣсто первоначальнаго полушароваго византійскаго покрытія устроили нынѣ существующую высокую желѣзную главу. Такимъ образомъ храмъ этотъ совершенно утратилъ свой первоначальный видъ. Для его реставраціи необходимо снять существующія главы и сдѣлать покрытіе посводное, полушаровое, византійское. Плечи главнаго куба тоже покрыть по аркамъ, тогда крыша опустится и шеи главъ, скрытыя подъ желѣзомъ, откроются. Покрытіе алтаря, конечно, будетъ подъ одинъ горизонтальный карнизъ, но гораздо ниже чѣмъ теперь, пропорціонально массамъ храма.

Если храмъ этотъ дѣйствительно сложенъ изъ плитъ и кирпича, то вѣроятно, первоначально онъ имѣлъ тоже полосатый фасадъ, какъ св. Софія въ Новгородѣ, храмы въ Антоньевскомъ, Юрьевскомъ монастыряхъ и друг.

Храмы св. Софіи, Мирожскаго монастыря, Ивановскаго, Георгіевскаго, Преображенія въ Витебскѣ и друг. имѣютъ детали очень сходныя между собою. Отдѣлка ихъ проста, кромѣ арокъ и маленькихъ свѣшивающихся арочекъ подъ карнизами главъ, нѣтъ никакихъ украшеній.

Всѣ же позднѣйшія церкви начинаютъ прибавлять ря-

ды украшений и тѣмъ, составляютъ особенность Новгородско-Псковской архитектуры, измѣняя и главныя массы фасада.

Разсмотримъ теперь храмъ въ Спѣтогорскомъ монастырѣ. Храмъ этотъ построенъ въ XIV вѣкѣ, именно въ 1310 году. Псковская вторая лѣтопись подъ 6879 лѣтомъ говоритъ:

„Свершена бысть церковь камня св. Богородицы на Спѣтной горѣ при илуминѣ Іовѣ“.

Храмъ этотъ по массамъ своимъ очень напоминаетъ храмъ св. Преображенія въ Спасо-Мирожемскомъ монастырѣ, въ Псковѣ. Рис. 16 представляетъ планъ Спаса Преображенскій, весьма

Рис. 43

похожій на планъ храма въ Спѣтогорскомъ монастырѣ; а рис. 43 представляетъ фасадъ Спѣтогорскаго храма. Здѣсь вы видите храмъ съ одной главой, тремя алтарными выступами, какъ въ Мирожскомъ монастырѣ, на первый взглядъ тоже какъ бы кубическаго типа; но на стѣнахъ бокового фасада сдѣланы двѣ арочки: одна большая, а другая гораздо меньше — какъ на Мирожки. Сѣверо-западный и юго-западный двугранные углы храма, очевидно, не современны его основанію и наложены позднѣе, какъ въ Мирожскомъ монастырѣ. Храмъ этотъ первоначально былъ тоже крестоваго типа, какъ и храмъ въ Ми-

рожскомъ монастырѣ. Западная низкая пристройка, конечно поздняя. Для реставраціи этого храма слѣдуетъ западную низкую пристройку уничтожить, отнять верхнія части двугранныхъ угловъ, сдѣлать покрытіе крыши такое же, какъ на реставраціи Мирожскаго монастыря (рис. 17.) Тогда получимъ крестовый храмъ, по массамъ весьма близкій къ храму Мирожскаго монастыря. Очевидно, что церковь Снѣтогорскаго монастыря есть сколокъ съ храма Мирожскаго монастыря или какого другого—XII же вѣка, крестоваго типа.

Хотя и велико сходство Снѣтогорскаго храма XIV вѣка съ Мирожскимъ храмомъ XII вѣка, все-таки между ними есть отличія, отдѣляющія ихъ другъ отъ друга особенностями вѣковъ. Такъ, средній алтарный выступъ Снѣтогорскаго храма значительно меньше, чѣмъ въ Мирожскомъ. Глава, вѣнчающая Снѣтогорскій храмъ, тоньше и длиннѣе Мирожской, словомъ, общія пропорціи нѣсколько иныя. Детали карниза главы Снѣтогорскаго монастыря гораздо сложнѣе. Въ Мирожскомъ, Ивановскомъ, въ св. Софїи и другихъ памятникахъ XII—XIII вѣковъ карнизы главъ, какъ выше замѣчено, оканчиваются зубчиками въ видѣ полуарочекъ. Въ Снѣтогорскомъ же храмѣ полуарочки обратились въ двойныя полукруглыя впадинки; ниже идетъ поясокъ—зигзагъ, образованный впадинками, средняя часть пояса состоитъ изъ двухъ рядовъ треугольныхъ впадинокъ, образующихъ зигзаги; выше и ниже зигзага идетъ по ряду четырехугольныхъ впадинокъ. Такого рода украшенія въ XII вѣкѣ не встрѣчаются и свидѣтельствуютъ о болѣе близкомъ къ намъ времени Эти то украшенія и составляютъ одну изъ мѣстныхъ особенностей архитектуры Новгородско-Псковскаго братства.

Итакъ, два *разсмотрѣнные памятника*, Ивановскій монастырь XIII вѣка и Снѣтогорскій—XIV вѣка, представ-

ляють *сколки съ церквей XII вѣка*. Въ первомъ видимъ подражаніе кубическому типу XI — XII вѣка, а во второмъ — крестовому.

Но въ то же время появляются сооружеія, во многомъ отличныя отъ первыхъ по плану, фасаду и разрѣзу.

Первоначальный планъ съ тремя полукружіями алтаря сохраняется; его мы видимъ во многихъ церквахъ, напр: въ Псковѣ въ Пароменской ц. (1444 г.), Богоявленской (1444 г.) (рис. 44 представляетъ планъ, освобожденный отъ при-

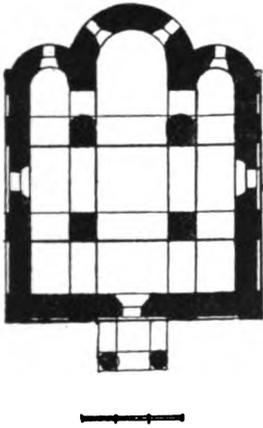

Рис. 44.

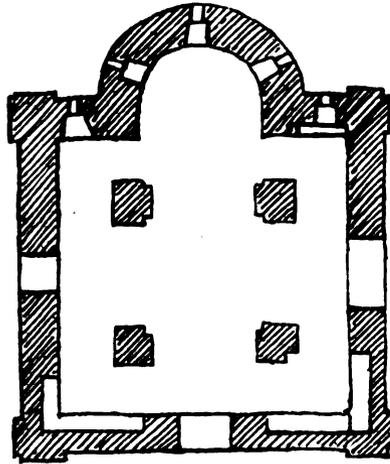

Рис. 45.

строекъ), Георгія со Взвозу (1494) и многихъ другихъ. Въ Новгородѣ же въ это время въ алтарной части плана происходитъ видоизмѣненіе, которое мы видѣли раньше въ Витебскѣ въ Благовѣщенской церкви (рис. 19) и въ Полоцкомъ Евфросиньевскомъ монастырѣ (рис. 20), именно: крайнія полукружія обращаются въ прямоугольные двугранные углы, какъ это видимъ на (рис. 45) церкви на Липнѣ (1292 г.), въ церкви Рождества въ Молотковѣ, св. Лазаря въ Перынскомъ скиту и друг. При этомъ, разу-

мѣется, боковыя алтарныя полукружія снаружи теряютъ характеръ алтарнаго фасада и входятъ въ фасадъ главной массы храма. Они образуютъ его восточный фасадъ и дополняютъ боковые; съ востока остается только одинъ выступъ средняго алтарнаго полукружія.

Рис. 46.

Главная масса храма, какъ видно по рисункамъ, значительно измѣнена сравнительно съ формами вышеразсмотрѣнныхъ нами храмовъ XI—XII вѣковъ. Такъ въ церкви св. Лазаря покрытие могло быть даже посводное, но другой формы: главная масса—кубическая, но каждая сторона фасада дѣлится лопатками на три части,

при этомъ фасадъ своими формами тоже вполне отвѣчаетъ и, такъ сказать, рисуется внутреннюю конструкцію храма. Съ боковъ двѣ полуарки отвѣчаютъ внутренней конструкціи такой же формы, а въ срединѣ простая циркулярная арка или трехлопастная—отвѣчаетъ средней части разрыва. Подобный же фасадъ церкви видимъ на (рис. 46), изображающемъ ц. Спаса Преображенія (1364 г.), съ той только разницей, что покрытие крышъ дѣлается не по сводамъ, а по фронтонамъ. Такое же покрытие видимъ въ ц. Петра и Павла, Феодора Стратилата и друг.).

Затѣмъ *второй* видъ новгородскихъ церквей—тоже съ фронтонными покрытиями, но каждая сторона фасада представляетъ, какъ бы въ сокращеніи, первый видъ и *не имѣетъ троечастнаго дѣленія*. Такъ ц. на Липнѣ и въ

Перунскомъ скиту имѣютъ только угловыя лопатки, которыя въ церкви на Липнѣ (рис. 47) вверху, соблюдая форму каменнаго покрытія сводами, соединяются, снизу заканчиваясь зубчиками. То же какъ будто видимъ и въ церкви на Волотовомъ полѣ (рис. 48), но здѣсь фасадъ проще, даже и по угламъ нѣтъ лопатокъ.

Всѣ церкви этого періода весьма сходны. Шеи главъ всегда круглыя и у основанія не имѣютъ четырехграннаго постамента, отвѣчающаго внутреннимъ парусамъ,

Рис. 47.

Рис. 48.

а верхней своей части украшены особаго рода тягами и узорами, состоящими изъ углубленій, образуемыхъ кирпичной кладкой. Иногда проведенъ изразцовый поясокъ, какъ это видимъ, наприм. въ Псковѣ, въ церкви св. Георгія, со Взвозу.

Подобными же украшеніями и разными фигурами раздѣльвали и фасады главной массы, что находимъ въ церкви Петра и Павла, Спаса Преображенія и друг.

Окна крылись или круглой перемычкой или двумя плитами, поставленными накосъ, такъ что вверху при ихъ соединеніи образовывался острый уголъ, и только выше дѣлалась небольшая тяга, напоминающая форму зонтика.

Всѣ эти церкви несомнѣнно между собой родственны. Онѣ составляютъ видоизмѣненіе одного и того же общаго типа. Но вопросъ о происхожденіи фасадовъ церквей Новгородско-Псковскаго братства — хотя и неособенно важный, но покуда вопросъ открытый, потому что одни видятъ здѣсь греческое вліяніе, а другіе вліяніе нѣмецкое ¹⁾.

Частыя сношенія Новгорода и Пскова съ Ганзой всѣмъ извѣстны. Дѣлая сравненія, обыкновенно принимаютъ во вниманіе конструкцію сводовъ нѣмецкихъ построекъ, сходныхъ по расположенію съ псковскими церквями, напр. св. Лазаря, Ѳедора Стратилата и друг., а для сходства фасадовъ приводятъ нѣмецкія зданія, наприм. часовню Вальдельриха въ Мургартѣ и проч.

Производя ихъ отъ греческихъ храмовъ, слѣдуетъ замѣтить, что разрѣзы такихъ церквей какъ Ѳедоръ Стратилатъ, по конструкціи своей, весьма напоминаетъ тройное греческое окно, состоящее изъ арки въ срединѣ и двухъ полуарокъ по бокамъ, потому что отъ движенія линій такого троечастнаго окна по двумъ перпендикулярнымъ направленіямъ получается геометрическая фигура Новгородско-Псковскаго храма.

Внутренность Новгородско-Псковскихъ церквей, кромѣ вышеуказанныхъ особенностей, отличается еще особенностью конструкціи ступенчатыхъ подкупольныхъ арокъ, поддерживающихъ главу храма (рис. 49—раз-

¹⁾ См. „Труды 1-го Археологическаго съѣзда въ Москвѣ“. „В. Суслевъ: Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры“.

рѣзъ Богоявленской церкви въ Псковѣ), тоже видимъ въ Пароменской церкви, Михаила Архангела и друг.

Такое устройство сводовъ составляетъ особенность Новгородско-Псковскихъ храмовъ. Естественно — мастера, вызванные изъ Пскова, перенесли этотъ приемъ по разнымъ краямъ Россіи, гдѣ только имъ приходилось строить храмы, поэтому приемъ этотъ встрѣчаемъ и въ Московской архитектурѣ, на что укажемъ ниже.

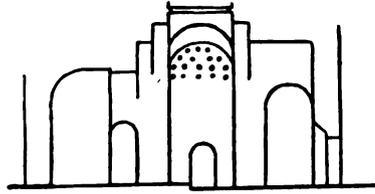

Рис. 49.

Внутренность церквей монгольского періода не отдѣлялась живописью и теперь, чаще всего, представляется выбѣленной, со множествомъ отверстій — голосниковъ, вставленныхъ въ стѣны, что, конечно, мѣшало росписи.

Указавъ на церкви XIV и XV вѣковъ Новгородско-Псковской архитектуры, мы не можемъ назвать эти памятники переходными, какъ признаемъ это ниже, говоря про Московскую архитектуру. Къ лучшему разцвѣту Новгородско-Псковской архитектуры слѣдуетъ отнести именно памятники XIV—XV вѣка, а не памятники XVI и XVII вѣковъ, когда самостоятельность Братства уничтожается Москвой. Памятники XVI—XVII вѣковъ не

Рис. 50.

имѣютъ никакихъ особенныхъ отличій отъ памятниковъ XIV—XV вѣка—лучшаго расцвѣта Новгородъ и Пскова. Такъ: церковь Ѳеодора Стратилата, Спаса Преображенія въ Новгородѣ XIV вѣка, также Петра и Павла, Двѣнадцати Апостоловъ XV вѣка, въ Новгородѣ же и многія другія, ничуть не уступаютъ памятникамъ болѣе позднимъ, не говоря, разумѣется, про такіе, которые выстроены подъ вліяніемъ Москвы, какъ, напримѣръ, Псковскій Троицкій соборъ 1691 г., но онъ и не принадлежитъ къ псковскому стилю. Укажемъ также на церковь Бориса и Глѣба въ Новгородѣ (рис. 50). Она нѣсколько отступаетъ отъ обыкновенныхъ церквей Новгородъ и Пскова и, можетъ быть, тоже выстроена подъ вліяніемъ московской архитектуры. Церковь Бориса и Глѣба выстроена въ 1536 году; она пятиглавая; покрытіе плечъ по фронтамъ — по три съ каждой стороны; фасадъ дѣлится лопатками на три части; арки съ заостреннымъ подвышеніемъ.

Другая церковь, нѣсколько выходящая изъ ряда вонъ, это Николая Явленнаго, 1676 года, нынѣ Единовѣрческая въ г. Псковѣ. Она тоже пятиглавая, на ней одна глава стоитъ посрединѣ, а четыре другихъ не по угламъ, какъ обыкновенно бываетъ, а поставлены на средины стѣнъ; но сама по себѣ церковь малоинтересна. Возлѣ церкви поставлена звонница въ два яруса, причемъ верхняя арочка стоитъ на замкахъ первыхъ двухъ арокъ. Такого рода звоницы въ два яруса встрѣчаются довольно рѣдко. Обыкновенно звонница дѣлается на стѣнѣ самого храма, какъ это видимъ въ церкви Мирожскаго монастыря (рис. 16), Ивановскаго монастыря (рис. 42), здѣсь звонница въ двѣ арочки поставлена на южной стѣнѣ у самого угла, въ церкви св. Сергія въ Псковѣ, звонница, изъ двухъ арочекъ, поставлена на срединѣ западной стѣны, у церкви св. Георгія

со Взвозу звоница поставлена надъ входной пристройкой, представляя какъ бы самостоятельную стѣнку съ аркой внизу. Наконецъ подобныя звоницы въ нѣсколько арокъ иногда бываютъ въ видѣ отдѣльнаго зданія, какъ это

Рис. 51.

видимъ въ церкви Богоявленія (рис. 51). Звоница съ главнаго фасада представляетъ высокую стѣну съ аркатурой сверху; внутри въ ней выстроена лѣстница, которая ведетъ на террасу, окруженную балюстрадой и расположенную около аркатуры, близь колоколовъ, отсюда звонять. У всѣхъ этихъ звоницъ верхи, т. е. покрытія передѣланы; судя же по изображеніямъ ихъ на старыхъ иконахъ и картинахъ, верхи ихъ крылись по фронтонамъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда звоница состояла изъ многихъ арокъ, надъ каждой дѣлался фронтончикъ; иногда же надъ звоницей ставили шпили въ видѣ шатриковъ тоже по нѣскольку въ рядъ. Кромѣ такихъ звоницъ самаго простого устройства есть и болѣе сложныя, какъ это видимъ въ

Рис. 52.

Новгородъ у св. Софіи (рис. 52). Здѣсь звоница представляетъ цѣлое зданіе, одна стѣна котораго поднимается къ верху и открыта арками. Звоница эта основана въ 1436 году, на мѣстѣ старой, при архіепископѣ Евфиміи. Вотъ самые древніе типы колоколенъ. Ниже, разбирая московскую архитектуру, мы встрѣтимся со всѣми этими типами, перенесенными, можетъ быть, туда изъ Новгородско-Псковскаго братства; а теперь укажемъ еще на колоколнн четырехгранныя шатровыя, какъ это видимъ, напримеръ, у церкви Петра и Павла въ Псковѣ и восьмигранныя, какъ при церкви Ѳедора Стратилата. Послѣднія, вѣроятно, появились здѣсь уже подъ вліяніемъ Москвы.

Паденіе Владиміра и образованіе Москвы.

Разсмотрѣнныя нами раньше сооруженія въ г. Владимірѣ процвѣтали только въ до-монгольскій періодъ. Въ послѣдующіе вѣка это искусство падаетъ. Храмы со множествомъ обронныхъ украшеній вскорѣ совершенно теряютъ свои украшенія. Но этотъ типъ въ упрощенномъ видѣ передается изъ рода въ родъ и держится до настоящаго времени, претерпѣвъ на своемъ пути разнаго рода измѣненія.

Пока великокняжескій престолъ былъ во Владимірѣ, разумѣется, Владиміру принадлежало и первенствующее значеніе среди русскихъ городовъ. Въ немъ сосредоточивалось лучшее искусство, жили лучшіе мастера и художники. Москва же была извѣстна какъ незначительный удѣлъ Владимірскаго князя Георгія и его рода.

Въ 1272 г. при великомъ князѣ Даниилѣ Александровичѣ въ Москвѣ строится Даниловъ монастырь, существующій и до настоящаго времени между Даниловскою и Серпуховскою заставами. Въ этомъ монастырѣ былъ выстроень первый каменный храмъ на мѣстѣ маленькой,

старой церкви во имя Спаса. Нынѣ же здѣсь стоитъ сравнительно поздній храмъ значительныхъ размѣровъ, выстроенный Иваномъ Грознымъ. Отъ старой церкви остались только части подвальныхъ стѣнъ. Изслѣдованіе этихъ остатковъ показало, что первоначально стѣны были бѣлокаменные. Нынѣ онѣ входятъ въ часть обширныхъ подваловъ поздняго храма. Такъ какъ монастырь сдаетъ ихъ подъ усыпальницы, то осмотръ ихъ не всегда возможенъ. То же, что можно видѣть, не даетъ никакого понятія ни о размѣрахъ бывшаго храма ни о формѣ его плана. Одно можно сказать, что стѣны сдѣланы изъ тесанныхъ кусковъ бѣлаго камня, чѣмъ и напоминаютъ владимірское зодчество.

Тотъ же князь Даниилъ нѣсколько спустя выстроилъ другую церковь во имя Спаса Преображенія, но не каменную, а дубовую. Выстроилъ онъ ее на холмѣ посреди бора, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда жилъ отшельникъ Букала и гдѣ нынѣ находится московскій Кремль. Черезъ шестьдесятъ почти лѣтъ, а именно въ 1330 году, великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита построилъ здѣсь церковь каменную во имя того же святого и перевелъ сюда иноковъ изъ Данилова монастыря. Съ тѣхъ поръ Спасская обитель (Спасъ на Бору въ Кремлѣ) становится мѣстомъ погребенія князей и княгинь, пока тѣмъ же великимъ княземъ не былъ выстроенъ Архангельскій соборъ. Спасскій монастырь при великомъ князѣ Іоаннѣ III переведенъ въ Новоспасскій ¹⁾; церковь же Спаса существуетъ до сихъ поръ. Она, послѣ Данилова монастыря, — самая древняя церковь въ Москвѣ. Отбитіе штукатурки показало, что она тоже была бѣлокаменная. Древняя кладка и теперь еще сохранилась вышиною

¹⁾ За Таганской на площади, на берегу Москвы-рѣки.

приблизительно въ ростъ человѣка. Остальная же часть выстроена, позднѣе, изъ кирпича; но первоначальный планъ церкви очевиденъ, хотя въ настоящее время древняя часть церкви такъ окружена пристройками, что по наружному виду трудно составить себѣ понятіе о первоначальномъ видѣ церкви. При взглядѣ на планъ, конечно, легко отличить самую древнюю ея часть: четырехугольникъ съ тремя алтарными выступами и столбами внутри—на манеръ владимірскихъ церквей.

Первоначально эта церковь была одноглавая, кубическаго типа. Какой она имѣла фасадъ, теперь рѣшить трудно. Въ настоящее время снаружи, вся ея древняя часть покрыта довольно безформенными деталями. Ея трехфронтное покрытие съ каждой стороны едва ли походитъ на первоначальное, хотя по всей вѣроятности и первое покрытие было тоже по фронтонамъ. Такое предположеніе становится еще болѣе вѣроятнымъ, если признаемъ что эта церковь выстроена подъ вліяніемъ владимірскихъ церквей. Владимірское же вліяніе у Спаса на Бору выразилось въ деталяхъ, сохранившейся западной двери. Дверь состоитъ изъ нѣсколькихъ арокъ и, какъ извѣстно, въ то время ни откуда не могла получить свою форму, кромѣ Владиміро-Суздальскаго края, такъ какъ такого рода отдѣлки не было ни въ Кіевѣ, ни въ Новгородско-Псковскомъ братствѣ; во Владимірѣ же, подобныя арки съ заостреннымъ подвышеніемъ, какъ и у церкви Спаса на Бору, видимъ уже въ Княгининомъ монастырѣ.

Внутренность церкви Спаса теперь покрыта живописью, но письмо новое. Что касается расположенія главъ, парусовъ и подпружныхъ арокъ, то конструкція ихъ византійская, такая же, какъ и во владимірскихъ церквахъ.

Вообще всѣ церкви монгольскаго періода отличаются

небольшими размѣрами. Онѣ рѣдко гдѣ сохранились, сохранившіяся же, хотя отчасти, носятъ на себѣ такіе слѣды позднѣйшихъ передѣлокъ, что весьма трудно составить себѣ понятіе о ихъ первоначальномъ видѣ; многія же передѣланы вновь. Такъ, напримѣръ, въ 1326 году при Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ былъ выстроенъ Успенскій соборъ, но черезъ нѣкоторое время упалъ и, какъ извѣстно, выстроенъ вновь уже по призывѣ итальянскихъ мастеровъ.

Архангельскій соборъ выстроенъ въ 1333 году при томъ же великомъ князѣ. Затѣмъ въ 1509 году строится вновь.

Въ Андроньевскомъ монастырѣ выстроенъ храмъ въ 1360 году. Теперь на его бѣлокаменномъ основаніи стоитъ поздняя церковь значительныхъ размѣровъ.

Чудовъ монастырь, основанный въ 1365 году митрополитомъ Алексѣемъ, тоже упалъ и выстроенъ вновь въ 1438 г. Но его бѣлокаменные подвалы въ два этажа сохранились до сихъ поръ, а это указываетъ на то, что существующій нынѣ храмъ XVI вѣка, поставленъ на старомъ основаніи XIV вѣка; но объ немъ скажемъ ниже.

Церковь Рождества Богородицы, нынѣ св. Лазаря въ Кремлѣ, построенная въ 1393 году великой княгиней Евдокіей, супругой Дмитрія Донского, упала въ 1480 году. Въ настоящее время она сохранила только свой планъ, такъ какъ многія ея части носятъ слѣды позднѣйшихъ измѣненій подъ вліяніемъ итальянцевъ, напр.: входъ, верхніе своды и роспись стѣнъ. Церковь эта небольшихъ размѣровъ теперь находится внутри зданія московскаго дворца и обстроена со всѣхъ сторонъ.

Благовѣщенскій соборъ первоначально былъ построенъ въ 1397 году при великомъ князѣ Василии Дмитріевичѣ, но, какъ извѣстно, при Іоаннѣ III былъ разобранъ и построенъ вновь.

Церковь Рождества Иоанна Предтечи въ Кремль была выстроена въ 1461 году, а въ 1493 году упала во время пожара.

Нельзя не указать на храмъ въ Саввинскомъ монастырѣ близъ Москвы, основанной Саввой при звенигородскомъ князѣ Юриі. Въ настоящее время храмъ этотъ представляетъ снаружи зданіе со значительными измѣненіями позднѣйшаго времени. По типу храмъ этотъ—кубическій, фасадъ его дѣлится лопатками на три части. На эти лопатки, вѣроятно, опирались три арочки съ заостреннымъ подвышеніемъ, но теперь покрытіе сдѣлано подъ горизонтальный карнизъ,—очевидно крыша поздняя.

Другой храмъ болѣе интересный для насъ, какъ болѣе сохранившійся и типичный, находится въ самомъ Звенигородѣ. Это—Звенигородскій Успенскій соборъ. Поэтому считаемъ нужнымъ на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Успенскій соборъ—кубическаго типа. Планъ его почти квадратный, съ востока приходятся три полукруглые выступа алтаря. Внутри соборъ имѣетъ четыре столба и на западъ хоры. Изслѣдованіе этого храма, произведенное Далемъ, а потомъ архитекторами Никитинымъ и Поповымъ, даетъ ясно понять, что внутренніе столбы собора переставлены, разстояніе между ними увеличено ¹⁾, стало быть не только глава, но и всѣ своды, опиравшіеся на средніе столбы, новые. Дѣйствительно, своды и арки внутри собора расположены неправильно. Снаружи (рис. 53), выше капителей колоннъ, въ разныхъ мѣстахъ начинаются неправильности. Снаружи фасадъ по приему архитектурной отдѣлки со своими длинными полуколоннами, аркадой у дверей съ колонками и бусами напоминаетъ Спасъ

¹⁾ Древности. Труды Моск. Арх. Общ., т. XI, Москва, 1886 г.

на Бору; поясъ подь окнами походить на Саввинскій храмъ, а весь бѣлокаменный складъ весьма напоминаетъ владимірское зодчество.

Очевидно храмъ построенъ до итальянцевъ. Мы готовы его постройку даже предпослать Саввинскому храму. Очень можетъ быть, что его глава подвергалась той же печальной участи, какъ и упавшія главы всѣхъ вышеприведенныхъ храмовъ, отъ той или другой причины. Для насъ

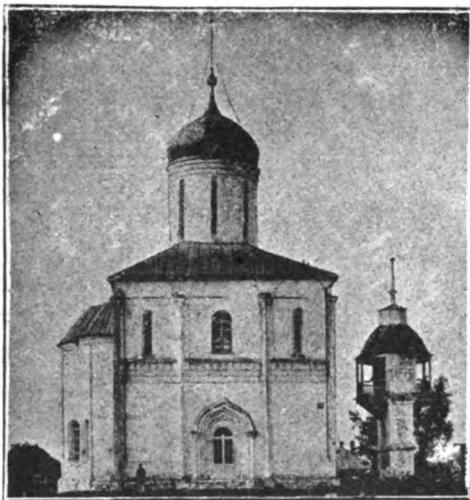

Рис. 53.

весьма важенъ фактъ ея разрушенія, указывающій, что стѣны собора только до арокъ даютъ намъ понятъ первоначальныя формы храма. Но и этого уже достаточно, чтобы заключить, что формы эти несомнѣнно сдѣланы подь вліяніемъ владимірскаго зодчества. Какое было первоначальное покрытіе на этомъ храмѣ — съ достовѣрностью сказать невозможно; снятіе крыши, конечно, ничего не можетъ обнаружить, такъ какъ весь чердакъ новый; но, имѣя въ виду, что всѣ отверстія на храмѣ (кромѣ растесанныхъ позднѣе) имѣютъ заостренное подвышеніе, надо полагать, что и первоначальное покрытіе было по аркамъ съ заостреннымъ подвышеніемъ. Глава была въ родѣ существующей, но поменьше діаметромъ, съ наличниками оконъ въ родѣ оконъ на томъ же храмѣ, еще не растесанныхъ, т.-е. обведенныхъ профи-

лемъ съ заостреннымъ подвышеніемъ, что такъ характерно для XIV вѣка.

Въ обществѣ любителей древней письменности есть псалтирь 1397 г.¹⁾, писанный въ Кіевѣ (рис. 54); въ немъ есть прекрасная миниатюра, представляющая пятиглавую церковь; главы — въ видѣ луковицъ, именно той формы, ка-

Рис. 54.

кую видимъ на Звенигородскомъ соборѣ. Покрытіе плечъ, какъ церкви кievской, сдѣлано по аркамъ безъ заостренія.

Всматриваясь въ детали Звенигородскаго собора, находимъ большое сходство средняго пояса съ поясомъ въ Саввинскомъ монастырѣ и ц. Св. Сергія Радонежскаго, въ Сергіевской Лаврѣ, того же времени, хотя орнаменты и капители представляютъ нѣчто своеобразное, самостоятельное. Не менѣе заслуживаютъ вниманія и наружные углы,

имѣющіе планъ нѣсколько выходящій изъ ряда вонъ. Они напоминаютъ отдѣлку готическихъ столбовъ. Есть ли это явленіе случайное или перенесено съ запада — рѣшить трудно. Да и рѣшеніе этого вопроса не можетъ измѣнить положенія дѣла. Заключение будетъ одно и то же: храмъ этотъ, очевидно, — сколокъ съ владимірскихъ храмовъ. Всѣ вышеуказанныя передѣлки произведены, видимо, вскорѣ послѣ первоначальнаго построения храма.

¹⁾ Стасовъ. Славянскій и восточный орнаментъ. Табл. XLV.

Внутри храмъ расписанъ. Стѣнопись, относясь, не позднѣе XVII вѣка. Многія иконы замазаны впоследствии; но есть и такія, которыхъ контуры рисованы иглой по сырой штукатуркѣ. Восточные столбы храма теперь заставлены иконостасомъ, но прежде они были открыты, потому что на нихъ написаны иконы. Слѣдовательно, первоначальный иконостасъ стоялъ между столбами; но объ этомъ ниже.

Церковь, подобная Савинской, XV вѣка, находится въ Троицкой лаврѣ. Она тоже строена, при участіи Звенигородскаго князя Юрія, вызванными изъ Пскова мастерами. И дѣйствительно, ея глава стоитъ на ступенчатыхъ аркахъ, какъ въ Богоявленской церкви въ Псковѣ, Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ и друг.

Всѣ приведенныя здѣсь историческія свѣдѣнія о постройкѣ церквей и краткій перечень церквей упавшихъ, какъ факты, доказываютъ, что въ монгольскій періодъ русскіе разучились каменному зодчеству. Наслѣдники Владимірскаго искусства пытались строить храмы, но храмы ихъ скоро падали; падали обыкновенно главы и своды. Сознавъ такимъ образомъ свою несостоятельность въ строительномъ дѣлѣ, явилась необходимость и Москвѣ прежде чѣмъ обратиться къ иностранцамъ, вызвать изъ другихъ земель строителей и художниковъ, призвать своихъ же русскихъ работниковъ и мастеровъ изъ Новгородско-Псковскаго братства, научившихся строительству отъ нѣмцевъ.

Еще теперь въ Московскомъ Кремлѣ противъ входа въ Успенскій соборъ стоитъ церковь, построенная митрополитомъ Іоною въ 1451 г. при князѣ Василии Темномъ, во имя положенія ризы Пресвятой Богородицы во Влахернѣ и въ память избавленія Москвы отъ татаръ.

Эта небольшая церковь выстроена въ чистомъ новгородско-псковскомъ стилѣ. Всѣ ея наружныя детали съ низу до верху не оставляютъ никакого сомнѣнія въ вышесказанномъ. Въ настоящее время ея наружные фронтоны уничтожены; но на рисункѣ вида Москвы, находящемся въ Оружейной Палатѣ, она еще видна въ первоначальномъ своемъ видѣ, гдѣ каждый фасадъ имѣетъ фронтоное покрытие по-новгородски. Глава тоже недавно измѣнена: первоначально она была маковицей. Вѣроятно эта церковь строена псковскими мастерами.

Призывъ мастеровъ имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ русскаго каменнаго зодчества. Съ этого времени начинается переворотъ, кончается монгольскій періодъ русской архитектуры, и съ конца XV вѣка начинается переходъ къ періоду лучшаго процвѣтанія, т. е. къ XVI—XVII вѣкамъ, которые мы позволимъ себѣ называть *золотымъ вѣкомъ* русской архитектуры.

Поворотъ, происшедшій въ русскомъ искусствѣ, связанъ съ нѣсколькими историческими событіями. Разсматривая храмы домонгольскаго и монгольскаго періодовъ, мы видимъ въ нихъ только два типа: кубическій и крестовый. Оба эти типа имѣютъ византійское происхожденіе, чему весьма много содѣйствовала вначалѣ зависимость русской церкви отъ Константинополя. Съ появленіемъ монголовъ зависимость эта постепенно исчезаетъ. Побѣды турокъ надъ Византіей и взятіе Константинополя рѣшаютъ паденіе императоровъ.

Племянница послѣдняго изъ нихъ—Софія Палеологъ находитъ убѣжище въ Римѣ и черезъ посредство папы выходитъ замужъ за русскаго царя Іоанна III.

Паденіе Новгорода, удачное присоединеніе Твери и многихъ другихъ областей поставило Москву выше всѣхъ русскихъ городовъ. Здѣсь образовался центръ художе-

ственно-строительной дѣятельности. Сверженіе татарскаго ига еще болѣе развязало руки. Явилась потребность расширить дворъ, укрѣпить и украсить городъ, чтобы достойно выразить свое могущество. Развитію этого дѣла, конечно, не мало способствовала и супруга царя Софія Палеологъ, воспитанная съ бѣльшей роскошью.

Для исполненія новыхъ зданій нужны были и новые мастера.

Іоаннъ III-й, прозванный Грознымъ, (такъ же какъ потомъ Іоаннъ IV-й) въ 1484 году призвалъ псковскихъ мастеровъ и приказалъ имъ снести до основанія церковь Благовѣщенія, построенную при великомъ князѣ Ва-

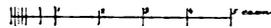
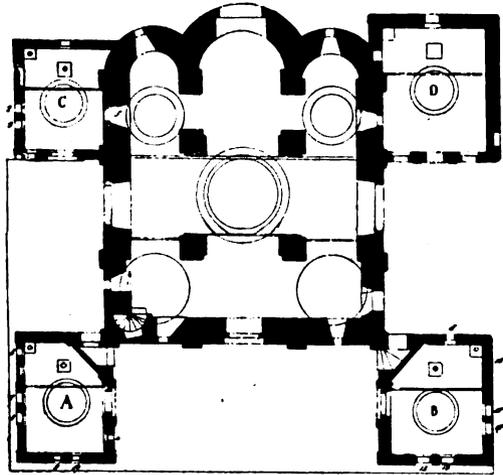

Рис. 55.

силіи Дмитріевичѣ и на ея мѣстѣ выстроить новую, на каменномъ подклѣтѣ. Храмъ этотъ въ Кремлѣ существуетъ и до сихъ поръ подъ именемъ Благовѣщенскаго собора. Онъ представляется намъ столь интереснымъ, что считаемъ необходимымъ на немъ остановиться довольно подробно.

На рис. 55 показанъ планъ его верхняго этажа. Средняя часть плана имѣетъ византійскую основу: главная масса — квадратъ, въ срединѣ — четыре столба, алтарь выступаетъ тремя полукружіями, въ сѣверо-западномъ углу храма, въ стѣнѣ расположена лѣстница на хоры. Главная часть храма

имѣетъ три выхода: съ сѣвера, юга и запада. Три двери выходятъ на свѣтлую галлерею, освѣщенную широкими окнами-арками. Первоначально арки были открыты, теперь многія изъ нихъ уже задѣланы, а въ другія вставлены рамы со стеклами. Входъ на галлерею—съ востока, по бокамъ алтаря. Наверху надъ галлереей собора находятся четыре предѣла (рис. 55): съ сѣверо-востока—архангела Гавріила, съ сѣверо-запада—Божіей Матери, съ юго-запада—Входъ во Іерусалимъ и съ юго-востока—придѣлъ во имя св. Георгія, нынѣ св. Александра Невского. Изъ храма въ эти предѣлы можно попасть только съ хоръ, выйдя на крышу галлерей.

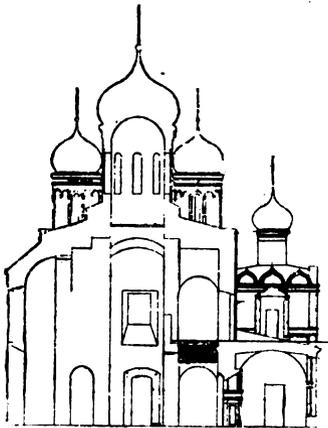

Рис. 56.

Два западныхъ предѣла при соединеніи съ углами собора имѣютъ проходы на боковую крышу галлерей, чтобы имѣть доступъ въ два другіе восточные предѣла.

Предѣлы эти пристроены позднѣе, такъ какъ внутри ихъ видна наружная отдѣлка стѣнъ главнаго храма. На крышѣ каждого предѣла поставлено по главкѣ. Самый храмъ — пятиглавый, слѣдовательно на немъ всего девять главъ. Средняя глава храма—самая большая, поставлена не по-владимірски—прямо на подпружнныя арки, а по-псковски—на ступенчатыя арки (рис. 56). Изученіе этого храма при реставраціи дало возможность подмѣтить слѣдующія особенности. Подъ хорами въ аркахъ, перекинутыхъ со столбовъ храма на западную стѣну собора, оказались тайники, устроенные такъ, что самыя арки внутри пустыя. Своды опирались на нихъ и маскировали ихъ боковыя стѣны толщиной всего въ полкирпича

(рис. 56 заштрих.). Тайники эти имѣли поперечныя стѣнки, закрывавшіяся желѣзными дверками, выводящими въ особые люки, у западной стѣны храма. Эти люки сверху закрывались двумя каменными плитами съ кольцами, а по нимъ былъ насланъ полъ изъ небольшихъ ромбочекъ въ два цвѣта. Такимъ образомъ входы въ тайники были совершенно замаскированы со всѣхъ сторонъ. Итакъ вотъ въ чемъ, надо искать разъясненія словъ барона Мейербера, путешествовавшаго въ 1663 году, который говоритъ, что въ церкви Благовѣщенія, въ верхнемъ сводѣ хранится сокровище, состоящее въ разномъ платьѣ и ризахъ весьма богато вышитыхъ драгоценными каменьями и алмазами ¹⁾. Сказанія такого рода о казнахъ въ другихъ церквахъ, со стороны ученыхъ, вызвали попытки ихъ отыскать, но приводили къ непонятнымъ заключеніямъ.

Кромѣ этихъ тайниковъ въ Соборѣ есть еще западня въ верхнемъ придѣлѣ архангела Гавріила; можетъ быть и она имѣла такое же значеніе.

Другая, весьма интересная подробность, дознанная при реставраціи, та, что хоры вмѣсто баллюстрады, рѣшетки или невысокой стѣнки, какъ это обыкновенно бываетъ, были отдѣлены отъ храма кирпичной стѣнкой вышиною въ человѣческой ростъ, толщиною въ два кирпича. Остатки этихъ стѣнокъ были найдены при вскрытіи поздняго плитнаго пола хоръ. Со стороны храма эти стѣнки были сдѣланы подъ лицо съ арками, поддерживающими хоры, и со столбами. Все было расписано; высоту стѣнокъ и до сихъ поръ можно опредѣлить по оставшимся обрѣзаннымъ картинамъ, которыя ясно показываютъ, что продолженіе ихъ было на стѣнкахъ хоръ.

Хоры Благовѣщенскаго собора соединялись съ тере-

¹⁾ Баронъ Мейербергъ. Путешествіе его по Россіи. Изд. О. Аделунговъ. Спб. 1827 г. въ 8-мъ.

момъ или дворцомъ. Соединеніе это вѣроятно устраивалось перекиднымъ мостомъ на выдвигныхъ брусьяхъ, для которыхъ до сихъ поръ сохранились сквозныя отверстія въ западной стѣнѣ собора, по бокамъ двери.

Съ хоръ собора можно было женщинамъ слушать службу, бывъ скрытыми отъ взоровъ мужчинъ, которымъ полагалось стоять внизу. Хоры вообще назначались для женщинъ, гдѣ они стояли иногда за шидяными запонами ¹⁾. Высота стѣнокъ хоръ была въ ростъ человека; отдѣляя, такимъ образомъ, хоры отъ церкви, конечно, не позволяла видѣть нижней части храма. По всей вѣроятности при сооруженіи этихъ хоръ было принято въ расчетъ то обстоятельство, что у женщинъ бываютъ періоды, когда онѣ не могутъ видѣть службу. Тѣмъ же, которыя могли присутствовать при службѣ, передъ стѣнками хоръ дѣлались временныя помостки, ступеньки и проч.

Храмъ внутри весь расписанъ. Иконостасъ нынѣ представленъ къ восточнымъ столбамъ, такъ что онъ закрываетъ иконы, имѣющіяся на столбахъ; но существующій высокій иконостасъ — несомнѣнно поздній. О первоначальномъ иконостасѣ извѣстно, что онъ былъ украшенъ драгоценнымъ Деисусомъ Рублева письма; съ одной стороны царскихъ вратъ стоялъ Спасъ въ бѣлой ризицѣ, съ другой — икона Смоленской Божіей Матери, захваченная смоленскимъ княземъ Юріемъ и привезенная въ Москву. Болѣе, повидимому, ничего не было. Слѣдовательно первоначальный иконостасъ самое большее былъ въ два яруса: первый ярусъ имѣлъ по бокамъ царскихъ вратъ двѣ иконы, а второй — Деисуса.

Такъ какъ на алтарныхъ столбахъ здѣсь такъ же, какъ и въ Звенигородскомъ соборѣ, имѣются иконы, то

¹⁾ Карамзинъ. И. Г. Р. V, прим. 133.

значить столбы были видны и не была закрыты, а иконостасъ находился только между столбами. На это указываетъ и боковая роспись столбовъ, гдѣ ясно видно мѣсто бывшаго иконостаса, всего аршинъ шесть высотой, такъ какъ стѣнопись въ этомъ мѣстѣ сдѣлана къ одной сторонѣ, а гдѣ долженъ былъ быть приставленъ иконостасъ, тамъ иконописи нѣтъ: оставлена полоса безъ росписи, а иконы сдвинуты къ востоку. Полоса эта вверху имѣетъ въ кладкѣ пазъ, куда, конечно, былъ вставленъ деревянный брусъ, поддерживавшій иконостасъ. Сѣверныхъ и южныхъ вратъ могло и не быть; сѣверное и южное полукружія могли быть открыты и, можетъ быть, служили клиросами, пока съ юга не сдѣлали придѣлъ. Последнее предположеніе еще болѣе вѣроятно потому, что этотъ храмъ, какъ и Звенигородскій Успенскій соборъ, не имѣетъ солеи, и пѣвчимъ негдѣ помѣститься. Теперь, когда происходитъ служба, пѣвчіе должны стоять въ юго-западномъ углу храма. Разъ иконостасъ былъ только въ срединѣ храма, т.-е. только между столбами, то понятно, что иконы, написанныя на столбахъ, не относились къ (позднѣ выработанному) циклу иконъ иконостаса, а составляли продолженіе росписи храма: верхнихъ частей столбовъ, арокъ, сводовъ и проч. Словомъ, относились по содержанию не къ иконостасу, а къ внутренней росписи стѣнъ самого храма.

На верху въ предѣлахъ Михаила архангела и Входа во Иерусалимъ сохранились до сихъ поръ древніе иконостасики. Они представляютъ царскія врата съ двумя иконами по правую руку, а слѣва одна икона и сѣверная дверь. Выше идетъ рядъ иконъ и даже два. Но раньше было сказано, что самые предѣлы сдѣланы позднѣ храма, слѣдовательно, иконостасы не рисуютъ

первоначального устройства конца XIV вѣка, а, вѣроятно, относятся не ранѣе какъ къ половинѣ XV столѣтія.

Въ наружномъ видѣ Благовѣщенскаго собора, (рис. 57) для насъ, конечно, важнѣе всего средняя часть храма, какъ самая древняя. Здѣсь плечи храма оканчиваются тремя арочками съ заостреннымъ подвышеніемъ; по нимъ сдѣлано и покрытіе. Боковыя арочки меньше средней; онѣ врѣзываются въ малыя главы средней части храма

Рис. 57.

Врѣзываются онѣ прямо въ круглый барабанъ главы по-псковски, потому что главы не имѣютъ четырехграннаго постамента, какъ это видѣли во Владимірѣ. Средняя глава тоже не имѣетъ постамента, и ее тоже окружають кокошники, съ заостренными подвышеніями. Такимъ

образомъ здѣсь мы видимъ новый приемъ покрытія, которому, какъ увидимъ ниже, суждено играть огромную роль, позднѣе, въ XVI и XVII вѣкахъ. Прототипъ такого расположенія, кокошниковъ, виденъ въ Успенскомъ соборѣ и Княгининомъ монастырѣ, во Владимірѣ. Въ послѣднемъ къ постаменту главы приставлено по три кокошника съ каждой стороны. При дальнѣйшемъ же развитіи этого мотива, каменное зодчество подражаетъ формамъ деревянныхъ построекъ, гдѣ кокошники или вѣрнѣе бочки уже давно существуютъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ указать на сбли-

жающія ихъ промежуточныя формы, потому что изъ выше-приведеннаго перечня церквей, верхи которыхъ обрушались, видимъ, что ни одного верха, ни одного первоначальнаго покрытія не сохранилось, хотя существованіе переходныхъ формъ болѣе чѣмъ вѣроятно. Аркады, какія -- на стѣнахъ и главахъ Благовѣщенскаго Собора, видѣли раньше во Владимірѣ и въ Новгородско-Псковскомъ братствѣ. Что же касается деталей карнизовъ главъ, то и здѣсь видно вліяніе Пскова. Нижнія тяги имѣютъ тѣ же детали, какъ многія псковскія церкви. Сверху идутъ арочки, выше ихъ долженъ быть карнизъ и, конечно, онъ былъ; но вмѣсто него теперь сдѣланъ подзоръ. Такого рода карнизы есть въ Псковѣ. Впадинки и карнизики видимъ и на Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (рис. 28), гдѣ на главахъ бѣлокаменные кокошники были наложены кирпичемъ и отштукатурены, чтобы не отличались цвѣтомъ Средняя

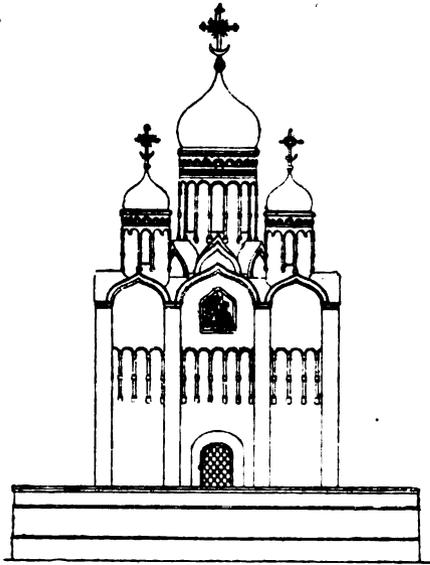

Рис 58.

глава Благовѣщенскаго собора теперь въ видѣ луковицы съ выпуклыми боками. По формѣ она очень отличается отъ четырехъ малыхъ главъ, не соотвѣтствуетъ ихъ формамъ и нарушаетъ стиль. Первоначальная ея форма, разумѣется, была другая поменьше, какъ на показанной реставраціи (см. рис. 58).

Прежде чѣмъ объяснить реставрацію, укажемъ, среди рукописей, на псалтырь 1485 г., находящійся въ Со-

браніи графа Толстого ¹⁾. Въ этомъ псалтырѣ есть ми-
ніатюра, изображающая пятиглавую церковь (рис. 59);
ея главы кончаются луковицами, по формѣ весьма похо-
жими на вышеприведенную реставрацію Благовѣщенскаго
храма. Форма этихъ главъ, исполненныхъ въ XV вѣкѣ, а
равно и вся мініатюра не претерпѣла никакихъ измѣне-
ній и потому для насъ особенно важна. На этой ми-

Рис. 59.

ніатюрѣ луковицы имѣютъ
умѣренную величину. Онѣ не
доходятъ еще до тѣхъ боль-
шихъ размѣровъ, какіе мы
встрѣчаемъ потомъ въ XVI
и XVII вѣкахъ.

Войдя на галерею храма,
по низу у пола, вездѣ ви-
дите профиль изъ бѣлаго
камня, замалеванный краской.
Этотъ профиль напоминаетъ
іоническую базу. Тутъ же
видны и пилястры, вполнѣ
соотвѣтствующія тѣмъ на-
ружнымъ, которыя выше гал-
лерей идутъ до арокъ, обра-
зующихъ плечи собора; ихъ
ширина и выступы одинако-
вы; иначе говоря, пилястры

на галереѣ собора и въ верху собора суть лопатки
храма, который первоначально былъ безъ крытой гал-
лерей, какъ—на рис. 58. Когда поручено было окру-
жить храмъ крытой галлереей (а поручено это было
навѣрно итальянцамъ), тогда выстроили существующую

¹⁾ Стасовъ. Табл. LXXXIII.

галерею, а нижнія части лопатокъ, оставшіяся въ галереѣ, обратили въ пилястры, обрубивъ ихъ сверху и придѣлавъ къ нимъ тѣ самыя капители, которыя видимъ и теперь; на эти капители упираются своды галереи и не всегда правильно, съ погрѣшностями. Всѣ детали внутри и снаружи ничего не имѣютъ общаго съ архитектурой главнаго храма; галерея эта однакожъ важна по своему историческому значенію какъ *первая*.

Благовѣщенскій соборъ строенъ не итальянцами, а псковичами. Два входа съ галереи въ храмъ—съ сѣвера и запада богато украшены цвѣтными аркадами съ орнаментами и почти русскими бусами, съ свободными откосами и парюю колонокъ съ каждой стороны, въ родѣ коринѣскихъ; колонки, конечно, есть не русское дѣло, а мѣшанное произведеніе итальянскихъ мастеровъ, такое же точно, какъ и знаменитая желѣзная дверь хана Менгли-Герая, (современника Іоанна III Грознаго) въ Бахчисарайскомъ дворцѣ, при входѣ въ фонтанный залъ.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ Благовѣщенскій соборъ, попробуемъ уяснить его снаружи, возстановить его фасадъ въ первоначальномъ видѣ. Храмъ этотъ, несомнѣнно русской архитектуры конца XV вѣка. Для возстановленія его въ первоначальномъ видѣ необходимо отбросить четыре верхніе угловые предѣла, снести нижнюю галерею, окружающую теперь храмъ, до подоконнокъ; тогда мы получимъ кубическій типъ пяти-главаго храма весьма простыхъ формъ, окруженнаго открытой террасой (рис. 58). Фасадъ будетъ вертикально раздѣленъ тремя лопатками, на которыя будутъ опираться три арочки съ заостреннымъ подвышеніемъ. Глади между лопатками перепояшутся по-владимірски аркадой съ окнами между колонокъ. Ниже пояса изъ арочекъ, посреди каждой стѣны, съ трехъ сторонъ храма, будетъ по двери безъ итальянской от-

дѣлки, какъ сохранившаяся дверь съ южной стороны. Весь храмъ будетъ стоять на террасѣ значительной вышины. Что касается верхней части храма, т.-е. главы, то покрытіе плечъ останется то же, равно и шеи главъ; только верхи вмѣсто подзоровъ будутъ имѣть карнизы, а на карнизахъ будутъ — главы; четыре малыя, — похожія на существующія, средняя же будетъ поменьше и пониже, той же формы, какъ и малыя; кресты, конечно — не латинскіе, а греческіе. Таковъ былъ первоначальный видъ русскаго храма, выстроеннаго при Іоаннѣ III (1484 — 1489 г.). Въ наружности храма, реставрированнаго такимъ образомъ, въ первоначальномъ видѣ, должны признать чисто русскій храмъ, составленный изъ двухъ русскихъ стилей: Владимірскаго и Новгородско-Псковскаго; эти стили и послужили началомъ Московскому зодчеству. Итальянскаго здѣсь еще ничего нѣтъ, не смотря на то, что, тутъ же рядомъ, фрязинъ Марко-Руфъ строилъ каменную палату, извѣстную подъ именемъ Малой набережной.

Такъ какъ трудно провести рѣзкую границу между домонгольскимъ и монгольскимъ періодомъ, то, заканчивая монгольскій періодъ русскаго искусства, можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе.

Въ началѣ монгольскаго періода производятъ постройки близкія по характеру къ зданіямъ Владимірскаго періода но безъ обронныхъ украшеній, какъ видно по фасадамъ въ Княгининскомъ монастырѣ, у Саввы Звенигородскаго въ самомъ Звенигородѣ и проч. Но московскіе зодчіе оказываются плохими техниками: ихъ храмы падаютъ, что и составляетъ главное свидѣтельство упадка техники и вообще искусства. Въ монгольскій періодъ нѣтъ самостоятельнаго творчества: всѣ храмы представляютъ изъ себя сколки съ храмовъ XII вѣка. Какъ характерные признаки каменнаго зодчества этого періода отмѣтимъ появленіе

луковичныхъ главъ умѣреннаго размѣра, вмѣсто шарового византійскаго покрытія XI вѣка, какъ въ Софіи, или XII вѣка, какъ во Владимірскомъ-Дмитріевскомъ соборѣ. Послѣднее покрытіе тоже посводное, но уже съ подвышеніемъ вершины, что конечно представляетъ первый переходъ къ луковицѣ. Появленіе арокъ и порталей, съ заостреннымъ подвышеніемъ и бусами на стержняхъ колоннъ, тоже впервые появляется въ монгольскій періодъ.

Наконецъ къ этому же времени принадлежитъ и начало видоизмѣненій въ покрытіяхъ вмѣсто простыхъ посводныхъ и фронтонныхъ, дѣлають болѣе сложныя покрытія кокошниками.

Періодъ процвѣтанія.

Періодомъ процвѣтанія русскаго искусства назовемъ XV—XVII вѣка, когда Русь стремится къ самодержавію, а призванные иностранные мастера учатъ насъ строительному дѣлу и производству строительныхъ матеріаловъ, не отступая отъ формъ, завѣщанныхъ нашей стариной.

Продолжая разбирать церковныя сооруженія, остановимся на Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Двѣ неудачныя постройки этого храма вызвали третью, и вотъ архитектору, призванному изъ Италіи, по имени Фіоравенти, за хитрость прозванному Аристотелемъ, въ 1474 году поручено на мѣстѣ стараго храма выстроить новый. Но при этомъ поставлено въ необходимость при составленіи проекта взять за образецъ старый Владимірскій Успенскій соборъ. Такимъ образомъ призванные къ намъ иностранные мастера не должны были вводить иностранныя формы, а строить въ нашемъ мѣстномъ стилѣ, не отступая отъ старыхъ формъ. Но дѣло не обошлось безъ новшествъ. Разбирая памятники искусства, мы должны будемъ указать на вліяніе итальянцевъ и введенныя ими формы.

Архитекторъ Фіоравенти, прежде чѣмъ выстроить Успенскій соборъ, дѣйствительно ѣздилъ въ г. Владиміръ для

осмотра церквей, но конечно, увидѣлъ сразу, что буквально подражать Владимірскому Успенскому собору нельзя, потому что тамъ (рис. 27)—два храма одинъ въ другомъ. Стало быть весь вопросъ о подражаніи сводился только къ наружнымъ деталямъ. И въ самомъ дѣлѣ, планъ Московскаго Успенскаго собора (рис. 60) весьма далекъ отъ плана Владимірскаго Успенскаго собора.

Планъ Московскаго Успенскаго собора, какъ и Архангельскаго, представляетъ прямоугольникъ съ четырьмя круглыми столбами внутри, на высокихъ базахъ, какъ бы пьедесталахъ. Средняя алтарная часть, круглая внутри, и снаружи нѣсколько, выражается полукругомъ. Боковыя части состоятъ каждая изъ двухъ полукружій и внутри раздѣляются стѣнкой вдоль. Въ правомъ находятся предѣлъ Дмитрія Солунскаго и двѣ лѣстницы: одна ведетъ въ ризницу и выше въ библіотеку, другая— въ предѣлъ Похвалы Пресвятой Богородицы, находящейся вверху подъ главою, и далѣе на крышу. Слева отъ главнаго алтаря находится жертвенникъ и предѣлъ Петра и Павла.

Первоначально алтарь не былъ отдѣленъ отъ храма высокимъ иконостасомъ, который видимъ теперь; иконостасъ замѣняла каменная стѣнка, которая и до сихъ поръ находится за деревяннымъ иконостасомъ. При послѣдней реставраціи собора, когда золотили существующій иконостасъ, алтарная стѣнка была открыта и на ней обнаружены пилястры ¹⁾, живопись въ круглыхъ медальонахъ и орнаменты, напоминающіе отчасти роспись владимірскихъ церквей. Какъ фигуры, такъ и орнаменты алтарной преграды указываютъ, что въ то время, т. е. въ концѣ XV вѣка, иконъ могло и не быть внизу преграды.

¹⁾ Сообщение Д. Н. Чячагова въ Моск. Архит. Обществѣ.

Тогда еще не былъ выработанъ тотъ распорядокъ иконъ иконостасовъ, который мы видимъ въ XVII вѣкѣ.

Болѣе всего выразилось вліяніе Владиміра снаружи (рис. 61), на фасадѣ Успенскаго собора, такъ какъ онъ, подобно Владимірскому, тоже получилъ поясъ изъ колонокъ. Изслѣдованіе чердака показало, что существующая крыша не первоначальная. Подъ крышей на средней главѣ находятся со всѣхъ сторонъ борозды, показываю-

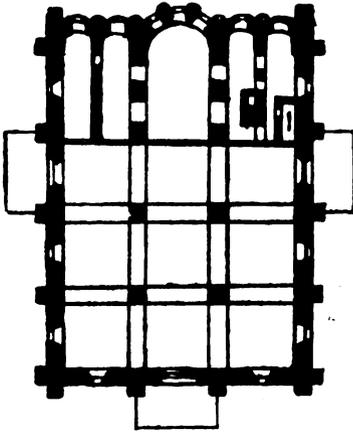

Рис. 60.

Рис. 61.

щія, что раньше крыша была не круглая, а по фронтонамъ. Вершина первоначальнаго фронтона, какъ показываютъ борозды, на три четверти аршина ниже существующей желѣзной крыши. Старая желѣзная крыша, съ конькомъ посрединѣ, находится до сихъ поръ на чердакѣ Московскаго Успенскаго собора. Она спущена на пять четвертей ниже первоначальной вершины фронтона, т.-е. на два аршина ниже существующей нынѣ желѣзной крыши, и беспорядочно лежитъ на сводахъ; это сдѣлано, вѣроятно, для того, чтобы временно предохранить своды отъ дождя, пока дѣлали новую крышу. Относительно

вопроса, не былъ ли соборъ первоначально покрытъ прямо по сводамъ безъ стропиль, приходимъ къ отрицательному заключенію, потому что наружные полукруги стѣнъ сдѣланы выше сводовъ и теперь возвышаются надъ старой опущенной крышей. Главы собора въ настоящее время тоже не имѣютъ первоначальнаго очертанія, онѣ слишкомъ велики и неуклюжи. Такимъ образомъ, для реставраціи Московскаго Успенскаго собора слѣдуетъ передѣлать крышу: существующую снять и сдѣлать по фронтонамъ, какъ показываютъ старыя борозды на средней главѣ; такія же борозды, вѣроятно, найдутся и на боковыхъ главахъ, но низы боковыхъ главъ теперь такъ закрыты, что ихъ нельзя видѣть. Самые луковичи слѣдуетъ передѣлать и придать имъ форму хотя и луковичную, но болѣе подходящую ко времени построения собора, если бы подъ существующимъ желѣзомъ не ока-

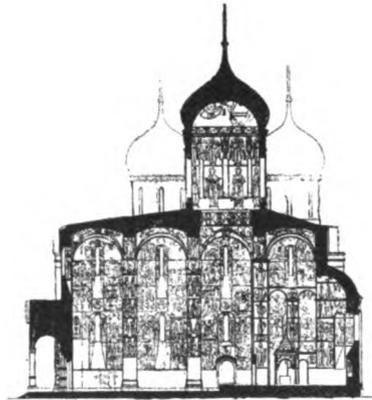

Рис. 62.

залось каменныхъ главъ, какъ это увидимъ ниже, въ Архангельскомъ соборѣ. Для полнаго представленія собора въ первоначальномъ видѣ слѣдуетъ всѣ раздѣланныя окна въ стѣнахъ задѣлать вновь и возстановить недостающія мѣста арочнаго пояса.

Внутренность собора (рис. 62) вся расписана. Мы не будемъ входить въ подробности и разборъ содержанія картинъ, но считаемъ нелишнимъ привести техническія свѣдѣнія изъ исторіи собора о приготовленіи стѣнъ для росписи, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, именно: „по

приготовленіи красокъ и всего матеріала, потребнаго къ сему дѣлу, начали левкасъ дѣлать изъ старой извести, которую возили изъ Ростова. Въ привозѣ оной значить 200 бочекъ, цѣною каждая по 50 копѣекъ и, притомъ, за провозъ по 50 же. Оную же известъ въ левкасъ претворяли слѣдующимъ образомъ: смѣшавъ съ водою, цѣдили въ 20-ть твориль черезъ рѣшеты. Въ творилахъ гребками мѣшали, и изъ Москвы рѣки воду въ опредѣленные часы перемѣняли, емжугъ же, или соръ съ пѣною, съ извести снимали и потомъ оную со льномъ збивали, а ленъ приготавливали такъ: во-первыхъ оный въ мельницахъ терли и выбивали изъ него кострицу, а потомъ сушили въ ведренное и теплое время на шестахъ, а въ ненастливое, нарочно, избы топили и изсуша вили въ веревки, которыя, изрѣзавъ, въ творилахъ же съ известью мѣшали. Снявъ на бумагу старые рисунки, и сбивъ штукатурку, нарубали стѣны, вбивали гвозди или ввертывали пробои. Затѣмъ, приготовивъ левкасъ, покрывали имъ стѣны и расписывали, растворяя краски на яйцѣ, да на пшеничной вареной водѣ, въ киноваръ же и сурикъ — масло, а въ боканъ и ярь — нефть и скипидаръ клали золотили же точно на олифѣ, и все оное стѣнное письмо прикрывали олифою жъ. Ревностно продолжая симъ порядкомъ свои труды, окончили они иконное писаніе въ 1644 г.“¹⁾

Закончивъ такимъ образомъ объ Успенскомъ Соборѣ, перейдемъ къ другой итальянской постройкѣ — Архангельскому собору.

Архангельскій соборъ выстроился не сразу: первое основаніе каменнаго зданія на мѣстѣ старой деревянной

¹⁾ Левшинъ. Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи храма Московскаго Большаго Успенскаго собора. Москва. 1783 г. стр. 12—14.

церкви было положено Иваномъ Калитою въ 1333 году. Храмъ этотъ служилъ усыпальницей царей, но былъ тѣсенъ и потому при Іоаннѣ III разобранъ, и выстроень вновь въ 1509 году итальянцемъ Алевизомъ изъ Милана.

Планъ этого храма (рис. 63) очень сходенъ съ планомъ Московскаго Успенскаго собора. Онъ тоже въ видѣ продолговатаго четырехугольника съ четырьмя столбами внутри. Его средній алтарь въ видѣ полукружія, а боковыя алтарныя помѣщенія: жертвенникъ и діаконникъ изнутри представляютъ два меньшія полукружія, каждый, — едва выражаясь на фасадѣ. Къ этимъ боковымъ алтарямъ съ востока позднѣе приставлены два предѣла во имя Уара и Зачатіевскій.

Западная часть собора состоитъ изъ двойной стѣнки, наружная стѣна построена позднѣе въ XVI вѣкѣ. Между этими стѣнками, кромѣ входа, справа и слѣва находятся помѣщенія, въ лѣвомъ поставлена печь, а въ правомъ лѣстница, которая ведетъ вверхъ въ три палатки, гдѣ помѣщается бібліотека и предѣлъ Покрова. Съ юга находятся позднія пристройки, не имѣющія для насъ интереса. Съ сѣвера тоже построень позднѣе входъ совершенно въ другомъ стилѣ чѣмъ храмъ. Отдѣливъ всѣ эти пристройки, получимъ планъ въ первоначальномъ видѣ. При первомъ взглядѣ на этотъ планъ видно, что составитель проекта подражалъ планамъ русскихъ церквей, всѣ формы обнаруживаютъ большое сходство съ планомъ Успенскаго собора и вмѣстѣ съ тѣмъ видно присутствіе чего-то чужого, не русскаго. То же можно сказать и про разрѣзъ. Внутренніе столбы стоятъ на пьедесталахъ. Изнутри весь храмъ росписанъ русскими мастерами: Захаріемъ, Іосифомъ и Николаемъ съ учениками, теперь живопись поновлена. Снаружи этотъ храмъ хотя и имѣетъ русскія массы (рис. 64), но итальянскія детали.

Снятіе штукатурки обнаружило, что первоначальный фасадъ храма былъ въ два цвѣта. Стѣны были красныя, кирпичныя, нештукатуренныя, а пилястры, капители, карнизы и тяги бѣлокаменные. Штукатурки не было. Его пять главъ болѣе всего напоминаютъ русскій храмъ. Въ общемъ же онъ представляетъ смѣсь русскаго съ итальянскимъ. Въ настоящее время осмотръ храма показываетъ, что кромѣ всѣхъ упомянутыхъ пристроекъ соборъ претерпѣлъ измѣненія и въ верхнихъ своихъ частяхъ. Такъ,

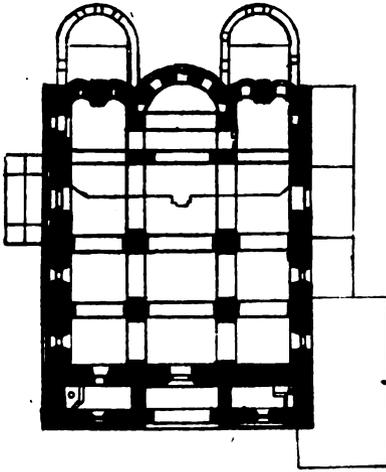

Рис. 63.

Рис. 64.

луковица на средней главѣ по формѣ отличается отъ боковыхъ. Она увеличена и сдѣлана по стропиламъ, между тѣмъ какъ *малыя главы выложены изъ камня и стропиль не имѣютъ*. Для реставраціи необходимо среднюю главу уменьшить и сдѣлать попрежнему. Осмотръ чердака показалъ, что существующая желѣзная крыша — поздняя. Она закрываетъ нижнія части главъ съ ихъ архитектурною отдѣлкою и даже окнами. Первоначальное покрытие было не фронтовое, а полукруглое, по сводамъ. Низы

главъ были открыты. Съ фасада покрытія были круглыя, а на верху ихъ, выше крыши, стояли особаго рода узоры въ видѣ пальметокъ, отчасти сохранившіеся и до сихъ поръ. Если согласно сказанному возстановить соборъ, то онъ будетъ имѣть первоначальный видъ, какъ на нашемъ рис. 65.

Другой храмъ, почти ровесникъ Архангельскому собору, находится въ Чудовомъ монастырѣ, расположенномъ

Рис. 65.

Рис. 66.

противъ Успенскаго и Архангельскаго соборовъ, тоже въ Московскомъ Кремлѣ.

Въ XIV вѣкѣ на мѣстѣ Чудова монастыря находился ханскій дворъ. Жена хана Ченибека Тайдула отдала его святителю Алексѣю за чудесное ея исцѣленіе отъ слѣпоты. Святитель Алексѣй тамъ выстроилъ, сначала, деревянную церковь въ 1365 году, но вскорѣ и каменную, верхъ которой, какъ раньше сказано, въ 1438 году обвалился. Въ 1501 году этотъ храмъ былъ разобранъ,

но вѣроятно не весь, потому что его бѣлокаменный низъ, какъ показаль осмотръ, древнѣе верхнихъ частей, сложенныхъ уже изъ кирпича. Такимъ образомъ основаніе храма надо отнести къ XIV вѣку; въ началѣ же XVI вѣка онъ былъ, возстановленъ, и по всей вѣроятности, по старымъ формамъ, такъ какъ наружный фасадъ (рис. 66) представляетъ близкій сколокъ съ церковей владимиро-суздальскихъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что шея главы, хотя и поставлена по-псковски на ступенчатыхъ аркахъ, но подкарнизный древній, поясъ подъ луковицей представляетъ итальянскій орнаментъ; тотъ же орнаментъ видимъ и посреди собора подъ поясомъ изъ арочекъ. Поэтому можетъ быть этотъ храмъ, начатый въ XIV вѣкѣ русскими, въ XVI вѣкѣ былъ възстановленъ итальянцемъ. Въ настоящее время къ храму придѣланъ входъ совершенно несоотвѣтствующаго стиля, и плечи покрыты на четыре ската поздней крышей подъ горизонтальный карнизъ. Чтобы представить храмъ въ первоначальномъ видѣ, надо отнять входную пристройку и покрыть крышу по аркамъ съ заостреннымъ подвышеніемъ, какъ видѣли на реставраціи Благовѣщенскаго собора, (рис. 58).

Разсматривая храмы до-монгольскаго и монгольскаго періодовъ, а также Успенскій и Архангельскій соборы и храмъ въ Чудовомъ монастырѣ, мы вездѣ должны признать въ складѣ храма византійскую основу, византійскій планъ и византійскія массы. Этотъ типъ храмовъ держится въ XVI, XVII и даже въ XVIII вѣкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ приходомъ къ намъ итальянцевъ у насъ начинается постройка храмовъ совершенно другого рода, не имѣющихъ ничего общаго со всѣми выше разсмотрѣнными. Для примѣра укажу на церковь Вознесенія, въ селѣ Коломенскомъ, близъ Москвы.

Церковь Вознесения построена царемъ Василиемъ Ивановичемъ, отцомъ Іоанна Грознаго, и освящена въ 1521 году.

Планъ этой церкви (рис. 67) весьма отличенъ отъ плановъ византійскаго типа. Онъ не имѣетъ внутри столбовъ и представляетъ равноконечный крестъ, состоящій

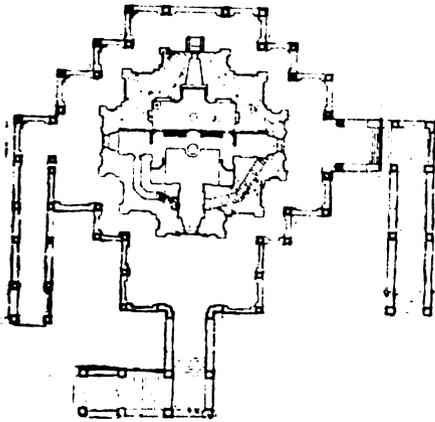

Рис. 67.

Рис. 68.

изъ двадцати стѣнокъ, которыя вверху рядомъ кокошниковъ переходятъ въ восьмигранникъ и образуютъ барабанъ съ окнами, оканчивающійся кокошниками, по два на каждой грани. Выше кокошниковъ идетъ высокій восьмигранный шатеръ съ небольшою башенкой вверху, оканчивающійся невысокою крышею и равноконечнымъ крестомъ. Въ общемъ церковь эта имѣетъ видъ башни (рис. 68). Она стоитъ на подклѣти и окружена со всѣхъ сторонъ двухъэтажною галлереей и широко и свободно раскинутыми тремя крыльцами. Нижняя галлерей состоитъ изъ каменныхъ арочекъ, а верхняя, сравнительно

поздняя, какъ видно по устройству и *кладкѣ*, состоитъ изъ каменныхъ столбовъ, на которыхъ лежатъ деревянные клади и желѣзная крыша. На восточной сторонѣ, у стѣны алтаря поставленъ каменный тронъ съ каменнымъ кокошникомъ наверху, украшеннымъ россійскимъ гербомъ; галлерей, надъ трономъ, образуетъ деревянное возвышеніе въ видѣ бочки. Первоначально же, когда галлерей не было, тронъ былъ открытъ. Внутри церковь выбѣлена известью, стѣны никакого убранства не имѣютъ, иконостасъ многоярусный новый; остатки древнихъ вратъ сохраняются въ Московской оружейной палатѣ; они изданы въ древностяхъ государства Россійскаго.

Типъ церкви очевидно взятъ съ древнихъ, деревянныхъ церквей, подобнаго рода, какихъ въ то время было много; къ тому же и детали на стѣнахъ: лопатки по угламъ и косяя тяги напоминаютъ деревянные раскосы, а украшения на шатрѣ похожи на конструкцію стропиль. Все это приводитъ къ заключенію, что эта церковь представляетъ массы чисто русской деревянной церкви, хотя всматриваясь въ детали карнизовъ, капителей и другіе профили, нельзя не признать итальянскаго вліянія. Такимъ образомъ въ это время уже начинаются сооруженія каменныхъ церквей не по византійскимъ планамъ, а подражаютъ русскому исконному деревянному зодчеству. Для представленія этой церкви въ первоначальномъ ея видѣ надо снять крышу и верхніе столбы галлерей, оставить ее открытой, тогда откроется весь низъ фасада и тронъ. Эта церковь такъ и показана въ изд. Шохина. ¹⁾

На другой примѣръ оригинальной церковной построй-

¹⁾ Сборникъ очерковъ и детальныхъ рисунковъ русскихъ старинныхъ построекъ. 1872 г. Москва.

ки, тоже взятой съ дерева, укажемъ на церковь села Дьякова.

Село Дьяково расположено рядомъ съ селомъ Коломенскимъ. Ихъ раздѣляетъ небольшой оврагъ. Главный престолъ Дьяковской церкви во имя Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. Она построена тоже царемъ Василиемъ Ивановичемъ въ 1529. Стало бытъ она почти ровесни-

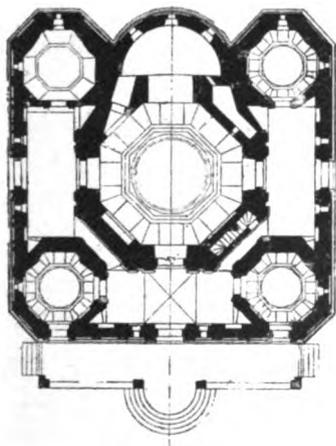

Рис. 69.

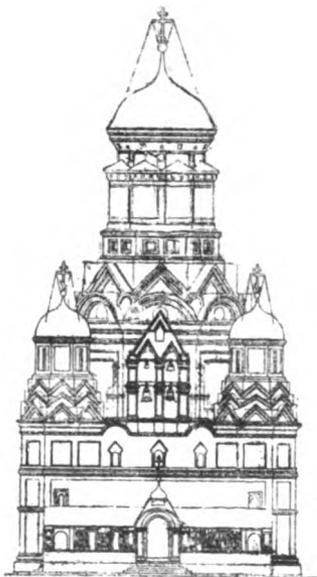

Рис 70.

ца церкви Вознесенія въ—Коломенскомъ. Но планъ церкви Іоанна Предтечи много сложнѣе и совсѣмъ въ другомъ родѣ (рис. 69). Онъ состоитъ изъ средняго восьмигранника и четырехъ угловыхъ башенъ, поставленныхъ діагонально. Башни эти соединяются наружными стѣнами, такъ что между ними образуются три галерейки. Каждая галерея имѣетъ по срединѣ входъ, а по бокамъ дверей открытые пролеты вродѣ оконъ; но те-

перь эти пролеты заложены тонкими стѣнками, оставивъ слѣды отверстій снаружи и внутри. Средняя башня съ востока заканчивается полукруглымъ выступомъ алтаря. Въ каждой изъ угловыхъ башенъ устроены четыре предѣла и одинъ надъ главнымъ ходомъ подъ колокольной. Предѣлы были: во имя зачатія св. Анны, зачатія Іоанна Предчети ¹⁾ Трехъ святителей московскихъ, Двѣнадцати апостоловъ и царя Константина да матери его Елены.

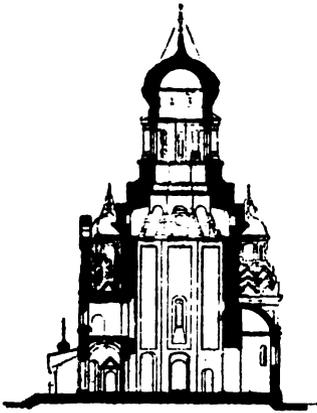

Рис. 71.

Предѣлъ подъ звономъ, а равно и звонница, хотя и древнія постройки, но все-таки, пристроены нѣсколько позднѣе. Возлѣ звонницы (рис. 70) были два полукруглыхъ кокошника, на которыхъ стояло по главкѣ; основанія главокъ и теперь видны подъ крышей. Сѣверный же предѣлъ церкви уширенъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, (на нашемъ рисункѣ эта передѣлка не показана). Внутренность (рис. 71) не имѣетъ никакой особенной отдѣлки; ея стѣны выбѣлены известью, но снаружи онѣ расписаны разными красками. Средняя башня значительно возвышается надъ угловыми въ видѣ восьмигранника и заканчивается карнизомъ, на которомъ стоятъ два ряда кокошниковъ, или вѣрнѣе рядъ кокошниковъ и рядъ фронтоновъ, упирающихся на меньшіе промежуточные, тоже, кокошники. Внутри сдѣланъ переходъ рядами выступающихъ кирпичей, который суживаетъ всю башню и готовятъ основаніе для бо-

¹⁾ По преданію здѣсь царь Василій молился о дарованіи ему сына, послѣ чего и родился Иванъ IV Грозный.

лѣ узкой шеи главы. Выше кокошниковъ снаружи начинается второй меньшей восьмигранникъ, украшенный квадратами; на каждомъ углѣ этого восьмигранника стоитъ по полукруглому выступу съ нишей внутри. Выступы эти примыкаютъ къ круглому цилиндру. Цилиндръ сверху заканчивается сильнымъ карнизомъ съ невысокой главой, съ острымъ подвышеніемъ, яблокомъ и крестомъ. Угловыя башни тоже состоятъ изъ двухъ восьмигранниковъ: нижняго большаго и верхняго меньшаго. Они раздѣлены тремя рядами кокошниковъ въ видѣ фронтоновъ. Верхніе восьмигранники образуютъ шею главъ съ лопатками по угламъ. Вверху они заканчиваются карнизами съ небольшими главами, имѣющими въ срединѣ подвышенія для яблокъ и крестовъ. Въ западной части звоница съ фасада устроена на трехъ столбахъ и покрыта фронтономъ. Надъ западнымъ входомъ пристроено крытое крыльцо, но эта пристройка—новая.

Итакъ, эта церковь потерпѣла незначительныя измѣненія; ее легко представить въ первоначальномъ видѣ. Если оставимъ звоницу, какъ пристройку древнюю то надо возстановить двѣ главки, бывшія около ея боковъ, и тогда останется уничтожить западное крыльцо, разобрать задѣланныя окна на галереѣ, съверную пристройку сломать и вмѣсто нея сдѣлать такую же стѣнку, какая находится на южной сторонѣ церкви. Тогда получимъ храмъ въ его первоначальномъ видѣ. Его планъ и фасадъ несомнѣнно ведутъ свое начало отъ нашихъ башенныхъ деревянныхъ церквей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ формы весьма оригинальныя, какъ это можно, напр. сказать про шею средней главы и ея покрытие.

Въ общемъ, тоже, образуя своеобразную группу, Дьяковская церковь не имѣетъ себѣ подобныхъ, хотя и послужила прототипомъ для весьма оригинальнаго Покров-

скаго собора, извѣстнаго въ Москвѣ болѣе подѣ именемъ церкви Василя Блаженнаго.

Покровскій соборъ еще болѣе оригиналенъ, обширенъ и также далекъ отъ формъ византійскихъ храмовъ, какъ разсмотрѣнная выше церковь села Дьякова, хотя между ними есть много общаго въ планѣ, въ фасадѣ

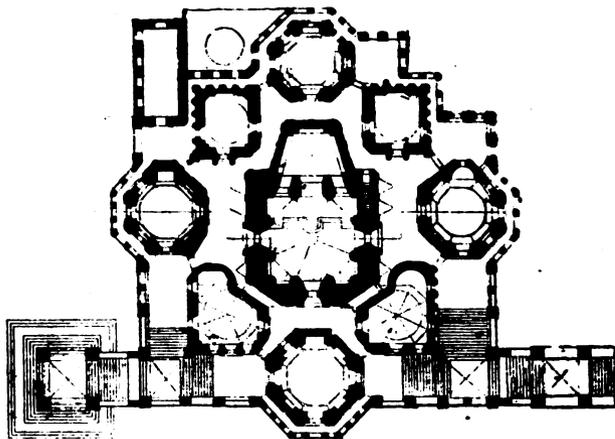

Рис 72.

и разрѣзѣ. Церковь села Дьякова, какъ видѣли выше, представляетъ въ срединѣ башню съ четырьмя другими башнями, приставленными по угламъ, діагонально. Въ планѣ Василя Блаженнаго видимъ (рис. 72) тоже: кругомъ средней башни, съ престоломъ Покрова, поставлены діагонально четыре другія башни съ предѣлами съ С-В. ¹⁾ мученика Григорія, съ Ю-В. Александра Свирскаго, съ Ю-З. Варлаама Хутынскаго и съ С-З. Иоанна Милостиваго. Если наружныя стѣнки послѣднихъ соеди-

¹⁾ Страны свѣта обозначасмъ русскими буквами; съ С-В значить съ стѣверо-востока.

нить, то получимъ планъ Дьяковской церкви съ ея небольшими галлерейками. Но архитекторъ Василия Блаженнаго между угловыми башнями помѣстилъ еще по башнѣ, имѣющія престолы: съ востока св. Троицы, съ юга Николая Чудотворца, съ запада Входа во Иерусалимъ

Рис. 73.

Рис. 74.

и съ сѣвера Адриана и Наталіи. Такимъ образомъ планъ Дьяковской церкви значительно усложнился. Кругомъ всего Покровскаго Собора сдѣлана сравнительно поздняя галлерейка. Теперь эта галлерейка—каменная, а первоначально была деревянная, какъ это видно на древнемъ изображеніи 1634 г. (рис. 73 и 74) у Олеарія, путешественника XVII вѣка.

Покровскій соборъ на своемъ вѣку претерпѣлъ много значительныхъ измѣненій. Такъ, съ восточной стороны царь Феодоръ Іоанновичъ, сынъ Грознаго, пристроилъ каменную церковь во имя Василия Блаженнаго. Въ то же время колокольня расписана, а главы покрыты желѣзомъ и вылужены. Въ 1635 году былъ пожаръ, истребившій часть внутреннего убранства. При царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ и патриархѣ Іоакимѣ, въ 1680 году многія деревянныя церкви, стоявшія близъ Покровскаго собора, разобраны и переведены въ соборъ; тогда же, вѣроятно, устроенъ и предѣлъ Рождества Богородицы. Въ 1688 году предѣлы были

крыты деревянными досками, какъ это видно изъ описей ветхостей собора и докладовъ Благочестивѣйшимъ Государямъ. Въ 1767 году возобновили Покровскій соборъ, внутри при чемъ стѣны были выбѣлены, и вмѣсто слюды въ окна вставлены стекла. Въ то же время перенесены въ соборъ два иконостаса съ иконами: одинъ изъ Черниговскаго собора, бывшаго близъ Тайницкихъ воротъ въ Кремль, а другой изъ Александроневскаго собора, бывшаго въ Кремль, и поставлены въ предѣлъ Входа во Иерусалимъ. Въ 1772 году черепичатая крыша собора была замѣнена желѣзной; въ это же время уничтожена и поливная надпись, шедшая вокругъ всего собора. Остатки этой поливы были найдены нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и представлены въ Московское Археологическое Общество. На нихъ сдѣланы желтыя буквы по темному фону. Содержаніе надписи слѣдующее: *„Божіимъ блаволеніемъ и Пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ святыхъ молитвами, повелѣніемъ Благочестиваго Царя и Великаго Князя Иоанна Васильевича всея Россіи мѣста 7062 юду (1554) начата созиданіемъ сія церковь Покрови Пресвятыя Богородицы да на томъ же основаніи восемь церквей: въ годъ во Иерусалимъ, Живоначальныя Троицы, Иже во святыхъ отецъ нашихъ трехъ патрiарховъ: Александра, Иоанна и Павла Новою и святыхъ священномученикъ Григорія Великаго Арменіи и Кипріяна и св. мученицы Устины и преподобныхъ Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго и великаго чудотворца Николая. И поставлена бысть сія святая церковь егда самъ эристовлюбивый царь Иоаннъ Васильевичъ всея Русіи со всеми своими воинствы ходилъ въ Казань и многихъ тамъ побилъ и разорилъ и градъ взя и царя казанскаго съ мурзами привезе въ Москву, а при снѣгъ ево Благочестивомъ Государь, царь и Великомъ Князь Федоръ Ивановичъ всея великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и по благословенію святѣйшаго Иоакима (Иова) патрiарха Московскаго и всея Русіи та церковь починена, и расписана колокольня и главы желѣзныя и покрыты досчатымъ желѣзомъ разными образами, и полужены церкви, и паперти покрыты черепицей“* ¹⁾. Тогда же возобновлена и нижняя церковь Василія Блаженнаго, и перестроенъ алтарь. Въ 1773 году внутренность этой церкви убрана лѣпкой въ стилѣ рококо изъ алебастра. Въ 1774 году сдѣланъ новый иконостасъ, а въ 1775 году—сѣнь надъ гробомъ св. Василія, и расписаны хоры. Въ 1776 году выбѣленъ алтарь, и окрашены карнизы желтою краскою. Въ 1779 году крытъ гонтомъ.

Далѣе въ 1784 году при Императрицѣ Екатеринѣ II Покровскій соборъ поновленъ и внутри расписанъ. Въ 1786 году возобновленъ предѣлъ во имя св. мученика Кипріяна и переимено-

¹⁾ „Книга запис. достоп. вѣщ. Моск. Покровск. собора“, стр. 16-я.

ванъ въ Адриана и Наталіи. Въ 1788 году возобновленъ предѣль Іоанна Милостиваго. Въ 1811 году расписанъ предѣль Рождества Богородицы. Въ 1813 году храмъ возобновленъ и расписанъ. Въ 1815 году происходятъ мелкія исправленія. Въ 1839—1845 годахъ поновили соборъ и расписали изнутри и снаружи: предѣльные церкви до этого времени не были расписаны, а были просто выбѣлены; тогда же въ нижней церкви *сломаны* и *хоры* за ненадобностью. Въ 1849 году чугунный полъ опущенъ на четыре вершка, и сдѣланъ новый цоколь, выкрышены главы и крыши. Въ 1861 году сдѣлана новая сѣнь надъ мощами Василия Блаженнаго.

Сравнимъ же настоящій видъ Покровскаго собора (рис. 75) съ древнимъ его изображеніемъ. На рисункѣ 1634 г. средней шатеръ окруженъ маленькими главками, которыхъ теперь уже не существуетъ въ натурѣ; галерея не каменная, а деревянная; справа отъ башни съ предѣлами Входа во Іерусалимъ и Варлаама Хутынскаго стоитъ сравнительно небольшой предѣль въ видѣ круглой башенки съ полукруглыми пристройками, опять, таки, напоминающими отдѣлку средней главы Дьяковской церкви. Этотъ предѣль теперь уже не существуетъ. Четыре діагональные башни съ предѣлами: муч. Григорія, Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго и Іоанна Милостиваго тоже значительно измѣнены въ своихъ верхнихъ частяхъ. Теперь они, имѣя четырехгранное основаніе, заканчиваются круглою шеею, между тѣмъ какъ на рис. 1634 г. они чуть ли не четырехугольные.

Разбирая формы каждой башни Василия Блаженнаго (рис 76), должно признать въ немъ храмъ, опять таки, не имѣющій ничего общаго съ церквами кубическаго, византійскаго типа. Храмъ Покровскаго собора, какъ отчасти видно и по разрѣзу, имѣетъ внутри весьма интересные своды при переходахъ башенъ изъ одной фигуры въ другую. Разрѣзъ, отчасти, напоминаетъ церк. с. Дьякова, хотя гораздо сложнѣе. Храмъ этотъ несомнѣн-

но строенъ на подобіе деревянной церкви. Наружная от-
дѣлка стѣнъ раскосами весьма напоминаетъ дерево, а на
рис. 1637 г. многіе изъ этихъ раскосовъ образуютъ фрон-
тоны надъ деревянной галлереей храма.

Рис. 75.

Рис. 76.

Здѣсь видимъ произведеніе чисто русскаго стиля XVI
вѣка, какъ и церковь села Дьякова, только, внутри, на
галлерей входы въ среднюю башню хотя, и, имѣютъ
русскія детали, но къ нимъ примѣшаны иногда ита-
льянскіе профили. Да и самый складъ аркатуръ тоже
исполненъ подъ вліяніемъ входныхъ дверей, появивших-
ся у насъ, какъ выше видѣли, съ приходомъ итальянцевъ.

Въ Донскомъ монастырѣ въ 1592 году при царѣ Тео-
дорѣ Іоанновичѣ выстроена каменная одноглавая цер-

ковь во имя Донской Богоматери. Церковь эта въ настоящемъ видѣ представляется значительно обстроеной съ разныхъ сторонъ, но тѣмъ не менѣе древнія ея части русскаго стиля еще видны въ покрытіяхъ кокошниками крыши, составляющими переходъ къ главѣ, и другихъ деталяхъ. Внутри церковь крыта сомкнутымъ сводомъ съ четырьмя распалубками къ серединамъ стѣнъ. Впослѣдствіи, т.-е. въ XVII вѣкѣ, этотъ приѣмъ покрытія сильно прививается къ храмамъ Ростова Великаго, хотя начало его принадлежитъ Москвѣ. Онъ встрѣчается во многихъ московскихъ церквахъ, какъ-то; у св. Трифона, Василя Блаженнаго, Николы Мясническаго и др.

Соблюдая хронологическій порядокъ церквей XVI вѣка, нельзя не указать еще на бывшую Алексѣевскую церковь въ Рязанской губерніи, построенную въ 1598 году, рисунокъ ея сохранился; а она въ настоящее время, уже не существуетъ. Низъ этой церкви былъ въ видѣ граненой призмы, перепоясанной посрединѣ тягами, съ лопатками въ углахъ. Каждая грань была перекрыта фронтономъ. Позади cadaго фронтона находился другой фронтонъ, примыкавшій ко второй призмѣ меньшаго діаметра и образующей основаніе шатра. Шатеръ въ видѣ многогранной пирамиды заканчивался вверху шейкой съ маковицей. Каждая грань шатра у основанія была украшена тремя рядами кокошниковъ: первый рядъ въ три, второй—въ два и третій—въ одинъ кокошникъ.

Царь Борисъ Годуновъ во время бѣдствія постигшаго народъ, чтобы дать средства къ пропитанію, задумалъ выстроить въ Кремлѣ на мѣстѣ старой церкви во имя

Иоанна Лѣствичника ¹⁾ небольшую новую церковь во имя того же 'святого съ высокою на ней колокольнею. Церковь эта теперь всѣмъ извѣстна подѣ именемъ Ивана Великаго. Снаружи она представляетъ (рис. 77) три восьмигранныя призмы, поставленныя одна на другую. Вышина первыхъ двухъ призмъ одинакова, но ширина различна; а такъ какъ нижняя значительно шире второй, то вокругъ второй образуется кругомъ открытый ходъ. Третья—уже второй; поэтому и вокругъ третьей тоже есть открытый ходъ. Третья призма двойнымъ рядомъ кокошниковъ переходитъ въ круглую шею, законченную золотой главой въ видѣ луковицы. Вся вышина верхней призмы, шеи и главы, опять таки почти той же высоты какъ первая и вторая призмы. Такимъ образомъ весь столбъ раздѣленъ на три части равной вышины. Подъ главой въ три ряда идетъ надпись по черному фону золотыми буквами. Надпись эта слѣдующаго содержания: „Изволнiемъ св. Троицы, повеленiемъ Великаго Государя, Царя и Великаго князя Бориса Θεодоровича всея Россiи Самодержца, и сына его Благовѣрнаго Великаго Государя Царевича Великаго Князя Θεодора Борисовича всея Россiи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 108 (1600).“

Рис. 77.

Наружная отдѣлка этой колокольни-столпа весьма проста, но въ общемъ отличается стройностью.

При царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ, по благословенiю отца его патрiарха Филарета Никитича, рядомъ съ колокольней было выстроено другое зданiе. „Сколь огромно

¹⁾ За ветхостью старая церковь была разобрана при Иоаннѣ III и заложена новая въ 1505 году. Въ 1532 году, рядомъ съ ней, при великомъ князѣ Василѣ Ивановичѣ заложена другая во имя Рождества Христова.

стѣ сіе зданіе, — говоритъ Левшинъ ¹⁾ — можно разсудить и потому, что на немъ прежде сею встѣхъ колоколъ вѣсомъ 8000 пудъ; но какъ оный отъ пожараго случая былъ поврежденъ, то потомъ былъ перелитъ въ 12000 пудъ, который также отъ пожара разбился и стоитъ нынѣ въ ямъ безъ края. На простѣнкахъ сего зданія не малой пропорціи глава съ крестомъ позлащеннымъ, выкрашенная ярью венецейскою, а подлѣ нея шпиль покрытъ черепицею; на немъ глава съ крестомъ золочены по гульфарбѣ, около шпиля по сторонамъ четыре башенки со шпильями жъ готической работы. А наружи подъ карнизомъ кругомъ стѣны какъ обручемъ обведены позолоченными по мѣди литерами надпись и проч. Въ 1812 году это зданіе было взорвано французами, рисунокъ его помѣщенъ у Левшина изд. 1783 г. видимая же нынѣ пристройка съ сѣверной стороны къ Годуновскому столпу поставлена послѣ 1812 года.

Переходя къ XVII вѣку, нельзя не замѣтить, что въ это время русское искусство, опираясь на выработанные приемы предыдущаго столѣтія, достигаетъ высшей степени своего развитія. Съ тѣхъ поръ какъ зодчіе наши стали подражать дереву и выстроили разсмотрѣнную выше шатровую церковь въ селѣ Коломенскомъ, появляется много другихъ подобныхъ тоже шатровыхъ церквей. Такъ, напр. церковь въ селѣ Медвѣдковѣ, близъ Москвы, шатровая (рис. 78); церковь въ селѣ Спасскомъ, близъ Москвы; въ Бесѣдахъ, Архангельскій соборъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, (рис. 79); Никитская церковь въ селѣ Елизаровѣ Переяславскаго уѣзда, Владимірской губерніи и друг. Всѣ эти церкви имѣютъ почти квадратный планъ безъ

¹⁾ Левшинъ: „Историч. опис.“ стр. 242—243. Москва, 1783 г.

столбовъ внутри, иногда съ галлерей, иногда безъ галлерей и главную массу въ видѣ шатра; хотя въ Медвѣдковской церкви около шатра по угламъ и поставлены четыре главки (рис. 78), но она почти не имѣетъ плечъ и ея преобладающая масса—шатеръ, шатеръ стоитъ на восьмигранномъ барабанѣ и представляетъ съ нутри замѣчательный переходъ плечъ къ барабану. Систѣмой небольшихъ арочекъ барабанъ такъ съуженъ что нахо-

Рис. 78.

Рис. 79.

дится на вѣсу ¹⁾. Церковь эта въ два этажа, алтарь перваго этажа выступаетъ къ востоку противъ алтаря втораго этажа. Церковь съ трехъ сторонъ окружена галлереей въ два этажа, съ запада пристроена поздняя колоколяня. Кромѣ церквей такого рода есть церкви со многими шатрами; напр., церковь въ селѣ Троицкомъ-Голенищевѣ, близъ Москвы—имѣетъ плечи и пять шатровыхъ главъ; древняя церковь въ Путинкахъ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. матеріалы по археологіи Кавказа вып. III, Москва 1893 ст. А. М. Павлинова, стр. 50—51.

(рис. 80) и Воскресенія въ Гончарахъ въ Москвѣ имѣютъ три шатровыя главы; то же видѣли и въ Казани въ церкви Иоанно-Предтеченскаго монастыря, (рис. 81) къ сожалѣнію, нынѣ уже сломанной, и друг.

Церковь въ Путинкахъ весьма оригинальна снаружи и представляетъ собой несимметричную группу башенъ разной вышины и формы. Башни эти, судя по несходству тягъ, карнизовъ и вообще архитектурныхъ деталей,

Рис. 80.

Рис. 81.

строены въ разное время. Извѣстно, что царь Алексѣй Михайловичъ на постройку этой церкви жалуетъ деньги. Въ началѣ была выстроена церковь одноглавая Непалимой Купины, такъ какъ въ то время во имя Непалимой Купины въ Москвѣ церкви не было и эта церковь—первая, а потомъ уже она получаетъ всѣ остальные пристройки ¹⁾. Въ Москвѣ въ Алексѣевскомъ монастырѣ церковь имѣетъ два шатра ²⁾. Въ Рязани Духов-

¹⁾ „Археологическія Извѣстія“ № 1, Москва, 1893 г., ст. Забѣлина, стр. 8—9.

²⁾ Мартынова, Русская старина.

ская церковь постройки 1642 г. Тоже двушатровая. Въ Нижнемъ-Новгородѣ есть каменная церковь, имѣющая двѣ шатровыя главы. Подобную же церковь видимъ въ селѣ Спасскомъ Калужскаго уѣзда ¹⁾. Всѣ эти церкви съ двумя и тремя шатрами имѣютъ подобные планы, весьма отличные отъ плановъ церквей съ однимъ, пятью или многими шатрами. Главная характерная часть ихъ плана есть продолговатый прямоугольникъ, узкія стороны котораго всегда расположены на сѣверъ и югъ. На фасадѣ эта самая высокая часть церкви, обыкновенно, кроется сомкнутымъ сводомъ, и на ней располагаются главы. Къ восточной стѣнѣ четырехъугольника приставляется алтарь, а съ запада — помѣщеніе для молящихся; послѣднее бываетъ различной длины; высота часто одинакова съ алтаремъ, а на фасадѣ значительно ниже средняго четырехъгранника, на которомъ стоятъ главы. Вотъ главныя составныя части плановъ и массъ церквей такого рода. Церкви эти сравнительно рѣдко встрѣчаются и на столько отличны какъ особый видъ.

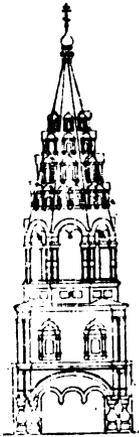

Рис. 82.

Шатеръ становится излюбленнымъ покрытіемъ для колоколенъ и высится почти во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ есть каменные колокольни. При такомъ приложеніи шатра обыкновенно онъ продѣлывается множествомъ слуховыхъ оконъ какъ это видимъ въ ц. (рис. 82). Приобрѣтая обширное примѣненіе къ церковнымъ сооруженіямъ, небольшого размѣра, шатеръ получаетъ примѣненіе при покрытіи предѣльныхъ пристроекъ, какъ это видимъ, на прим., въ г. Ярославлѣ. Но прежде чѣмъ

¹⁾ Преображенскіи: „Памятники древнерусскаго зодчества“. Л. IX.

объ этомъ говорить, обратимся къ типу прежде разсмотрѣнныхъ нами церквей кубическихъ, имѣющихъ въ основѣ византійскій планъ. Укажемъ на церковь, находящуюся въ Москвѣ, на Бутыркахъ.

Бутырки ¹⁾ находятся на окраинѣ Москвы, при началѣ древняго Углицкаго шоссе (Дмитріевскаго). Бутырки извѣстны въ XIV вѣкѣ какъ вотчина боярина Протасія, который служилъ тысяцкимъ у великаго князя Ивана Даниловича Калиты, а въ XVII вѣкѣ значатся за Иваномъ Никитичемъ Романовымъ, братомъ Филарета Никитича. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1657 году тутъ былъ помѣщенъ выборный полкъ, который по мѣсту своего расположенія и сталъ называться Бутырскимъ.

Существующая нынѣ церковь во имя Рождества Богородицы построена въ XVII вѣкѣ Бутырскимъ полкомъ, полагаютъ въ 1682 году или около этого времени. Существуетъ антиминосъ съ надписью объ освященіи этой церкви въ 7192 л.—1684 г. Церковь эта весьма обширна. Ея планъ въ видѣ квадрата съ двумя столбами внутри. Снаружи алтарь выражается тремя полукружіями. Церковь имѣетъ четыре главы, всѣ главы изнутри открыты. Покрытіе сводами сдѣлано по-древнему такое, какое видимъ въ храмахъ Кіева и Владиміра. Такъ что эта церковь не только происходитъ отъ древнихъ церквей кубическаго типа, но и сохраняетъ еще многія ихъ особенности, какъ-то: открытыя снизу главы, что въ Москвѣ и вообще въ Россіи въ это время встрѣчается сравнительно рѣдко.

Съ запада къ церкви пристроена довольно обширная и весьма типичная для XVII вѣка трапеза въ видѣ квад-

¹⁾ По Далю, Москва, 1863 г., ч. 1-я, стр. 124—129, Бутырки объясняются однозначными словами будырь, изба, жилище, селитьба, отдѣльная отъ общаго населенія, домъ на отшибѣ.

рата въ планѣ съ четырьмя столбами внутри. Этотъ квадратъ настолько обширнѣе церкви, что съ востока, по бокамъ церкви, имѣетъ два предѣла: слѣва во имя Николая Чудотворца, а справа—преподобнаго Сергія.

Внутри церковь не имѣетъ почти ничего исторически замѣчательнаго. Письмо не древнее, но снаружи ея фасадъ весьма типиченъ и замѣчателенъ въ особенности по оригинальной отдѣлкѣ наличниковъ оконъ и кокошниковъ надъ ними. Покрытіе крышъ хотя и передѣлано, но до сихъ поръ еще очевидно, что оно было по полукругамъ. Покрытіе трапезы ничего особеннаго не представляетъ.

При входѣ въ ограду церкви на воротахъ стоитъ довольно обширная колокольня. Ея восьмигранный шатеръ съ четырьмя рядами слуховыхъ оконъ и восьмью арками имѣетъ весьма недурную композицію, но низъ колокольни уже гораздо слабѣе. Въ особенности по бокамъ воротъ большія полубалясины съ подвѣсками сверху не только не оправдываются технически, но и весьма не эстетичны, представляя формы, требующія оправданія и реставраціи.

Подобнаго рода церкви съ пятью открытыми главами развиваются въ г. Ярославлѣ; но объ этомъ скажемъ ниже, а теперь обратимся къ самому распространенному типу церквей, по большей части пятиглавыхъ; главы которыхъ съ низу закрыты и поставлены на сомкнутомъ сводѣ. Планы такихъ церквей внутри столбовъ не имѣютъ.

Разсмотримъ церковь Грузинской Троицы въ Китайгородѣ въ Москвѣ. Она представляетъ вполне развитое покрытіе по кокошникамъ около главъ. Изъ ея пяти главъ только средняя открыта снизу, а остальные закрыты сомкнутымъ сводомъ. Церковь эта имѣетъ

три предѣла: лѣвый, довольно обширный, во имя Николая Чудотворца, средній во имя Грузинской Троицы и правый, поменьше, во имя Никиты. Въ среднемъ и правомъ предѣлахъ находятся золоченые древніе иконостасы и довольно интересные деревянные клиросы, а въ алтарѣ—древняя сѣнь. Стѣны этой церкви изнутри расписаны, но живопись носить слѣды поновленія. Въ главной церкви справа и слѣва входы въ правый и лѣвый предѣлы. Входы эти отдѣланы рельефными орнаментами, но ихъ разорванные фронтоны принадлежатъ уже къ послѣднему періоду русскаго искусства, и напоминаютъ московскіе царскіе терема, Потѣшный дворецъ и проч. За то снаружи церковь изобилуетъ сочными формами русскаго стиля XVII вѣка, хотя и не крупнаго масштаба. Снаружи все раскрашено бѣлою и красною краской. Ея входъ въ видѣ шатра вводитъ на лѣстницу, ведущую на небольшую галерею. Съ галереи имѣются входы въ церковь и на колокольню. Планъ главной части церкви—въ видѣ прямоугольника безъ столбовъ внутри. Но на немъ мы не останавливаемся, такъ какъ онъ ничего особеннаго не представляетъ и обремененъ различными пристройками.

Другая весьма интересная церковь Николы, въ Хамовникахъ. Она тоже пятиглавая; по плану состоитъ изъ прямоугольника съ пристройкой съ запада; пристройка эта ниже самой церкви и значительно обширнѣе, какъ, выше было указано, въ церкви на Бутыркахъ. Такого рода пристройки весьма характерны для церквей XVII вѣка. Съ запада стоитъ высокая шатровая колокольня стройныхъ пропорцій. Какъ церковь, такъ и колокольня кое-гдѣ украшены изразцами. Детали фасада имѣютъ свои особенности. Такъ напр., глав-

ная часть церкви покрыта кокошниками въ два ряда, а третій у основанія главъ. Первый рядъ состоитъ изъ трехъ кокошниковъ съ каждой стороны; въ углахъ кокошники опираются на полуколонки, а средній вмѣстѣ съ боковыми не на колонки, какъ обыкновенно бываетъ, но на однѣ капительки, какъ бы кронштейны. Такимъ образомъ карниза, опоясывающаго подъ кокошниками верхъ церкви, нѣтъ. То же видимъ и въ церкви Козьмы и Деміяна въ Москвѣ. Между тѣмъ какъ въ XVII вѣкѣ такой карнизъ обыкновенно получаетъ вполне определенные обломы; такъ, наприм., у Георгія Побѣдоносца въ Садовникахъ, въ Москвѣ. Еще богаче—карнизъ въ церкви Николая, въ Пыжахъ, въ Москвѣ (рис. 83). Здѣсь вся отдѣлка церкви второго этажа и верха, какъ болѣе видныхъ частей храма, отличается логичностью; хотя кокошники, сравнительно съ размѣромъ церкви, и кажутся нѣсколько тяжелыми издали, но этотъ недостатокъ вблизи значительно скрадывается. Никола въ Пыжахъ тоже имѣетъ съ запада пристройку между церковью и колокольней какъ и Никола въ Хамовникахъ.

Нельзя не указать также на церковь Николы въ Столпахъ, въ Москвѣ, въ Армянскомъ переулкѣ. Эта церковь двухъэтажная. Главная масса въ планѣ—почти квадратъ. Но нижній алтарь длиннѣ верхняго и, согласно традиціямъ, устроенъ такъ, что престоль надъ престоломъ не приходится. Поэтому если смотрѣть на церковь сбоку, то алтарь, нижней церкви, значительно выступаетъ къ востоку противъ алтаря верхней церкви. То же мы видѣли и въ церкви села Медвѣдкова (рис. 78). Прилагаемый здѣсь рисунокъ (83) нѣсколько объясняетъ детали фасада. Карнизъ подъ кокошниками имѣетъ тѣ же обломы, какъ и въ вышеприведенныхъ церквахъ Георгія въ садовникахъ и Николы въ Пыжахъ, но у Николы въ Столпахъ по

фризу идетъ рядъ изразцовъ. Ниже карниза въ углахъ стоятъ по три колонки, а въ срединѣ вмѣсто колонокъ поставлены фигурныя лопатки, состоящія изъ двухъ рядовъ балясинъ, поставленныхъ одна надъ другой, чѣмъ фасадъ нѣсколько разыгранъ. Церковь окружена съ трехъ сторонъ двухъэтажной галлереей. Съ запада высокая шатровая колокольня пристроена очевидно позднѣе; она плотно приставлена къ западной стѣнѣ храма, такъ что ея шатеръ опирается на стѣну. Въ общемъ не про-

Рис. 83.

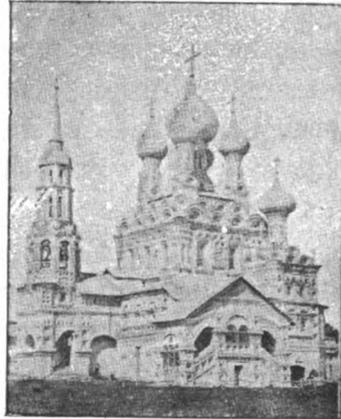

Рис. 84.

изводитъ цѣльнаго впечатлѣнія, а глядитъ пристройкой. Самая древняя часть церкви повидимому нижній этажъ. Его детали по стилю нѣсколько отличны отъ галлерей и второго этажа церкви.

Изъ церквей XVII вѣка, замѣчательныхъ по богатству своей отдѣлки, нельзя не указать также на церковь села Останкина близъ Москвы (рис. 84). Она построена княземъ Черкасскимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и освящена въ 1668 г. Планъ этой церкви представляетъ почти квадратъ съ полукруглой пристройкой алтаря. По

бокамъ ея два одноглавыхъ предѣла тоже съ полукруглыми алтарями. Церковь эта имѣетъ пять главъ, стоитъ на подклѣти и окружена галлереей; съ запада примыкаетъ шатровая колокольня. Сама церковь — кубическая, крыта сомкнутымъ сводомъ, на которомъ и расположены кокошники, составляющіе архитектурный переходъ къ пяти главамъ. Главы изнутри церкви закрыты, онѣ имѣютъ луковичные верхи. Снаружи вся церковь разукрашена множествомъ разнообразныхъ колонокъ, разнообразныхъ наличниковъ оконъ, карнизами съ балясинками, весьма напоминающими деревянное дѣло, и проч. На галерею церкви, кромѣ входа изъ-подъ колокольни, имѣется два боковыхъ въ видѣ особыхъ пристроекъ на сѣверъ и югъ. Нельзя не обратить вниманія также на отдѣлку западной двери, ведущей съ галлерей въ церковь. Эта дверь богаче другихъ. Она имѣетъ итальянскій приемъ: впереди съ каждой стороны стоятъ по двѣ колонки, но эти колонки чисто русской формы, съ бусами посрединѣ; далѣе идетъ откосъ, покрытый орнаментами; самая арка надъ откосомъ имѣетъ довольно сложную отдѣлку и украшена множествомъ разнообразнѣйшихъ розетокъ, привѣсокъ, жгутовъ, орнаментовъ и проч. Эта отдѣлка двери можетъ служить лучшимъ примѣромъ передѣлки итальянскаго приема на русскій ладъ. Церковь эта реставрирована.

Не менѣе замѣчательная церковь, если еще не болѣе богатая, находится въ селѣ Марковѣ. Она тоже весьма богато убрана снаружи и тѣмъ являетъ сходство съ Останкинской.

Нельзя также не упомянуть про церковь въ селѣ Тайнинскомъ близъ Москвы (рис 85). Здѣсь царь Алексѣй Михайловичъ тѣшился соколиной охотой. Церковь эта тоже пятиглавая. Она не такъ замѣчательна сама по себѣ, какъ ея западная пристройка въ видѣ теремнаго

крыльца-лѣстницы: нѣсколько ступенекъ ведутъ къ двери перваго этажа церкви; надъ дверью устроена пустая каменная бочка вмѣсто навѣса; передъ дверью направо и налево расположены двѣ крытыя лѣстницы въ одинъ маршъ каждая; лѣстницы эти приводятъ въ двѣ шатровыя башенки, черезъ которыя проходите на хоры церкви. Входъ этотъ, весьма рѣдкій по оригинальности, а по формамъ своимъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что взятъ съ дерева.

При разборѣ церквей разныхъ временъ и формъ было указано на стоящія при нихъ колокольни, преимущественно башенныя шатровыя, и только въ церкви села Дьякова (рис. 70) указано на звоницу въ видѣ стѣнки, по устройству своему похожую на Псковскія звоницы. Но такого рода звоницы есть и въ другихъ мѣстахъ. Такъ въ Москвѣ имѣется небольшая древняя церковь во имя св. Ирины, при бывш. домѣ Нарышкиныхъ, нынѣ принадлежащемъ Архиву Иностранныхъ Дѣлъ. Она — шатровая, стоитъ на подклѣти. Около нея небольшая звоница въ видѣ стѣнки съ тремя арочками; каждая арочка перекрыта фронтономъ. Это — типъ тѣхъ звонницъ, которыя мы видѣли выше въ Новгородско-Псковскомъ братствѣ. Подобная же звоница стоитъ близъ Звенигородскаго собора. Она въ два этажа; низъ состоитъ изъ двухъ арочекъ, на замки которыхъ опирается третья. Такая же звоница, но обширнѣе, находится въ Вяземахъ (рис. 86)

Рис. 85.

Звенигородскаго уѣзда. Эта звонница представляется въ видѣ небольшой терраски, средина которой перегорожена стѣнкой съ тремя арками; надъ этой стѣнкой—второй этажъ, тоже въ три арки. Такимъ образомъ вся звонница имѣетъ шесть арокъ. Подобныя звоницы есть и въ другихъ мѣстахъ, а равно и звоницы болѣе сложныя въ видѣ продолговатаго помѣщенія, окруженнаго арками. Такую звонницу видимъ, напримѣръ, въ Суздалѣ въ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ (рис. 87), въ Ростовскомъ кремлѣ, въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ и друг.

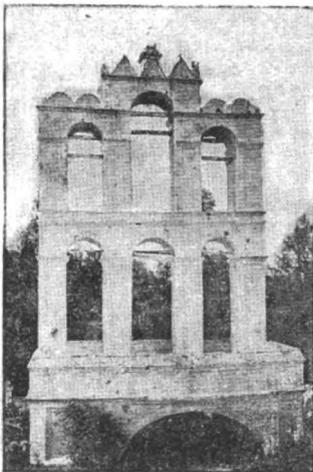

Рис. 86.

Рис. 87.

Прежде, чѣмъ окончить о каменномъ церковномъ зодствѣ и сдѣлать сводъ всему сказанному, необходимо разсмотрѣть памятники другихъ городовъ. Обратимся прежде всего къ г. Ярославлю, какъ къ самому интересному и богатому послѣ Москвы.

Чтобы ближе ознакомиться съ церквами г. Ярославля, остановимся главнымъ образомъ на двухъ церквахъ: на церкви Юанна Предтечи, что въ Толчковѣ, и церкви Ю-

анна Златоуста въ Коровникахъ; остановимся на нихъ потому, что онѣ содержатъ въ себѣ почти всѣ тѣ особенности ярославскихъ церквей, на которыя намъ необходимо указать, чтобы такимъ образомъ выяснить Ярославскій стиль.

Про Толчково въ старинной лѣтописи Ярославской Феодоровской церкви говорится: *„Толчковская слобода именованіе свое пріять отъ жителей въ ней, по художеству своему толчевному, приутоворяющихъ, сирѣчь, толкущихъ кору, съ древесъ собираемую; отъ коего толченія и назвася тако, сирѣчь, Толчковскою слободою“*.

По преданію, на мѣстѣ Іоанна-Предтеченской церкви прежде былъ женскій Вознесенскій монастырь, который будто бы разрушенъ поляками въ 1609 г.

При церкви хранится грамота Варлаама, митрополита Ростовскаго, данная на постройку и освященіе деревянной церкви во имя Іоанна Предтечи съ предѣломъ Казанской Божіей Матери. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: *„а престолы б ты въ церкви учредилъ среди алтарей, а къ стѣнѣмъ отнюдь престоловъ не придѣлывать, а подъ церковнымъ помостомъ въ исподи иныхъ придѣловъ и престоловъ отнюдь не придѣлывати же и т. д.* Это запрещеніе приставлять престолы къ стѣнѣмъ указываетъ на то, что въ XVII вѣкѣ не всегда ставили престолы среди алтаря, какъ дѣлаютъ теперь, а иногда приставляли и къ стѣнѣмъ.

Переходимъ прямо къ каменному холодному храму во имя Іоанна Предтечи, который собственно и представляетъ для насъ интересъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Грамота царя Алексѣя Михайловича 1671 г., данная попу Абросиму да діакону Родіону, разрѣшаетъ на казенныхъ мѣстахъ, просимыхъ въ челобитной, выстроить

кирпичный заводъ для выдѣлки кирпича, необходимаго для постройки церкви, — подробность весьма интересная, доказывающая, что всѣ кирпичи фигурной формы, со всѣми ихъ разнообразными узорами, изъ которыхъ сложена эта церковь, дѣлались на мѣстѣ стройки.

Храмъ этотъ строился съ 1671 г. по 1687 г., въ которомъ и освященъ. Расписанъ позднѣе — въ 1695 г., а предѣлы въ 1700 г.

Планъ этой церкви, въ средней своей части, представляетъ почти квадратъ съ двумя столбами по срединѣ (рис. 88). Алтарь отдѣленъ отъ остальной церкви каменной стѣнкой съ тремя проходами для дверей. Восточная часть алтаря оканчивается тремя полукружіями. Въ лѣвомъ дѣленіи помѣщается жертвенникъ, въ правомъ — ризница. Первый соединяется широкой аркой съ серединой алтаря, а второй — гораздо меньшей. Съ сѣвера и юга къ главному алтарю приставлены два предѣла: сѣверный — во имя Гурія и Варсонофія, казанскихъ чудотворцевъ, а южный — во имя трехъ вселенскихъ Святителей. Оба предѣла соединяются небольшими дверями: одинъ — съ жертвенникомъ, а другой — съ ризницей главнаго храма. Западные двери соединяютъ ихъ съ галлереей. Свѣтлая галлерей со множествомъ оконъ съ трехъ сторонъ окружаетъ храмъ. Три ея выступа съ тремя высокими фронтонами, заканчиваютъ собой планъ всего храма. Западный входъ на галлерей, какъ главный, важнѣе всѣхъ; потому и западная часть галлерей шире боковыхъ. Планъ Іоанно - Предтеченской церкви совершенно симметриченъ, и по своему расположенію, довольно идеаленъ, такъ какъ не обремененъ никакими позднѣйшими пристройками, а какъ былъ задуманъ, такъ и исполненъ. Правда, выступающіе входы на галлерей придѣланы, по всей вѣроятности, уже во время стройки,

но, несмотря на это, онъ рисуется типъ плана ярославскихъ церквей въ довольно чистомъ видѣ.

Къ сожалѣнію, не можемъ сказать того же про массы храма, т.-е. разрѣзы и фасады. Массы главной части храма представляютъ слѣдующую странность: алтарь покрытъ сводами на половинѣ высоты церкви, тутъ же прекращается и стѣна, отдѣляющая алтарь отъ храма; восточная наружная стѣна главной массы храма, поставленная на алтарныхъ сводахъ (рис. 89), гораздо восточ-

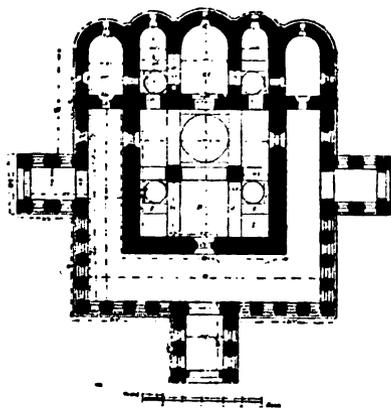

Рис. 88.

Рис. 89.

нѣе стѣны, отдѣляющей алтарь отъ церкви; такимъ образомъ надъ сводами алтаря образуется антресоль—помѣщеніе. Въ это помѣщеніе можно попасть только по приставной лѣстницѣ. Въ сѣверной и южной стѣнахъ антресоли имѣются небольшія двери, которыя ведутъ въ два другія помѣщенія, расположенныя надъ боковыми предѣлами съ сѣвера и юга.

Такое расположеніе массъ не есть случайное; оно встрѣчается и въ другихъ ярославскихъ церквяхъ. Вѣроятно оно служило тайникомъ, куда, въ случаѣ надобности, можно было прятать драгоценности. Вся внут-

ренность церкви расписана, между тѣмъ какъ помѣщеніе надъ алтарями не имѣетъ никакихъ слѣдовъ росписи. Тамъ видна кирпичная кладка безъ штукатурки, едва выбѣленная известью. Такая подробность указываетъ на то, что эта часть надъ алтаремъ никогда не была открыта взорамъ прихожанъ, и была закрыта высокимъ иконостасомъ. Внутреннее покрытие сводовъ тоже имѣетъ свои аномаліи ¹⁾.

Храмъ, какъ сказано выше, весь расписанъ. Расписаны также нижнія части предѣловъ и галлерей. Внутри галлерей по наружной стѣнѣ идетъ каменная скамья на фигурныхъ ножкахъ, тоже расписанная разными красками. Весьма интересна также отдѣлка дверей со стороны паперти въ главную часть храма. Множество мелкихъ детальныхъ украшеній, раскрашенныхъ разными красками, напоминаютъ рѣзное деревянное дѣло.

Снаружи весь храмъ облицованъ кирпичомъ превосходнаго рисунка и качества, вперемежку съ изразцами. Только алтарные выступы и окна сравнительно недавно отштукатурены и раскрашены разноцвѣтными красками (рис. 90); первоначально же они были тоже кирпичные.

Главная масса храма (рис. 91 предст. раставрацію) отдѣлана группами полуколонокъ, стоящихъ въ рядъ по двѣ и по три, а на углахъ по пяти. Каждая колонка украшена пятью фигурными бусами. Надъ колонками вверху выведены небольшіе кокошники. Между колонками глади раздѣлены горизонтальными тягами на квадраты, въ которые вставлены разноцвѣтные изразцы. Надъ мелкими кокошниками, выше колонокъ, идетъ карнизъ, на которомъ расположены крупныя кокошники съ балясинками въ промежуткахъ. Расположеніе сводовъ чердака

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. А. Павлиновъ, Древн. Рост. в Ярославскія. Москва 1892 г. стр. 5—6.

показываетъ, что эти кокошники сдѣланы подѣ древнее покрытие; существующая же нынѣ крыша—поздняя не такая, какъ показана на рис. 91, (ее видите на разрѣзѣ рис. 89); надпись на подзорѣ съ южной стороны алтаря говоритъ, что эта крыша сдѣлана въ 1750 г., при чемъ зна-

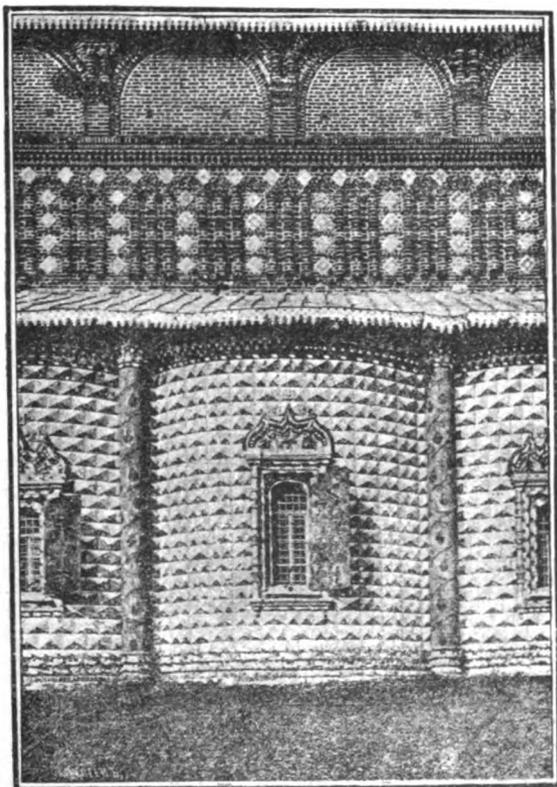

Рис. 90.

чительно поднята сравнительно съ первоначальной. Первоначальная же крыша, по словамъ лѣтописи Феодоровской церкви, сгорѣла въ 1708 г.: „погорѣ покровъ и главы“. Первая крыша отличалась отъ существующей и была нѣсколько положе, потому что главы у своихъ осно-

ваній подъ существующей крышей имѣють тѣ украшенія изъ тягъ съ изразцами, которыя и видимъ на реставраціи рис. 91.

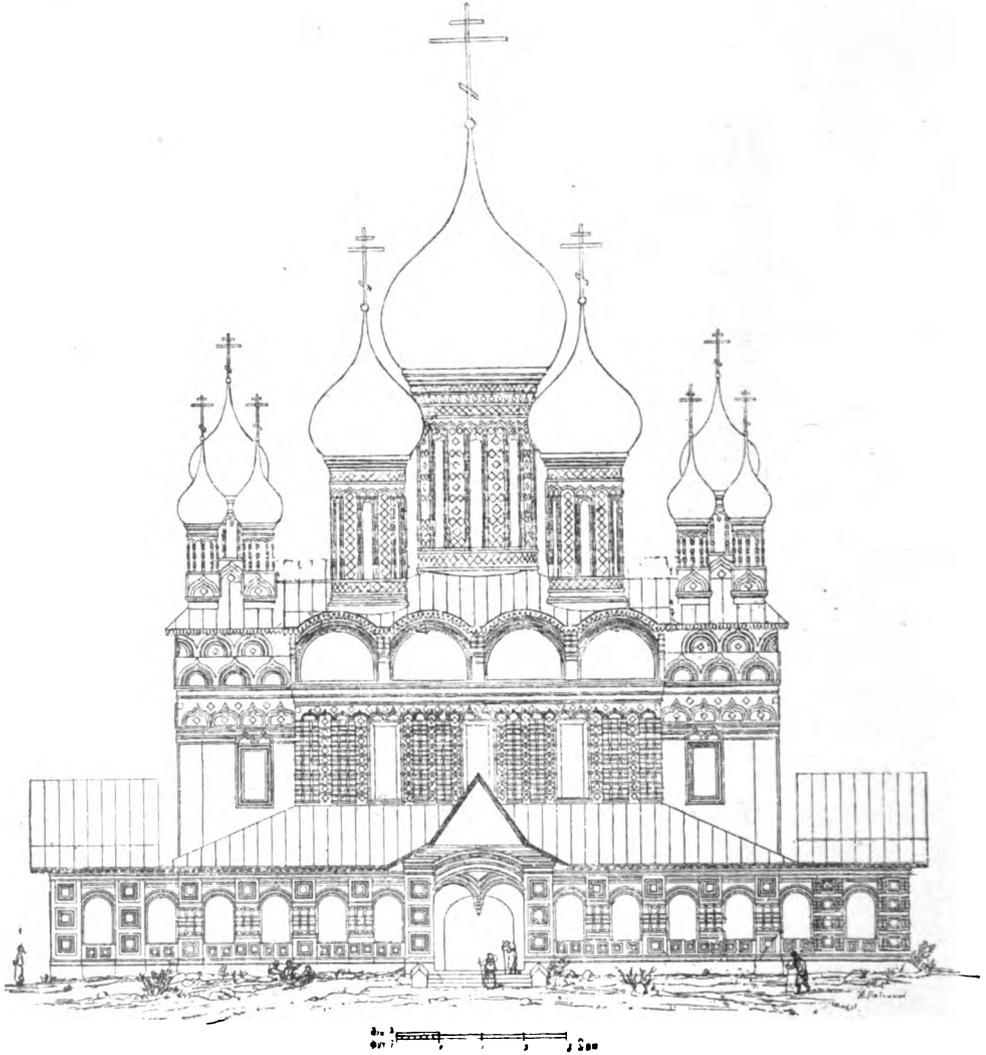

Рис. 91.

Существующія луковицы, тоже сдѣланы сравнительно недавно, а именно боковыя— между 1774—1781 г. Перво-

начально онѣ были меньше, такъ какъ при реставраціи крышь онѣ оказываются нѣсколько тяжелыми. Средняя же, т.-е. самая большая, сдѣлана еще позднѣе, между 1792—94 г., тогда для производства работы была устроена своя кузница, что видно изъ приходорасходныхъ книгъ, сохранившихся при церкви.

Всѣ главы, т.-е. луковицы или маковицы, до 1859 года были бѣлыя, луженыя; вызолочены же онѣ въ 1859 году ярославскимъ купцомъ Ѳ. И. Крашенинниковымъ. Средняя луковица особенно замысловата, но она не вяжется со всѣми остальными, профиль ея видѣнъ на разрѣзѣ (рис. 89). Въ ея формѣ видно желаніе увеличить вышину средней главы. Это стремленіе увеличить вышину главы, вѣроятно, вызвано новой крышей. Новая, существующая крыша, закрыла основаніе всѣхъ главъ и особенно средней, стало-быть, она укоротила всѣ главы и больше всѣхъ среднюю. Вслѣдствіе этого главы стали непропорціонально малы. Надо было увеличить ихъ вышину и особенно поднять среднюю луковицу такъ, чтобы остаться въ пропорціи съ остальными, и не сдѣлать ее черезчуръ большого діаметра. Поднятіе крыши для ускоренія ската воды ведетъ за собой укорачиваніе главъ, вслѣдствіе закрытія ихъ снизу, и поэтому вызываетъ противоположное стремленіе удлинить или поднять луковицу. Ниже мы укажемъ на такіе примѣры при разборѣ церковей Ростовскаго Кремля. Подтвержденіемъ того, что первоначально средняя глава въ Іоанно-Предтеченской церкви была такой же формы, какъ остальные, т.-е. безъ всякихъ вычуръ, служитъ изображеніе этого храма на гравюрѣ „видъ города Ярославля 1731 г.“, хранящейся въ Ярославскомъ Статистическомъ Комитетѣ (рис. 92), гдѣ средняя глава, какъ и боковая, луковичная.

Боковые предѣлы храма покрыты каждый пятью гла-

вами. Отдѣлка стѣнъ предѣловъ, какъ видно на рис. 91, совершенно другая, чѣмъ самага храма; здѣсь уже нѣтъ той массы колонокъ, какъ на средней части храма. Стѣны предѣловъ гладки; по угламъ идутъ гладкія лопатки. Окна, сравнительно, короткія; наличники, въ видѣ рамы, наверху врѣзываются въ карнизъ двумя кокошниками. На карнизѣ стоитъ рядъ кокошниковъ болѣе крупныхъ и надъ собой имѣетъ второй карнизъ; на второмъ опять рядъ кокошниковъ, далѣе небольшой уступъ несетъ на

Рис. 92.

себѣ еще третій рядъ кокошниковъ и наконецъ крышу. Эти три ряда кокошниковъ, гладкія стѣны и лопатки, а равно, несоразмѣрно малыя пять главъ не производятъ цѣльнаго впечатлѣнія съ храмовъ. Предѣлы эти будто придѣланы позднѣе. Если снаружи смотрѣть на сѣверный предѣлъ, то не трудно замѣтить разницу въ цвѣтѣ кирпича, а именно: нижняя часть предѣла, т.-е. первый этажъ, сложена изъ кирпича одного цвѣта, и этотъ же кирпичъ поднимается по срединѣ стѣны въ видѣ фрон-

тона. Выше предѣлъ законченъ кирпичомъ другого цвѣта. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что первоначально храмъ былъ задуманъ съ одно-этажными предѣлами, заканчивающимися въ видѣ фронтоновъ, какъ это видимъ въ другихъ ярославскихъ церквахъ, напр. Θεодоровской, Богоявленской и друг.

Если на предѣлахъ были фронтонныя покрытія, то примыкающая къ нимъ галерея вѣроятно не имѣла фронтонныхъ входныхъ пристроекъ, такъ какъ ставить рядомъ два почти одинаковыхъ фронтона слишкомъ не эстетично, да и входы эти не вполне связаны съ остальной галлереей, поэтому полагаемъ, что первоначально церковь была задумана съ фронтонными предѣлами, не имѣвшими главъ; входъ же на галерею не имѣлъ нынѣшнихъ фронтонныхъ пристроекъ. Дѣйствительно на рисункѣ 92 (1731 г.) галерея показана безъ фронтоновъ.

Существующія фронтонныя пристройки вполне сходны по стилю съ храмомъ, но въ деталяхъ есть особенности, напр. входъ съ юга представляетъ весьма богатую отдѣлку столба квадратами съ мелкими колонками по угламъ и изразцами въ срединѣ. Эти колонки по формѣ похожи на колонки галереи, но значительно меньше ихъ; разность въ масштабѣ опять таки говоритъ въ пользу того, что онѣ не разомъ построены; послѣднее также подтверждается и несходствомъ тягъ въ углахъ при соединеніи входовъ съ галлереей.

Прекрасная по рисунку галерея, хотя имѣетъ кое-какія неправильности, особенно въ нижней своей части, при началѣ оконъ, но формы ея легко возстановить, т.-е. идеализировать. Богатая рисункомъ и смѣло задуманная, съ тремя колонками между оконъ, съ квадратами вверху и внизу, она представляетъ прекрасный образецъ закрытой галереи.

Покончивъ такимъ образомъ разборъ этой церкви, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе: по плану и фасаду, т.-е. по массамъ своимъ, эта церковь ведетъ свое начало отъ древнѣйшихъ русскихъ каменныхъ церквей кубическаго типа. Что же касается деталей, то онѣ иногда напоминаютъ деревянное рѣзное дѣло. Кромѣ того, рядъ замѣченныхъ неправильностей заставляетъ предположить, что архитекторъ, строившій этотъ храмъ, во время самой постройки, въ силу какихъ-то причинъ, былъ поставленъ въ необходимость дѣлать разныя измѣненія, словомъ, окончить храмъ не такъ, какъ онъ былъ первоначально задуманъ.

Подобнаго же стиля храмъ, не менѣе замѣчательный, находится въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ¹⁾. Онъ обмѣренъ, снятъ, обследованъ и изданъ г-мъ Суловымъ въ статьѣ „Древніе соборы въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ“. Приводимая имъ реставрація этого храма имѣетъ такое же покрытие какъ и ц. Іоанна Предтечи въ Толчковѣ. То же видимъ и въ другихъ церквахъ, напр. у Николы Мокраго; здѣсь детали очень напоминаютъ оба вышеупомянутые храма.

Другая замѣчательная церковь Іоанна Златоуста въ Коровникахъ. Начата она при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и московскомъ патріархѣ Іосифѣ въ 1649 г. на иждивеніе посадскихъ людей, жителей Коровинской слободы и прихожанъ этой церкви Ивана и Феодора Неждановскихъ. Благословеніе на постройку давалъ ростовскій митрополитъ Варлаамъ. Освященіе этого храма совершено въ 1654 г., а стѣны его расписаны въ 1735 г. усердіемъ посадекаго челоуѣка Ивана Ивановича Неждановскаго.

¹⁾ См. Др. Рост. и Яр. табл. IV.

Планъ церкви (рис. 93) весьма напоминаетъ планъ разсмотрѣнной выше церкви Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ.

Главная масса — почти квадратъ; по срединѣ два столба; алтарь отъ мірянъ отдѣленъ невысокой стѣнкой съ тремя проходами; съ востока алтарь кончается тремя полукружіями; всѣ три отдѣленія его соединяются двумя арками. Съ сѣвера и юга приставлены два предѣла, имѣющіе каждый двери: одну въ алтарь, а другую на гал-

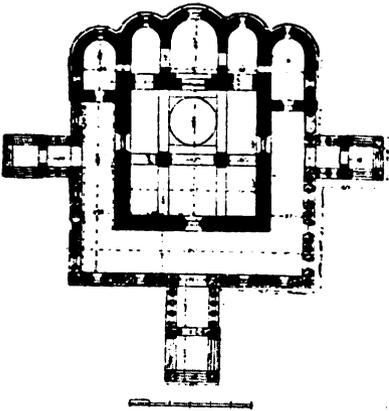

Рис. 93.

Рис. 94.

лерю. Галерея, какъ у Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, окружаетъ храмъ съ трехъ сторонъ и имѣетъ три входныхъ пристройки съ высокими фронтонами. Разрѣзъ по алтарной части представляетъ опять ту же особенность какъ и Толчковская церковь, то есть своды алтаря на половинѣ высоты храма образуютъ антресоль-тайникъ. Тайникъ крытъ коробовымъ сводомъ, а западная часть нефа бочарнымъ сводомъ. Здѣсь восточная наружная стѣна храма тоже стоитъ на сводахъ алтаря.

Снаружи храмъ частію штукатуренъ, частію кирпич-

ный и кое-гдѣ украшенъ изразцами (рис. 94). Главная масса съ запада надъ галлереей дѣлится вертикально на три части; въ каждой части по два окна съ фасада; на углахъ стоитъ по пяти колонокъ изъ кирпича безъ штукатурки: низъ и верхъ ихъ узорчатый изразчатый; среднія лопатки плоскія: онѣ очевидно позднія и сдвинуты къ срединѣ для того, чтобы вверху можно было сдѣлать три полукруга одинаковой вышины подъ общій горизонтальный карнизъ. Вотъ почему среднія лопатки вѣхали въ наличники оконъ. Первоначальный фасадъ, очевидно, былъ другой. Прежде чѣмъ говорить о немъ, необходимо замѣтить, что внутренняя конструкція храма дѣлитъ все зданіе на три неравныя части: середина шире боковъ и вовсе не соотвѣтствуетъ дѣленію фасада. При такомъ размѣщеніи тягъ, крыша по полукругамъ, становится невозможной потому, что линіи полукруговъ не сойдутся съ линіями сводовъ церкви. Для возстановленія фасада слѣдуетъ среднія лопатки передвинуть на средину оконныхъ промежутковъ, тогда наружное дѣленіе фасада будетъ соотвѣтствовать внутреннему, — среднее дѣленіе будетъ шире боковыхъ. Если сдѣлать покрытіе по тремъ законамъ, то явится возможность открыть нижнія части главъ и обнаружить скрытыя подъ существующей нынѣ крышей украшенія въ видѣ кокошниковъ.

Изображеніе церкви Іоанна Златоуста находится также на гравюрѣ г. Ярославля (рис. 95). Тамъ этотъ храмъ представленъ пятиглавымъ, но безъ галлерей и предѣловъ; только небольшіе фронтальные входы приставлены къ самымъ стѣнамъ храма. Намъ кажется, что первоначально этотъ храмъ былъ именно такимъ. Въ самомъ дѣлѣ, взглянувъ на планъ, видимъ, что западныя стѣнки предѣловъ, отдѣляющія ихъ отъ галлерей, не связаны съ алтарной стѣной главной части храма, а наружная ша-

тровая форма имѣтъ совершенно другой типъ, другое происхожденіе, нежели средина храма. Средняя пятиглавая церковь, конечно, ведетъ свое начало отъ первыхъ византійско - русскихъ каменныхъ церквей кубическаго типа, а предѣлы, хотя и исполнены изъ камня, происходятъ отъ деревянныхъ церковныхъ построекъ. Поэтому предѣлы не вяжутся съ общимъ и не производятъ цѣльнаго впечатлѣнія. Галерея, окружающая храмъ, вѣро-

Рис. 95.

ятно, пристроена одновременно съ шатрами и въ началѣ была открытой. Арки опирались на фигурныя колонки, какъ показано черной краской на нашемъ планѣ (рис. 93), и были открыты. Затѣмъ, вслѣдствіе атмосферическаго неудобства, потребовалось арки закрыть и для свѣта сдѣлать окна, которыя, хотя и носятъ вполнѣ древній характеръ, но должны принадлежать къ XVIII вѣку, какъ и входныя пристройки съ ихъ оригинальными фронто-

нами смѣлой композиціи. Эти фронтоны имѣютъ одну или двѣ гирьки—подвѣски; верхи ихъ украшены живописью и изразцами. Изразчатые карнизы представляютъ почти единственный примѣръ ломаного фронтона своеобраз-

Рис. 96.

разной обработки. Фронтоны эти съ боковъ связаны съ галлереей особыми переходами съ окнами. Детали этихъ оконъ весьма напоминаютъ окна въ церкви Богоявленія въ Ярославлѣ, что опять-таки указываетъ на общую

связь этихъ церквей. Говоря объ изразцахъ, нельзя не указать на среднее алтарное окно, громадный наличникъ котораго сдѣланъ изъ изразцовъ со всѣми обломами, балясинками и тягами.

Фронтоны и шатровыя пристройки встрѣчаются во многихъ другихъ ярославскихъ и окрестъ лежащихъ церквяхъ, такъ напр. въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ; въ Крестовоздвиженскомъ соборѣ (рис. 96) видимъ пять главъ на храмѣ кубическаго типа, съ двумя шатрами по бокамъ.

Въ Ярославлѣ храмъ Николая Мокраго тоже пятиглавый съ двумя шатрами по бокамъ; шатры послѣдняго весьма похожи на Иоанно-Златоустовскіе въ Коровникахъ. Въ оградѣ Николы Мокраго находимъ два храма, стоящихъ рядомъ, передъ каждымъ выстроено по кирпичному входу съ богатыми изразчатыми украшеніями на карнизахъ и стѣнахъ (рис. 97). Надъ каждымъ входомъ по небольшому шатрику, поставленному на четырехъ кокошникахъ, разукрашенныхъ изразцами, покрытіе ихъ сдѣлано на два ската, такъ что спереди и сзади образуются по фронтоны, верхи которыхъ заполнены иконописью. Общія массы этихъ входовъ напоминаютъ простую деревянную церковь въ видѣ избы съ шатровой главкой. Очевидно всѣ эти формы тоже заимствованы изъ деревяннаго зодчества.

Нельзя не указать и на церковь Ильи Пророка (рис. 98). Храмъ этотъ съ перваго взгляда представляется довольно сложнымъ: стоитъ онъ на подклѣти; главная его масса кубическая, пятиглавая; фасадъ довольно простъ; въ настоящее время крытъ подъ одинъ карнизъ, но кры-

ша его тоже поднята и потому закрываетъ низы главъ;
первоначальное покрытие было по кругамъ, что очевидно

Рис. 97.

до сихъ поръ, потому что промежутки между кокошниками нетщательно задѣланы, это легко прослѣдить по

натурѣ; покрытіе и здѣсь было по кокошникамъ; вслѣдствіе этого является возможность значительно опустить крышу и открыть низы главъ, украшенные кокошниками.

Храмъ этотъ не имѣетъ тайника; его алтарь открытъ до верху и надъ престоломъ виситъ прекрасная рѣзная стѣна (см. ниже). Галерея этой церкви украшена росписными аркадами вокругъ дверей съ богатымъ изразцовымъ

Рис. 98.

убранствомъ по низу стѣнъ. Западная часть галереи имѣетъ удлиненіе на югъ; къ этому удлиненію приставленъ шатровый предѣлъ, украшенный кокошниками и высокимъ шатромъ (рис. 98), который, по важности своего вида, ничуть не уступаетъ колокольнѣ, стоящей у сѣверо-западнаго угла храма. Внутри этого предѣла есть остатки верхней части древняго иконостаса, состоящаго

изъ нѣсколькихъ рядовъ иконъ, вставленныхъ въ тѣбла довольно простой работы.

Колокольнямъ въ Ярославлѣ придавали большое значеніе и строили ихъ очень высокими, при чемъ особенно старались украшать ихъ верхъ. Колокольня въ Ильинской церкви не особенно высока, и имѣетъ видъ восьмиграннаго столба; низъ ея, почти гладкій, дѣлится на три части двумя горизонтальными поясками; верхъ же украшенъ гораздо богаче; выше арокъ, гдѣ висятъ колокола, начинается шатеръ съ двумя рядами красивыхъ слуховыхъ оконъ и главкой наверху. Колокольня эта хотя и приставлена къ церкви, но сама по себѣ составляетъ какъ бы отдѣльное зданіе.

Болѣе высокія колокольни съ низомъ, совершенно лишеннымъ отдѣлки, видимъ въ Коровникахъ, въ Толчковѣ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ и друг. Колокольни эти стоятъ отдѣльно; низы ихъ безъ отдѣлки, а верхи украшены высокими богато убранными шатрами, которые, рисуя въ воздухѣ прекрасный силуэтъ, увеличиваютъ красоту перспективы города.

Шатры дѣлались обыкновенно въ видѣ восьмигранной пирамиды, но иногда гранямъ придавали вогнутую форму, какъ напр. въ Суздальскихъ колокольняхъ. Такіе шатры на взглядъ кажутся непрочными, жидкими, но слѣдуетъ замѣтить, что вогнутая линія ихъ весьма рациональна: она, приближаясь къ такъ-называемой линіи скорѣйшаго стока, скатываетъ воду скорѣе плоскости, а въ конструктивномъ отношеніи, какъ извѣстно, наиболѣе устойчивая; поэтому такую форму придаютъ зданіямъ, которыя должны выдерживать большое сопротивленіе напр. маякамъ. Тѣмъ же закономъ устойчивости руководствовался, конечно, и инженеръ Эйфель при постройкѣ своей Парижской башни.

Разсматривая колокольни, выше уже замѣтили, что ярославцы любили ставить ихъ отдѣльно и дѣлали это, вѣроятно, по трудности задачи. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о связи колокольни съ храмомъ есть вопросъ открытый. Выстроить храмъ напр. пятиглавый съ колокольной такъ, чтобы все зданіе казалось цѣльнымъ и было въ общемъ хорошо связано—чрезвычайно трудно. Трудность еще болѣе увеличивается, если къ пятиглавой церкви кубическаго типа съ луковицами приставимъ шатровую колокольню, т.-е. будемъ согласовать двѣ разнородныя формы, первую ведущую свое начало отъ камня и вторую—отъ дерева.

Присутствіе множества шартовъ отличаетъ ярославскіе храмы отъ другихъ, составляя его мѣстную особенность, такъ же какъ и пристройка фронтоныхъ входовъ. Своеобразная отдѣлка стѣнъ выражается въ манерѣ ставить во множествѣ колонки въ перемежку съ квадратомъ, украшеннымъ изразцами, какъ это видно въ церквахъ Іоанна Предтечи, Борисоглѣбскомъ соборѣ и друг. Огромное присутствіе изразчатыхъ украшеній въ видѣ цѣлыхъ карнизовъ, какъ въ Коровникахъ и у Николая Мокраго, цоколей,—какъ на паперти Ильинской церкви, наличниковъ у оконъ,—какъ въ Коровникахъ на среднемъ выступѣ алтаря и проч., тоже составляетъ особенность г. Ярославля и не встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Эти-то особенности, присущія болѣе всего Ярославлю и его окрестностямъ, слѣдуетъ считать за отличительную черту Ярославскаго стиля.

Сказаніе объ участіи голландскихъ мастеровъ при сооруженіи ярославскихъ церквей, равно какъ, и указанія надписей, на этихъ мастеровъ, имѣющихся на церковной ярославской утвари, вызвали запросъ, поставленный на

Ярославскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, о вліяніи, которое могли имѣть эти мастера на мѣстную архитектуру; но, изучая церкви города Ярославля и разбирая ихъ архитектурныя подробности, мы не можемъ не признать стиль ихъ чисто русскимъ.

Если иностранные мастера и участвовали въ постройкахъ Ярославля, то они строили не въ своемъ западно-европейскомъ стилѣ, а были поставлены въ необходимость сохранить всѣ особенности русскаго стиля. Вліяніе Запада видимъ однакожъ на поливѣ изразцовъ, которыми такъ обильно усыпаны ярославскіе храмы, на внутренней росписи стѣнъ, гдѣ находимъ изображеніе множества зданій уже не въ русскомъ стилѣ, а въ западно-европейскомъ. То же можно сказать и про костюмы фигуръ на внутренней росписи стѣнъ церквей, носящихъ отчасти характеръ нѣмецкій. Но разборъ живописи стѣнъ не входитъ въ задачу настоящаго сочиненія.

Въ то самое время, когда въ г. Ярославлѣ во множествѣ строились церкви, въ Ростовѣ проявляется также сильная строительная дѣятельность. Здѣсь митрополитъ Іона Сысоичъ строить разомъ нѣсколько церквей весьма отличныхъ отъ ярославскихъ и, вообще, отъ церквей другихъ городовъ.

Ростовскія церкви находятся въ близкой связи съ военными сооруженіями. Эта связь рождаетъ особую комбинацію массъ. Всѣ церкви такого типа, обыкновенно, находятся во второмъ этажѣ и чаще всего стоятъ на воротахъ.

Съ наружнаго фасада, по сторонамъ воротъ, стоятъ высокія башни, которыя непосредственно связаны съ кремлевскими стѣнами. Ворота иногда имѣютъ поворотъ, какъ напр. ц. Іоанна Богослова въ ростовскомъ кремлѣ.

Чтобы ознакомиться съ памятниками подобнаго рода, остановимся нѣсколько подробнѣе на церкви Іоанна Богослова. Церковь эта выстроена въ 1683 г. Она небольшая и поставлена на сводахъ воротъ. Входъ въ нее изъ кремля, съ южной стороны алтаря. Главна ямасса имѣетъ почти квадратный планъ (рис. 99) съ тремя дверями, выходящими на галерею: на сѣверъ, западъ и югъ. Двери эти, со стороны галереи, имѣютъ оригинальную отдѣлку, каждая въ своемъ родѣ. Онѣ представляютъ аркаду на колоннахъ; аркада дѣлится тягами, расположенными по направленію къ центрамъ. Все раскрашено разными тонами и производитъ пріятное впечатлѣніе, а по архитектурной разбивкѣ, встрѣчаясь болѣе всего въ Ростовѣ, составляетъ особенность ростовскаго стиля, хотя подобную работу можно встрѣтить и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ г. Муромѣ. Галерея окружаетъ храмъ съ трехъ сторонъ: съ запада она шире, чѣмъ съ боковъ, и составляетъ какъ бы продолженіе военныхъ стѣнъ кремля. Двѣ двери, съ сѣвера и юга, ведутъ на стѣны. Круглыя башни разнаго діаметра замыкаютъ западную стѣну этой галереи. Башни по плану стоятъ не вполнѣ симметрично: сѣверная нѣсколько врѣзалась въ галерею, такъ что и входъ въ нее приходится съ галереи церкви; южная же едва касается галереи и потому имѣетъ выходъ на стѣну.

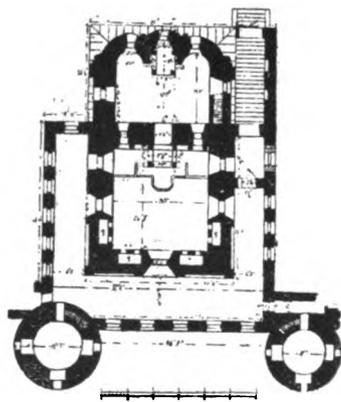

Рис. 99.

Алтарь церкви отдѣленъ каменной стѣной, тоже съ тремя дверями: сѣверными, царскими и южными.

Алтарный выступъ съ востока оканчивается тремя по-

лукружіями. Въ среднемъ полукружіи подъ сводикомъ— на четырехъ колоннахъ устроено каменное сидѣнье для митрополита, похожее по устройству на предвходіе въ царскіе двери. Каменная стѣна, отдѣляющая алтарь отъ прихожанъ, такой же толщины, какъ и наружныя стѣны храма. Съ западной стороны, т.-е. со стороны храма, для взоровъ прихожанъ она представляетъ весьма оригинальный иконостасъ. Деревянныя царскія двери помѣщены въ каменной аркѣ; по бокамъ ихъ, а равно, и по бокамъ сѣверныхъ и южныхъ дверей, стоятъ каменные, золоченныя колонны (см. планъ рис. 99). Впереди царскихъ дверей

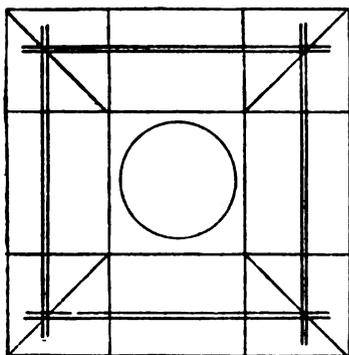

Рис. 100.

стоятъ еще двѣ колонны, соединенныя между собой арочками съ алтарными колоннами, такъ что передъ царскими вратами образуется особое крытое предвходіе.

По бокамъ царскихъ вратъ между колоннами сдѣланы углубленія, покрытыя арками и украшенныя архитектурно снизу; въ аркахъ находятся надписи, свидѣтельствующія, что церковь строена Іоной и проч.

Выше царскихъ дверей, надъ первымъ ярусомъ алтарная стѣна расписана въ извѣстномъ порядкѣ, согласно требованію иконографіи.

Покрытіе храма сводами тоже составляетъ особенность, рисующую ростовскій стиль: главная масса храма, на которой стоятъ пять главъ, покрыта сомкнутымъ сводомъ съ четырьмя распалубками къ срединамъ стѣнъ (см. рис. 100—планъ и рис. 101—перспективу); на этихъ сводахъ стоятъ пять главъ. Средняя глава, съ окнами,

открыта снизу, а четыре другія, безъ оконъ и снизу закрытыя, устроены очевидно только для фасада. Внутри, въ стѣнахъ этой церкви, на высотѣ около двухъ сажень, устроены особыя поля мѣста, назначеніе которыхъ до сихъ поръ еще не вполне выяснено. На планѣ (см. рис. 99), онѣ обозначены буквою *q*, имѣютъ четырехугольную форму и сверху перекрыты коробовыми сводами; съ внутренностью же церкви они сообщаются двумя круглыми отверстіями, вершка по четыре въ діаметрѣ, какъ это видно на перспективѣ (см. рис. 101). Эти поля мѣ-

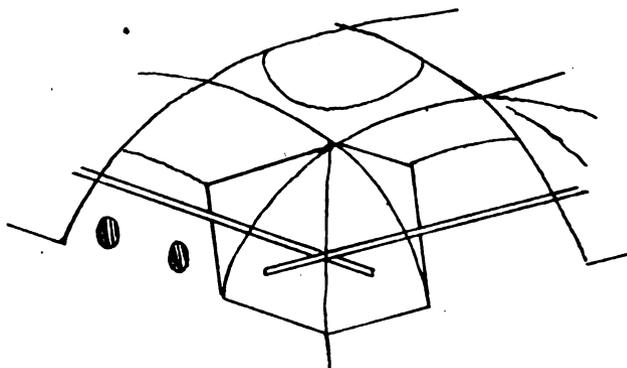

Рис. 101.

ста, вѣроятно, имѣли акустическое значеніе, т.-е. играли роль голосниковъ. Опытъ произведенный нами, какъ бы подтвердилъ такое предположеніе: ноты, взятыя голосомъ противъ круглаго отверстія, звучатъ гораздо сильнѣе нотъ, взятыхъ съ той же силой, отвернувшись отъ отверстія; если же взять ноту въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него и, держа ее, повернуться къ отверстию, то легко отличить тѣ моменты, когда звукъ будетъ направленъ прямо въ отверстіе. На основаніи этого опыта предполагаемъ, что эти поля мѣста сдѣланы для звука, хотя они не похожи на обыкновенные голосники, — небольшой кувшинообразной формы. Голосники эти, въ

отличіе отъ общепринятыхъ, назовемъ *резонаторами*. Они дѣлають церковь дѣйствительно замѣчательною въ акустическомъ отношеніи: алтарь, какъ выше видѣли, отдѣленъ толстой каменной стѣной, но если запереть всѣ три двери, которыя плотно его закрываютъ, то все-таки каждое слово, произнесенное въ алтарѣ, слышится молящимися совершенно отчетливо. Подобный же резонаторъ находится и въ алтарной стѣнѣ, со стороны алтаря.

Изъ алтарнаго окна, съ южной стороны, съ подоконника, начинается лѣстница и идетъ въ толщинѣ стѣны на

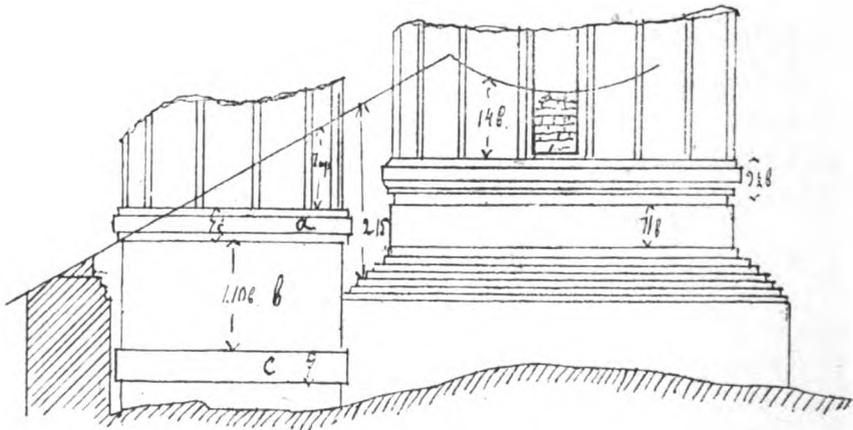

Рис. 102.

чердакъ, подъ самую крышу. На чердакъ (см. рис. 102) видно начало барабановъ главъ. Средняя глава имѣетъ, вмѣсто постамента, рядъ кирпичныхъ уступовъ у основанія, кромѣ горизонтальнаго пояса, на который упираются всѣ вертикальныя тяги, видимыя снаружи, поверхъ крыши. Боковыя же главы имѣютъ ниже пояса (а) гладь (в) и второй поясъ (с). Тяги эти, конечно, первоначально были открыты; крыша была гораздо ниже и, какъ увидимъ, совершенно другой формы. Въ самомъ дѣлѣ, снаружи на фасадѣ видимъ подъ нынѣ существующей крышей

три арки съ каждой стороны, такъ же точно, какъ въ ц. Воскресенія (рис. 107). Арки эти, въ вершинѣ, имѣютъ заостренное подвышеніе. На внутренней линіи арокъ оно не тронута, а въ наружной второй линіи хотя и ясно видно, но подходитъ подъ самое желѣзо, гдѣ нѣсколько сбито. Внутри же чердака, на наружныхъ стѣнахъ, подвышенія эти сохранились гораздо отчетливѣе, хотя и были сбиты подъ желѣзную крышу, при укладкѣ стропиль. Стало-быть, первоначально *крыша имѣла заостренныя подвышенія и шла по полукругамъ*. Остается рѣшить вопросъ, какъ низко находились яндовы; но на это указываетъ линія *m n* (рис. 103), на которой установлены

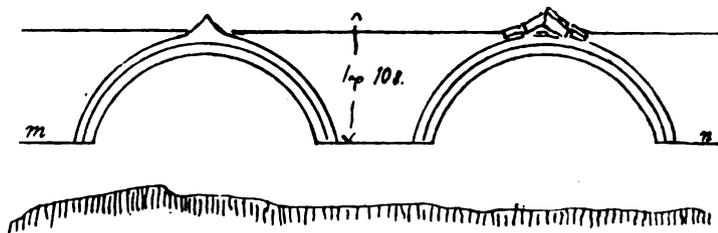

Рис. 103.

на чердакѣ всѣ кокошники и остатки наружныхъ тягъ, сохранившіеся на всѣхъ фасадахъ. Тяги эти, какъ видно въ натурѣ, были двойныя и состояли изъ полувалика, гладцы, четверть валика и полочки. Покрытіе, полукругами, понижаетъ крышу и открываетъ низы главъ, согласно первоначальному ея виду. Средняя глава въ натурѣ окажется непропорціонально длинной; происходитъ это отъ того, что при поднятіи крыши подъ общій карнизъ она была наложена, что подтверждается и ея многочисленными верхними горизонтальными тягами, которыя представляютъ скучную, позднюю накладку; тоже видимъ и въ соборѣ (рис. 113). Для возстановленія пропорцій надо уничтожить три верхнія тяги, перенеся верх-

Рис. 104 1).

1) На этомъ рисункѣ существующая крыша подъ одинъ карнизъ снята, обнаружены низы главъ (см. рис. 102) и сдѣлано покрытие плечъ съ заостреннымъ подвышеніемъ. Со средней главы снята накладка въ видѣ трехъ перепоясокъ, образующихъ еще болѣе длинную шею чѣмъ на рис. 113.

ній карнизъ съ главой на мѣсто второй тяги снизу, т.-е. на мѣсто перваго полувалика, какъ показано на реставраціи рис. 104; тогда получимъ первоначальную форму покрытія и главы.

Фасады стѣнъ главной массы сравнительно сохранились, хотя фальшивая аркада, идущая надъ первымъ этажемъ съ окнами, требуетъ значительнаго исправленія.

Крыша надъ алтаремъ тоже новая; ея восточная часть, конечно, шла по кривой и обрисовывала линію плана.

Галлерей, окружающая церковь, имѣетъ разные фасады: со двора она имѣетъ окна съ круглыми перемычками, окруженными, сравнительно, богатой тягой, спускающейся до высоты пять. Простѣнки украшены квадратами; тоже видимъ и на подоконномъ поясѣ. Та же галлерей съ западной стороны имѣетъ другой фасадъ: здѣсь окна перекрыты двумя арочками съ гирькой по срединѣ. По бокамъ, какъ бы точенія колонки, перекрытыя карнизомъ, на которомъ стоитъ по кокошнику, составленному изъ кривыхъ по общей формѣ приблизившемуся къ фронтоу. Подъ окнами идутъ четыре ряда сплошныхъ квадратовъ. Такіе квадраты есть и ниже, между арками воротъ, въ пятомъ и шестомъ ряду, гдѣ позволяетъ мѣсто. Ворота сдѣланы въ три арки: средняя—самая широкая и двѣ боковыя—поуже; арки стоятъ на фигурныхъ колонкахъ, въ лѣвой замѣтно движеніе. Это обстоятельство вѣроятно и вызвало второй—нижній рядъ арокъ, которыми проѣздъ нѣсколько суженъ; когда же показалось движеніе въ лѣвой аркѣ второго ряда, арки заложили на глухо, и проѣздъ прекратился.

Недалеко отъ церкви на стѣнѣ стоитъ небольшая звонница, въ видѣ четырехугольной шатровой башенки съ двумя арочками съ каждой стороны.

Другая, подобная же церковь, во имя Воскресенія, находится на сѣверной стѣнѣ того же Кремля; она ровесница первой и тоже расположена на воротахъ. На планѣ ея (рис. 105), вы видите вытянутый четырехугольникъ отъ запада къ востоку съ алтаремъ, отдѣленнымъ тоже каменной стѣнкой, съ тремя дверями; предъ царскими дверями сдѣлано предвходіе на колонкахъ, весьма похожее на алтарное сидѣнье, помѣщенное въ среднемъ выступѣ у окна; солея поднята на четыре ступени и огорожена невысокой каменной стѣнкой; къ боковымъ стѣнамъ приставлены высокіе пьедесталы съ парой колоннъ на каж-

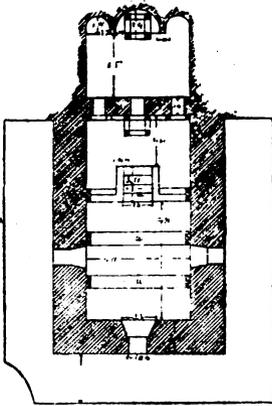

Рис. 105.

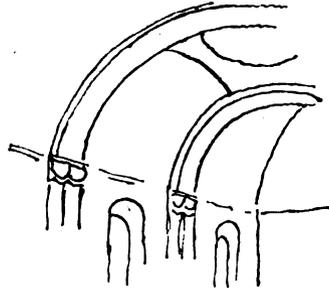

Рис. 106.

домъ; каждая колонка дѣлится горизонтальными поясками на 7 частей; на каждую пару колонокъ опирается поперечная арка *a*, между которыми переброшенъ коробовой сводъ; послѣдній, подходя къ основанію средней главы, нѣсколько вспарушенъ; это вспарушеніе позволяетъ ему подъ главой образовать перерывъ, какъ это видно на рис. 106;—расположеніе довольно смѣлое и рѣдкое. Западный и восточный концы церкви, а равно и алтарь крыты сомкнутыми сводами; послѣдній на востокъ обра-

зуетъ три полукружія. Церковь окружена галлереей, которая соединяется съ кремлевской стѣной и имѣетъ три двери въ церковь; галлерей тянется снаружи въ видѣ аркады между двумя круглыми военными башнями. Главная масса церкви рис. 107, возвышаясь надъ высокими сооружениями и вѣнчается пятью главами.

Рис. 107.

Наружныя стѣны Воскресенской церкви подъ крышей носятъ тѣ же слѣды передѣлки, какъ и церковь Іоанна Богослова, тутъ тоже видны остатки круглаго покрытія. Боковыя главы остались безъ перемѣны, но средняя, вѣ-

роятно, наложена, хотя и не такъ значительно, какъ въ ц. Иоанна Богослова.

Говоря о церквахъ такого рода, нельзя пройти молчаніемъ Борисоглѣбскій монастырь съ ц. Срѣтенія на воротахъ и ц. св. Сергія, (рис. 108 видъ изнутри монастыря) на такъ называемыхъ святыхъ воротахъ; обѣ эти церкви расположены между башнями и построены въ XVI вѣкѣ,

Рис. 108.

слѣдовательно до Ростовскихъ, и потому, по массамъ своимъ, могли служить прототипомъ для первыхъ; но наружная отдѣлка,—ворота и галлерей несомнѣнно произведенія позднѣйшія XVII в. Тяги галлерей не сходятся съ тягами башенъ, да и самый стиль болѣе присущъ

XVII вѣку. Пять входныхъ аркадъ (рис. 109) разной ширины, смотря по размѣру, имѣютъ одну, двѣ, даже три подвѣски, т.-е. двѣ, три и четыре арочки; столбы и арки съ разными украшениями составляютъ рѣдкій, если не сказать, единственный примѣръ подобнаго устройства. Ворота эти, а равно и галлерей находятся между двумя военными башнями, на этотъ разъ не круглыми, а гранеными. За галлереей видна церковь кубическаго типа, съ пятью главами; главы закрыты снизу существующей крышей, которая, конечно, тоже поздняя. Такъ какъ

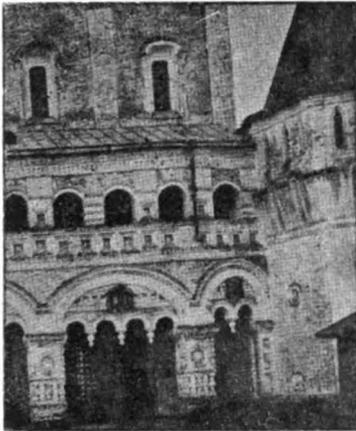

Рис. 109.

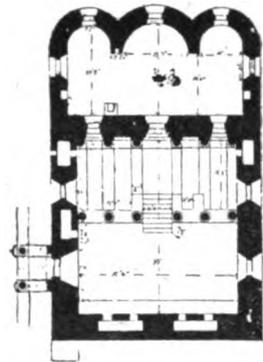

Рис. 110.

главы вверху, на этотъ разъ, не наложены, какъ это видѣли выше, то и въ натурѣ кажутся короткими (рис. 108). Первоначальное покрытіе этого храма, конечно, было по полукругамъ, какъ часто бывало въ XVI вѣкѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ церквей, рисующихъ Ростовскій стиль, мы находимъ въ церкви Спаса на Сѣняхъ, построенной въ 1675 г., весьма интересный вариантъ. Общая форма его плана (рис. 110) напоминаетъ планъ

Иоанно-Богословской церкви. Главная масса — квадратъ; три алтарныхъ полукружія отдѣлены каменной стѣной; въ стѣнахъ тѣ же резонаторы. Но внутреннее устройство этой церкви нѣсколько необыкновенно: солея поднята на восемь ступенекъ и отдѣляется отъ храма аркадой въ пять арокъ съ подвѣсками; арки стоятъ на золоченыхъ колоннахъ, расположенныхъ на полукотной стѣнкѣ; надъ арками поднимается стѣнка, до половины высоты храма, гдѣ и прекращается безъ всякаго карниза; стѣнка эта соединяется съ алтарной стѣнкой подобными же арками, какъ видно на планѣ. Всѣ эти арки, какъ и самая церковь, расписаны; царскія врата представляютъ аркаду, обложенную мѣдью; сѣверныя и южныя врата тоже въ видѣ аркадъ, но расписаны. Церковь крыта сомкнутыми сводами съ распалубками, какъ и церковь Иоанна Богослова; глава у ней одна двухъэтажная, имѣющая въ основаніи четырехранныкъ, который вверху переходитъ въ цилиндръ. Хотя расположеніе сводовъ чердака сходно съ Иоанно-Богословской церковью, но наружное покрытие этого храма было совершенно другое.

Вопросъ этотъ подробно разобрамъ академикомъ архитектуры В. В. Суловымъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: *„Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытия древнерусскихъ церквей“*.

Г. Суловъ, прежде чѣмъ притти къ заключенію о первоначальномъ покрытіи этой церкви, дѣлаетъ всевозможныя предположенія, указывая на разные примѣры, подобныхъ, существующихъ церквей, а также и на рисунки изъ рукописей. Среди дѣлаемыхъ имъ предположеній о покрытіи, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ трехлопастное покрытие (рис. 111).

Дѣлаемъ такое предположеніе потому, что на углахъ

фасада нѣтъ тягъ и даже горизонтальнаго карниза; между тѣмъ, если бока существовали, то несомнѣнно на нихъ долженъ былъ быть и карнизъ, связанный съ капителями среднихъ лопатокъ. Кромѣ того, на чердакѣ этой церкви угловыя накладки значительно тоньше среднихъ частей стѣнъ, которыя обрѣзаны *по кривой*, отвѣ-

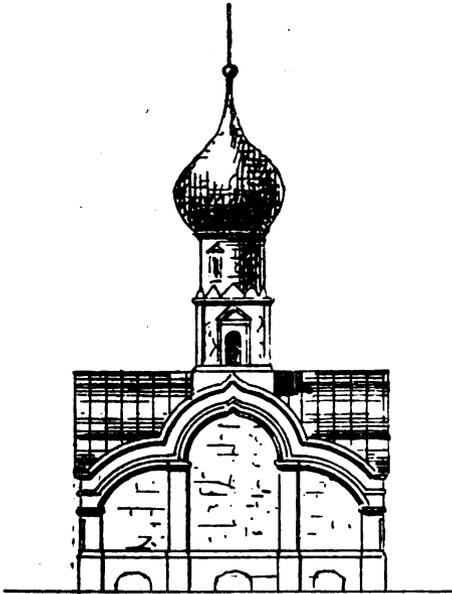

Рис. 111.

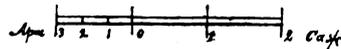
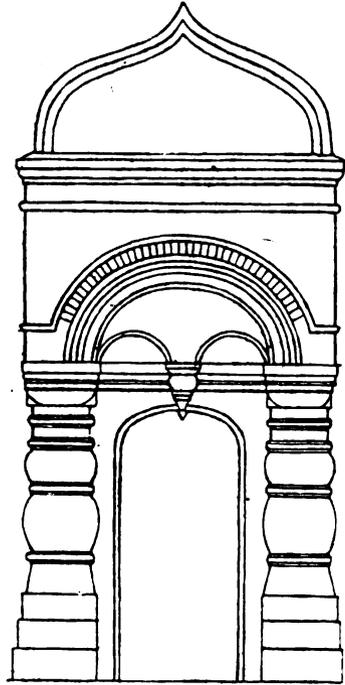

Рис. 112.

чающей наружнымъ тягамъ, что конечно говоритъ въ пользу трехлопаднаго покрытія. Глава церкви столь мала, что угловыя накладкі ея убиваютъ; а трехлопадное покрытіе, какъ болѣе открытое съ угловъ, выдвигаетъ главу и тѣмъ улучшаетъ общія пропорціи церкви.

Обрисовавъ одноглавый видъ церкви Спаса на Сѣняхъ,

замѣтимъ еще, что эта церковь не имѣетъ галереи, окружающей ее съ трехъ сторонъ: имѣетъ всего одинъ входъ съ сѣвера, передъ которымъ стоитъ, весьма типичный, порталъ на двухъ колонкахъ (рис. 112). Вверху, въ

Рис. 113.

общей аркѣ, помѣщены двѣ небольшія арочки съ подвѣской въ срединѣ. Сверху, надъ аркой, карнизъ несетъ на себѣ кокошникъ.

Внѣ стѣнѣ Кремля расположенъ соборъ, — наибольшій храмъ кубическаго типа, съ пятью главами (рис. 113). Соборъ этотъ обыкновенно относятъ къ XIII вѣку, полагая, что прототипомъ ему послужилъ Успенскій соборъ въ г. Владимірѣ.

Въ началѣ XIII столѣтія на Руси, дѣйствительно, процвѣтала владиміро-суздальская архитектура, что доказывается многими нарядными храмами, сохранившимися еще до сихъ поръ. Типъ владиміро-суздальскихъ церквей въ настоящее время выясненъ настолько, что мы считаемъ себя въ правѣ, болѣе чѣмъ, усумниться въ справедливости вышеприведенныхъ сказаній какъ о времени построения существующаго ростовскаго собора, такъ и о подражаніи Успенскому собору во Владимірѣ. Можетъ быть, въ Ростовѣ былъ когда-нибудь соборъ, построенный въ XIII в. по типу владимірскаго Успенскаго собора, но нынѣ существующій въ Ростовѣ храмъ несомненно позднѣйшій и съ владимірскими церквами ничего общаго не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что существуетъ лѣтописное указаніе, что соборъ въ Ростовѣ сгорѣлъ въ 1121 г. и выстроенъ вновь въ 1411 г., потому что во 2-й Софійской лѣтописи сказано: *„Въ лѣто 6919 Григорій епископъ сверши храмъ Пречистыя Ростовскія каменные сборные иже бѣ разрушился отъ пожара“*. Позднее происхожденіе храма очевидно и по слѣдующимъ причинамъ.

1) Древнія церкви Владиміро-Суздальскаго края отличаются сравнительно малыми размѣрами, ростовскій же соборъ, напротивъ, великъ по размѣрамъ, и планъ его менѣе сложенъ, чѣмъ во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

2) Владиміро-суздальскія церкви имѣютъ въ западной своей части каменные хоры, а въ ростовскомъ соборѣ подобныхъ хоръ нѣтъ.

3) Ростовскій соборъ не имѣеть тѣхъ высѣченныхъ изъ бѣлаго камня обронныхъ украшеній, которыми такъ богато покрыты почти всѣ владиміро-суздальскія церкви.

4) Детали собора и покрытія его совершенно тождественны съ другими церквами Ростовскаго кремля, постройки которыхъ, какъ извѣстно, относятся къ XVII столѣтію. При этомъ должно замѣтить, что средняя глава храма стоитъ на ступеньчатыхъ аркахъ, напоминающихъ нѣкоторые московскіе соборы, напр. Благовѣщенскій, по приему, несомнѣнно Псковскаго происхожденія.

По стѣнамъ собора идутъ лопатки, которыя перепоясаны горизонтальными тягами; послѣ перепояски, лопатки и самыя стѣны собора дѣлають уступы; то же видимъ и въ другихъ кремлевскихъ церквахъ Ростова. Подъ окнами верхняго этажа идетъ фальшивая аркада точь въ точь той же формы, какъ аркада на церкви Іоанна Богослова. Отдѣлка главъ совершенно такая же, какъ въ церкви Іоанна Богослова, Воскресенія и друг.; существующая же нынѣ крыша на соборѣ, конечно, поздняя, потому что она закрываетъ иижнюю отдѣлку главъ, которая видна на чердакѣ собора, гдѣ видны малыя и большая главы. Большая глава стоитъ на четырехгранникѣ со скошенными углами; на граняхъ его видны арки, замѣняющія паруса, псковскаго типа. Всѣ украшенія выше поясковъ доказываютъ, что крыша первоначально была ниже и шла по полукругамъ съ заостреннымъ подвышеніемъ, какъ это видно по остаткамъ этихъ полукруговъ, на наружныхъ стѣнахъ собора со стороны чердака. Первоначальное покрытіе и здѣсь было такое же, какъ на другихъ ростовскихъ церквахъ, т.-е. по аркамъ, съ подвышеніемъ въ вершинѣ. Остатки этого покрытія, т.-е. тяги, видны еще и теперь снаружи на всѣхъ углахъ и всѣхъ лопаткахъ.

Древнее изображеніе этого собора, съ его первоначальнымъ покрытіемъ по аркамъ съ заостреннымъ подышеніемъ, сохранилось, на стѣнѣ, внутри самаго собора.

Послѣ всего сказаннаго заключаемъ, что масса собора и его отдѣлка не позволяютъ отнести его всецѣло даже и къ XV вѣку, а приближаютъ его, по наружной отдѣлкѣ, къ XVII столѣтію.

Въ заключеніе намъ остается упомянуть о церкви Спаса на площади. Эта церковь имѣетъ детали, очень похожія на остальные ростовскія церкви: она пятиглавая, четыре главы закрыты съ низу, а средняя открыта и поставлена на сомкнутомъ сводѣ, которой у основанія главы, т.-е. въ своей вершинѣ имѣетъ четырехугольное отверстіе (рис. 114) и около него 4 желѣзныхъ связи. Такая конструкція кажется не вѣроятной, неустойчивой, но архитекторъ, строившій ростовскія церкви, былъ очень увѣренъ въ себѣ и видимо свободно справлялся со сводами по своему усмотрѣнію.

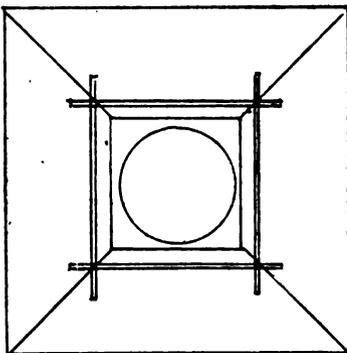

Рис. 114.

Итакъ, ростовскія церкви, связанныя съ военными сооруженіями, рождаютъ совершенно особую комбинацію массъ. Такимъ примѣромъ можетъ служить церковь Іоанна Богослова, Воскресенская въ Ростовѣ, и церкви въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Всѣ церкви такого типа обыкновенно стоятъ на воротахъ. По сторонамъ воротъ стоятъ военныя башни, которыми и оканчиваются кремлевскія стѣны. Надъ воротами идетъ галлеря, состоя-

шая изъ ряда оконъ, или аркады. Галлерей, съ внутренней стороны, имѣеть входную лѣстницу и служить входомъ въ самую церковь. Позади галлерей возвышается главная масса церкви и царитъ надъ всѣмъ сооруженіемъ, вѣнчаясь своими пятью высокими главами. Излѣдованіе чердаковъ обнаружило, что первоначальное покрытіе этихъ церквей было *по аркамъ съ заостреннымъ подвышеніемъ*. Въ настоящее же время яндовы заложены, чтобы сдѣлать крышу подъ одинъ горизонтальный карнизъ, — что и заставило поднять всю крышу и закрыть древнія украшенія на нижнихъ частяхъ барабановъ главъ, которыя теперь находятся подъ крышей и видны на чердакахъ. Вслѣдствіе поднятія крыши, главы съ фасада укоротились и пропорціи нарушились, это заставило удлинить главы; такое удлиненіе дѣйствительно и сдѣлано, какъ видѣли при изученіи церкви Іоанна Богослова, а также, въ Соборѣ и друг.

Для реставраціи, т.-е. приведенія покрытія въ первоначальный видъ, слѣдуетъ дѣйствовать въ обратномъ порядкѣ: снять существующую крышу и обнаружить низы главъ. Обнаружить низы главъ можно только тогда, когда откосъ крыши спустимъ на прежнее мѣсто, въ задѣланные яндовы, мѣста которыхъ отчетливо указываютъ намъ остатки карниза и наружныя стѣны чердака; когда обведемъ карнизомъ арки согласно оставшемуся профилю, средняя глава будетъ непропорціонально велика; ее необходимо будетъ укоротить, т.-е. снять накладку, и тогда получится реставрація верха церкви, вѣрная первоначальному типу.

Покончивъ съ каменными постройками г. Ростова, укажемъ, хотя кратко, на другіе города, имѣющіе архитектурный интересъ.

Въ г. Костромѣ изъ болѣе замѣчательныхъ церквей— Воскресеніе на Дебряхъ. Это церковь — кубическаго типа, пятиглавая, окружена галлереей и имѣетъ оригинальный входъ черезъ калитку каменныхъ воротъ, въ которую упирается лѣстница, ведущая съ галлерей. Рядомъ—ворота, которыя гораздо шире калитки. На верху ихъ три шатровыя главы. Вся церковь испестрена разными красками.

Тамже заслуживаетъ вниманія Успенскій соборъ, хотя древняя церковь значительно измѣнена.

Близъ города стоитъ извѣстный Ипатьевскій монастырь со своимъ обширнымъ пятиглавымъ кубическимъ храмомъ. Средняя глава украшена двойной аркатурой, т.-е. надъ первымъ рядомъ арокъ идетъ второй рядъ арокъ, опираясь на тѣ же колонки.

Подобныя аномаліи, разнаго рода, встрѣчаются и въ московскихъ церквахъ, напр. въ церкви на Берсеновкѣ, Козьмы и Даміана и друг.

Суздаль, издревле знаменитый городъ въ архитектурномъ отношеніи, и въ золотой вѣкъ искусства, имѣетъ своеобразные памятники, достойные вниманія. Къ числу такихъ относятся шатровыя колокольни, шатры которыхъ имѣютъ грани не плоскія, а выложенныя по кривой. Въ конструктивномъ отношеніи этотъ способъ стройки весьма рационаленъ. Такую вогнутую линію придаютъ сооруженіямъ, отъ которыхъ требуется наибольшая устойчивость и сопротивленіе, напр. маякамъ. Такъ былъ выстроенъ напр. этистонскій маякъ. Тѣмъ же закономъ, вѣроятно, пользовался и Эйфель, строя свою башню на Парижской выставкѣ. Кромѣ того, эта вогнутая линія близко подходитъ къ линіи наискорѣйшаго стока воды, имѣя то свойство, что она хотя и длиннѣе прямой, но

вода по ней стекаетъ скорѣе, чѣмъ по прямой, соединяющей ея концы. Кромѣ шатровъ такого рода есть и обыкновенные шатры. Такъ, напр., на воротахъ Ризположенскаго монастыря. Ворота эти, какъ постройка сравнительно рѣдкая, принадлежатъ къ заслуживающимъ вниманія. То же можно сказать и про церкви въ Ризположенскомъ и Покровскомъ монастыряхъ. Главная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что хотя они кубическія, но трехглавыя. Большая глава—по срединѣ и двѣ—по угламъ близъ алтаря. Обѣ церкви значительно измѣнены позднѣйшими передѣлками.

Въ г. Владимірѣ укажемъ только на колокольню Рождественскаго монастыря. Она выдѣляется изъ ряда другихъ тѣмъ, что ея детальная архитектурная отдѣлка начинается съ самаго низа и отличается весьма сочными деталями.

Нельзя не указать также на г. Муромъ. Здѣсь находятся развалины нѣкогда замѣчательной церкви по устройству своего шатра насколько можно о немъ судить по сохранившемуся ея рисунку. Шатеръ ея въ планѣ представляетъ звѣзду, т.-е. наружный контуръ въ видѣ зигзага. Такимъ образомъ шатеръ ограниченъ плоскостями, образующими вдающіеся и выдающіеся двухранные углы. Такіе шатры весьма рѣдки; они чаще встрѣчаются на деревѣ.

Кромѣ того, въ Муромѣ есть два монастыря: одинъ во имя св. Троицы съ предѣломъ Бориса и Глѣба, другой Благовѣщенскій.

Троицкій монастырь имѣетъ колокольню, замѣчательную по стройности своихъ формъ и сочности деталей.

Богатые карнизы второго и третьяго этажей съ фигурными колонками, сильные выступы наличниковъ оконъ

съ простыми и гофренными арками, также восьмигранный верхній этажъ со стройнымъ шатромъ и главкой, заставляють отмѣтить эту колокольню, какъ наиболѣе замѣчательную изъ множества другихъ, разбросанныхъ по разнымъ городамъ Россіи. Рядомъ съ колокольней стоитъ небольшая церковка во имя Казанской Богоматери, шатровая, но уже болѣе слабая по композиціи. Главный же храмъ во имя св. Троицы находится за оградой. Онъ—кубическаго типа, пятиглавый, крытъ по кокошникамъ, наставленнымъ на сомкнутый сводъ. Въ планѣ церковь представляетъ квадратъ, съ востока—три полукружія алтаря, съ запада и юга—паперть, къ которой приставленъ шатровый входъ, испорченный передѣлками. Карнизъ церкви подъ кокошниками—многодѣльный съ забѣленными изразцами, но не изящный, какъ и вообще всѣ детали этой церкви.

Другой монастырь—Благовѣщенскій тоже окруженъ зубчатой каменной стѣной. На воротахъ—небольшая церковь; главный же храмъ—въ оградѣ. Планъ тоже въ видѣ квадрата, съ востока—троечастный алтарь; съ запада—галерея съ пятью шатровымъ входомъ, болѣе характернымъ, чѣмъ въ Троицкомъ монастырѣ. Съ запада къ храму приставлена недурная колокольня, но болѣе слабая по композиціи, чѣмъ въ Троицкомъ монастырѣ. Самая же замѣчательная отдѣлка принадлежитъ наличнику западной двери, ведущей съ галереи въ церковь. Онъ украшенный фигурами, орнаментами, разнообразными балясинками, а въ планѣ представляетъ пять уступовъ; при общей стройности и разнообразіи красокъ, производитъ приятное впечатлѣніе, хотя и значительно измѣненъ.

Соборъ Муромскій почти лишенъ украшеній и вообще ничего интереснаго не представляетъ, въ особенности его большая колокольня, уже не въ русскомъ вкусѣ.

Пропустимъ пока г. Рязань: хотя тамъ есть церкви, но ихъ особенности не значительны сравнительно съ гражданской постройкой, принадлежащей теперь архіерейскому дому. Объ этомъ скажемъ ниже, въ статьѣ о гражданскихъ сооруженіяхъ, а теперь перейдемъ къ г. Казани.

Г. Казань сохранилъ мало древнихъ памятниковъ, но все-таки можно указать на Благовѣщенскій соборъ XVII вѣка. Зданіе—кубическое, пятиглавое, крыто крупными кокошниками въ одинъ рядъ; галлерей въ одинъ этажъ окружаетъ храмъ. Стилъ этого храма хотя и русскій, но принадлежитъ къ тому періоду, когда формы начинаютъ терять свою типичность

Упомянемъ также про Спасскую башню съ шатромъ на верху, второй этажъ которой весьма напоминаетъ церковныя сооруженія Новгородско-Псковскаго братства. Самая же замѣчательная церковь въ Казани, безъ сомнѣнія, была въ Иоанно-Предтеченскомъ монастырѣ, но, къ сожалѣнію, недавно сломана. Она была, какъ видѣли выше (рис. 84), трехъ-шатровая.

Позволимъ себѣ еще указать на г. Соликамскъ Пермской губерніи. Несмотря на то, что этотъ небольшой городокъ стоитъ такъ далеко отъ центра Россіи, въ XVII вѣкѣ тамъ процвѣтала архитектура и въ настоящее время еще видна на сохранившихся памятникахъ. Самый замѣчательный храмъ Соликамска—безспорно холодный соборъ. Онъ—пятиглавый, кубическаго типа, крытъ былъ двумя рядами кокошниковъ, теперь же промежутки между кокошниками задѣланы. На немъ есть надпись слѣдующаго содержанія: „Лѣтній храмъ сей святой Троицы, начатъ строиться въ 1688 г., оконченъ въ 1697 г., стараніемъ прихожанъ. Сверхъ того на сооруженіе сего

собора отъ великихъ государей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, великой княгини Софіи Алексѣевны пожертвовано было 200 р.“. Храмъ стоитъ на подклѣти, окруженъ двухъ-этажной галлереей. Планъ—обыкновенный, квадратный, безъ столбовъ. Архитектурныя формы довольно изящны, напоминаютъ лучшіе памятники московской архитектуры: село Останкино, Марково и друг. Но есть и свои особенности, напр., столбы главнаго входа и на нихъ арка съ подвѣской, на верхнемъ карнизѣ которой—по одному крупному кокошнику съ шатромъ, на верху. По бокамъ спускаются лѣстницы на ползучихъ аркахъ и пузатыхъ колонкахъ, какъ бы балясинокъ. Не лишенъ интереса также и одинъ изъ боковыхъ входовъ, сдѣланный безъ арки. Здѣсь стоятъ два большихъ фигурныхъ столба, которые поддерживали прямой карнизъ. Этотъ мотивъ даетъ возможность, при составленіи новыхъ композицій, современнымъ архитекторамъ, соблюдая традиціи, разнообразить сооруженія. При монументальныхъ зданіяхъ, требующихъ грандіозности, можно ставить большія столбы какъ это дѣлается въ зданіяхъ Египта, Индіи и другихъ странахъ.

Съ паперти въ храмъ ведетъ дверь съ весьма характернымъ наличникомъ въ четыре выступа.

Теплый соборъ мало интересенъ. Въ церкви Богоявленія не дурна отдѣлка наличника входной двери съ пятью выступами и поясъ на колокольнѣ—изъ пузатыхъ балясинокъ.

Къ сѣверу отъ Соликамска, недалеко, находится мѣстечко Чардынъ; тамъ тоже есть памятники, интересные въ архитектурномъ отношеніи. Но для насъ достаточно и приведенныхъ выше, чтобы составить понятіе о развитіи церковной архитектуры въ Россіи.

Изъ приведеннаго выше видно, что въ періодъ процвѣтанія начинаетъ развиваться, преимущественно, кубическій типъ храмовъ съ византійскимъ планомъ, какъ это видно по московскимъ соборамъ: Успенскому, Архангельскому, церкви на Бутыркахъ, церквахъ Ярославля и друг. Типъ этотъ имѣетъ еще внутренніе столбы и открытыя главы, но при дальнѣйшемъ своемъ развитіи внутренніе столбы утрачиваются. Планъ дѣлается безъ столбовъ, почти квадратный. Этотъ типъ церквей развивается, имѣя въ основѣ каменные храмы г. Владиміра. Въ то же время строятся церкви самостоятельной архитектуры, имѣя въ основѣ постройки деревянныхъ церквей, какъ-то: церковь Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ, Іоанна Предтечи въ Дьяковѣ, Покровскій соборъ, Рождества въ Путинкахъ и друг. Эти церкви весьма разнообразны по планамъ и по фасадамъ, и потому ихъ, подобно деревяннымъ (ниже) можно раздѣлить на нѣсколько типовъ и видовъ. Такъ, шатровыя съ однимъ шатромъ, двумя, тремя и пятью шатрами, наконецъ многобашенныя, какъ, напр., Покровскій соборъ, Іоанна Предтечи въ Дьяковѣ и проч. Разсматривая церкви не только Москвы, но и другихъ городовъ, нельзя отрицать существованіе мѣстныхъ особенностей, мѣстныхъ стилей, какъ это видѣли въ Ярославлѣ, Ростовѣ и друг. Разнообразіе стиля XVI и XVII в. по формамъ и мотивамъ, не нарушая традицій, позволяетъ производить зданія всякаго рода: мелкія и крупныя, небольшія и игривыя, грандіозныя и серьезныя. Вопросъ въ талантѣ композитора, а не въ несостоятельности стиля. Мнѣніе, что въ русскомъ стилѣ можно дѣлать только небольшія зданія,—мнѣніе не справедливое. Если русскій стиль еще не вошелъ въ рамки классическаго со всѣми его видоизмѣненіями, то отъ этого онъ дѣлается только болѣе труднымъ, но не дѣлается несостоятельнымъ.

Періодъ упадка .

Заканчивая XVII вѣкъ, — золотой вѣкъ русскаго искусства, — укажемъ на переходную пору, когда церкви строятся придерживаясь башенныхъ деревянныхъ церквей съ сильной примѣсю западныхъ формъ, но въ изуродованномъ видѣ; являются разорванные фронтоны и даже цѣлые ряды такого рода украшеній, которые получили названіе пѣтушкихъ гребешковъ, какъ это видимъ въ Китай-городѣ, на Никольской улицѣ, во Владимірской церкви, близъ Никольскихъ воротъ, а также тонкія, длинныя колонки съ капителями въ родѣ коринѣскихъ.

Нѣкоторыя изъ церквей такого рода построены дядей Петра Великаго, бояриномъ Нарышкинымъ. Такая церковь сохранилась на Филяхъ близъ Москвы и составляетъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ этой эпохи. Церковь эта имѣетъ планъ въ видѣ креста; стоитъ она на подклѣти, образующей двухъэтажную галерею (рис. 115) первый этажъ крытъ арками, а второй открытъ совсѣмъ. Просторныя лѣстницы, широко раскинутыя, свободно ведутъ ко храму. Главная масса — пятиглавая, состоитъ изъ четырехгранника, на который поставлено нѣсколько осмигранныхъ призмъ.

Рис. 115.

Того же стилиа находится церковь въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Петровское село было имѣніе Нарышкиныхъ и при императрицѣ Екатеринѣ I дано въ приданое за Нарышкиной, вышедшей замужъ за графа Разумовскаго; тогда и прибавлено—Разумовское. Такая же церковь находится въ Московскомъ университетѣ, принадлежавшая графу Шереметеву.

Подобная же по массамъ церковь находится въ Бого-явленскомъ монастырѣ въ Москвѣ, выстроенная при послѣднемъ патріархѣ Адрианѣ. Храмъ этотъ замѣчательнъ по множеству наружныхъ деталей. Онъ двухъэтажный; въ первомъ этажѣ находятся три мраморные памятника князей Голицыныхъ, работы знаменита художника Гудона.

Къ тому же типу причислимъ и церковь Воздвиженія Честнаго Креста Господня, что на Воздвиженкѣ. Церковь эта въ два этажа съ колокольной въ видѣ двухъ башенъ, состоящихъ изъ восьмигранныхъ призмъ, поставленныхъ одна надъ другою. Архитектура вообще бѣдная.

То же видимъ и въ другихъ городахъ, напр., близъ Твери въ Меншиковомъ Успенскомъ монастырѣ, въ г. Казани, въ Черниговѣ, въ г. Сумахъ—трехбашенная и друг. Всѣ эти храмы взяты съ дерева; но, чтобы лучше себѣ это уяснить, обратимся къ деревяннымъ произведеніямъ русскаго искусства.

Деревянное зодчество.

О деревянныхъ церквахъ.

Свѣдѣнія о деревянныхъ церквахъ уходятъ въ доисторическую даль. Лѣтописи упоминаютъ о постройкѣ деревянныхъ церквей еще до Владиміра Святого. Тогда были уже извѣстны церкви въ Кіевѣ ¹⁾ и Новгородѣ ²⁾. Затѣмъ, чѣмъ ближе къ намъ время, тѣмъ упоминанія о церквахъ становятся все чаще и чаще. Говоря про церкви, лѣтописи иногда отличаютъ деревянныя церкви отъ каменныхъ выраженіемъ. Говоря о первыхъ, употребляется слово *постави, сотвориша, сруби* ³⁾ а разумѣя каменную постройку, говоритъ *заложил, созда* ⁴⁾. Въ лѣтописяхъ, при

1) Подъ 882 и 983 г. упомин. о ц. св. Николая, ц. Орины и Богородицы на варяжскомъ дворѣ и др. см. Лаврентьевск. лѣт.

2) Ц. Преображенія.

3) Лѣт. Новгород. ц. Божіимъ, Изд. Археогр. комм. С.П.Б. 1879 г. говорятъ „В. лѣто 6497 года *постави* владыко епископъ Іоакимъ первую церковь древяную дубовую св. Софіи имущую верхъ 13“ „В. лѣто 6654 *сотвориша* въ В. Новгородѣ при еписк. Нифонтѣ, 4 церкви древяныхъ, В. лѣто 6684... Моисей Домашничъ *сруби* церковь древяную и проч. Но иногда подобныя выраженія употребляютъ и для каменныхъ церквей напр. В. лѣто 6497 владыко Іоакимъ *постави* первую ц. каменную богоотцемъ Іоакима и Анны въ той же церкви и служиша до Софіи.

4) Тамъ же: В. лѣто 6553 *заложил* В. К. Владиміръ Ярославичъ ц. каменную св. Софіи. В. лѣто 6623 *заложил* Велигость ц. каменную св. Феофора Тирона. Тоже видимъ: В. лѣто 6624, 6627, 6635. В. лѣто 6687 *созда* ц. каменную и проч., но и здѣсь есть исключенія В. лѣто 6691 *поставиши* святого Ипатія Рятка в братомъ на Рогатикъ каменную“...

описаніяхъ каменныхъ храмовъ, нерѣдко упоминается, что прежде здѣсь была церковь деревянная; но всѣ эти упоминанія не даютъ яснаго понятія ни о видѣ, ни о планѣ, хотя иногда упоминается не только количество верховъ, которые имѣла церковь, но даже количество стѣнъ. Понятіе о церковныхъ сооруженіяхъ становится болѣе или менѣе яснымъ тогда, когда мы

Рис. 116.

имѣемъ дѣло съ самими памятниками. Деревянные сооруженія и произведенія вообще XIV—XVII в., сохранившіяся до нашего времени, разумѣется, имѣли свои прототипы въ пору, болѣе раннюю. Поэтому, по оставшимся памятникамъ, можемъ представить и предыдущіе. Можно прослѣдить церкви отъ самыхъ простыхъ формъ до самыхъ сложныхъ. Начнемъ съ простаго четырехугольнаго сруба, покрытаго на четыре или чаще на два ската, — въ видѣ избы, съ крестомъ или главкой наверху. Эта простая форма — осложняется постройкой алтаря и паперти, при чемъ, иногда, чтобы разыграть фасадъ, средняя часть дѣлается выше, какъ это видимъ, напр., въ церкви св. Варвары въ г. Псковѣ. Здѣсь планъ (рис. 116) состоитъ уже изъ трехъ отдѣленій, расположенныхъ съ запада на востокъ. Церквей съ такими планами встрѣчается очень много; этотъ планъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій, весьма распространенъ и позволяетъ значительныя видоизмѣненія фасадовъ. Остановимся же на этомъ типѣ плана и рассмотримъ разные виды фасадовъ, которые могутъ быть здѣсь примѣнены. Такъ, кромѣ простой избы съ фронтономъ и крышей на два ската, въ церкви св. Варвары въ Псковѣ (рис. 117) видимъ среднюю часть приподнятою надъ папертью, —впереди ставится звонница. Звонница, разумѣется, можетъ стоять и отдѣльно, какъ

видимъ напр. въ Никольской церкви села Глоткова близъ Юрьева, въ ц. Рождества Богоматери на Колодозерскомъ погостѣ Олонек. губерніи (рис. 118, по Сулову) и друг. Самая же церковь осложняется пристройкой галлерей, при чемъ въ планѣ средняя часть иногда шире паперти и алтаря. Но это не-

Рис. 117.

Рис. 118.

значительное измѣненіе плана не позволяетъ намъ видѣть въ немъ какой-либо другой типъ, и потому, конечно, отнесемъ его къ тому же первому типу. Къ первому же виду отнесемъ и фасадъ, такъ какъ онъ не что иное, какъ видоизмѣненіе простой избы. Къ тому же виду отнесемъ и церковь Петра въ Плесѣ ¹⁾, Никольскую въ Глотковѣ близъ Юрьева, въ Архидіаконскомъ погостѣ Вязниковскаго уѣзда ²⁾ и друг. Такія ц. присуци болѣе всего средней полосѣ Россіи. Подражаніе, такого рода церквамъ, видимъ и въ камнѣ, напр. въ ц. Благовѣщенія въ Юрьевѣ Польскомъ. Она построена въ видѣ трехъ избъ, составленныхъ вмѣстѣ—съ небольшою главкой на верху ³⁾.

¹⁾ Спѣтый мной рис. въ Импер. М. Арх. Общ.

²⁾ Очень много такихъ церквей во Владимірской губерніи. Многія изъ нихъ изданы г. Голышевымъ, но, къ сожалѣнію, рисунки дѣланы отъ руки.

³⁾ Ея рис. см. Древности т. XII, вып. 1-й Москва 1888 г.

Нѣчто другое видимъ, въ церкви Іоанна Богослова на р. Ишмѣ ¹⁾ близъ Ростова, въ церкви села Борзцова Московской губерніи ²⁾ и друг. Здѣсь главная часть плана на фасадѣ значительно выше другихъ и выдѣляется въ видѣ башни въ три яруса. Отнесемъ такого рода фасады ко *второму виду* плана *перваго типа*, такъ какъ планъ въ этой церкви тотъ же, хотя и осложненъ выступомъ колокольни. Западныя и восточныя части крыты бочкой; храмъ окруженъ галлереей. Подобныя же церкви видимъ въ с. Кременскомъ, Медынскаго уѣзда, (см. Преображ. л. XII) Калужской губерніи и въ селѣ Высоцкомъ Боровскаго уѣзда (л. XIII). То же видимъ въ Псковской губерніи въ г. Опочкѣ въ церкви Успенія также въ церкви села Михѣева и села Стехнова ³⁾, въ Торжкѣ Тверской губерніи и проч. Вездѣ середины церквей въ видѣ башенъ и состоятъ изъ нѣсколькихъ квадратовъ и восьмигранниковъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ. Подобныя церкви конечно и послужили прототипомъ для каменныхъ церквей въ родѣ Богоявленской въ Москвѣ на Никольской, Разумовской, на Филяхъ (рис. 115) и друг. Идя къ сѣверу, въ Олонецкую губернію, тоже находимъ подобное, напр., въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, на Колодозерскомъ погостѣ, Пудожскаго уѣзда (рис. 118) а также и на Кондужскомъ погостѣ, въ ц. построенной въ 1613 году ⁴⁾ и друг. но здѣсь пропорціи фасада другія: они значительно выше, какъ и вообще всѣ церкви сѣвера. Въ церкви Рождества высота средней части достигнута высокимъ шатромъ тоже

1) Фотогр. Борщевскаго, мой альбомъ въ Имп. Акад. Худож. въ С.П.Б.

2) Рис., снятый мной, находится въ Импер. М. Арх. Общ.

3) Альбомъ этихъ церквей, снятыхъ мной, наход. въ Импер. Акад. Худ. въ С.П.Б.

4) Рис. у Сулова Путев. Зам., XIII.

и на рис. 119, въ церкви св. Николая (1683 г.), въ деревяницкомъ погостѣ, Олонецкой губерніи, а въ церкви на Кондужскомъ погостѣ ¹⁾ крыша не очень высока, но зато средній срубъ очень высокъ.

Церкви съ такого рода планами нѣсколько видоизмѣняются, образуя не три прямоугольника, а другія фигуры, напр. три шестигранника, восьмигранника или многогранника. Иногда одинъ восьмигранникъ и два прямоугольника, словомъ, какія-либо другія фигуры, но расположенныя отъ запада къ востоку въ количествѣ трехъ и болѣе, какъ это видимъ въ церкви Владимірской Божіей Матери въ Бѣлоозерскомъ погостѣ Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда (1642 г. ²⁾). Здѣсь шатровая масса церкви сильно преобладаетъ, потому что восьмигранникъ значительно больше четырехгранниковъ. Этихъ свѣдѣній для насъ достаточно, чтобы ознакомиться *со вторымъ видомъ фасада при планѣ перваго типа*. Третья комбинація фасада на томъ же планѣ *перваго типа* возможна, если на каждомъ срубѣ поставимъ по башнѣ. Такого рода трехбашенные фасады, въ особенности, привились въ южной полосѣ Россіи и по большей части дѣлались граненые. Такъ, напр., въ церкви Михаила Архангела на р. Бузулукѣ 1678 г. ³⁾, въ Перекопской станицѣ, также

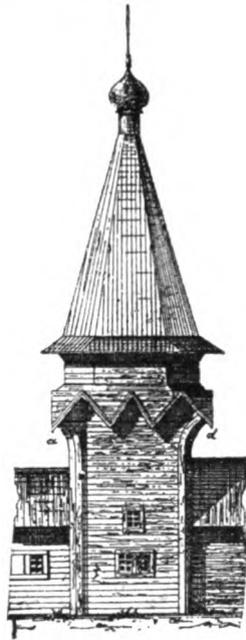

Рис. 119.

¹⁾ Сусловъ. Пут. зап. о сѣв. Россіи 1889. СПб. рис. XIII.

²⁾ Сусловъ о древн. деревян. постр. сѣв. окраинъ Россіи. Табл. III.

³⁾ Сусловъ. Памяти. древн. дер. арх. въ Южной Россіи. Табл. I.

въ церкви Святого Николая (1665 г.) въ станицѣ Голубинской, рис. 120. Фасады этихъ церквей выражаются тремя башнями (рис. 121). Весьма любопытна также деревянная церковь такого рода, XVII вѣка, сохранившаяся въ Восточной Сибири, Иркутской губерніи, въ Кири-

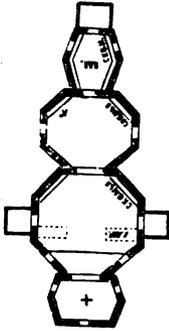

Рис. 120.

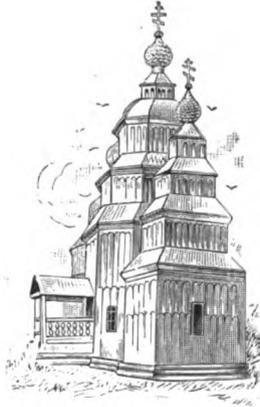

Рис. 121.

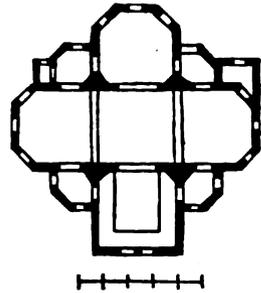

Рис. 122.

скомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, но здѣсь всѣ срубы четырехъгранные. Такой конструкціи есть и каменные храмы, напр. въ г. Сумахъ.

Покончивъ съ первымъ типомъ плана, перейдемъ ко второму типу: къ планамъ *крестовымъ*. Какъ это видимъ, напр., въ церкви Переяславля Полтавскаго (рис. 122). Эта церковь въ исторіи извѣстна тѣмъ, что въ ней Малороссія принимала присягу на подданство Русскому Царю. Планъ ея въ видѣ креста; при нашемъ осмотрѣ, на этой церкви была только средняя глава. Назовемъ такой одноглавый фасадъ какъ самый простой, *первымъ видомъ крестоваго типа*. Судя по увѣреніямъ старожиловъ, на ней, еще недавно, было пять главъ. Къ первому же виду второго типа, конечно, отнесемъ и церковь св. Троицы въ Витебскѣ ¹⁾ какъ,

¹⁾ Труды Виленск. Съѣзда, моя ст.

одноглавую, такъ какъ ея выступы крыты фронтонами. При увеличеніи средней части церкви главный срубъ дѣлается восьмиграннымъ какъ это видимъ въ церкви на р. Кокшенгѣ Вологодской губерніи¹⁾), фасадъ получаетъ новую комбинацію. Церкви Ильинская въ Витебскѣ и Троицкая въ Марковѣ монастырѣ, близъ Витебска, какъ пятиглавыя хотя и съ восьмиграннымъ среднимъ срубомъ должны быть отнесены *ко второму виду* крестовыхъ церквей. Упомянемъ также про церковь въ Якобштадѣ (рис. 123). Она недавно сгорѣла: тамъ на главномъ крестѣ было пять главъ (рис. 124). Сюда же отнесемъ и церковь

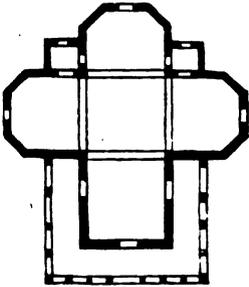

Рис. 123.

Рис. 124.

Владимірской Богоматери въ селѣ Подпорожьи Архангельской губерніи Онежскаго уѣзда. Ея средняя часть покрыта кубомъ, оканчивающимся пятью главами (рис. 125); боковые выступы крыты бочками, на которыхъ поставлено по шатру. Нельзя не упомянуть также про ц. Преображенія, въ кижскомъ погостѣ, Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Она многоглавая, выступы

¹⁾ Рис. у Сулова.

креста крыты по тремъ уступамъ каждый, на каждомъ уступѣ—по главкѣ¹⁾).

Крестовыя церкви встрѣчаются и въ каменныхъ сооруженіяхъ, напр.: главный храмъ Донского монастыря въ Москвѣ, въ Черниговѣ церковь св. Екатерины и друг. Крестовыя церкви въ планахъ имѣютъ, иногда, пристройки между концами креста (въ углахъ), какъ на рис. 122. На фасадѣ пристройки получаютъ по главкѣ, какъ это видимъ въ ц. Ильи Пророка въ Витебскѣ. Такія церкви несутъ, кромѣ пяти главныхъ, главъ еще четыре въ

Рис. 125.

Рис. 126.

углахъ, а иногда и пятую надъ входомъ. Такимъ образомъ, вся церковь вѣнчается 9-ю и 10-ю главами. Фасады угловыхъ пристроекъ находясь въ зависимости отъ величины плана, приближаются и составляютъ, какъ, бы переходъ отъ церквей крестовыхъ, къ церквамъ третьяго типа.

Къ третьему типу отнесемъ планы самые сложные, когда въ углахъ креста, между руками, сдѣлано по срубамъ значительныхъ размѣровъ; говоря другими словами, когда три плана перваго типа поставлены рядомъ такъ, что образуется девять значительныхъ помѣщеній; при

¹⁾ Даль рис. въ Имп. Акад. худ. и въ Имп. М. Ист. Музѣв.

этомъ и фасадъ, конечно, можетъ имѣть начиная съ одной башни до девяти. Послѣдняго вида храмъ, о девяти башняхъ съ планомъ третьяго типа, видимъ въ Новомосковскѣ Екатеринославской губерніи (рис. 126), во имя св. Троицы.

Многоглавыя церкви изъ камня, какъ-то Покровскій соборъ въ Москвѣ и церковь села Дьякова, конечно, представляютъ варианты, прототипы которыхъ были въ исчезнувшихъ деревянныхъ церквахъ,

Всѣ вышеупомянутыя деревянные церкви и многія другія, разбросанныя по провинціальнымъ городамъ и селамъ, конечно не представляютъ памятниковъ высшаго деревяннаго зодчества. Послѣдніе, несомнѣнно были, и въ свое время процвѣтали, въ лучшихъ городахъ: въ царскихъ, великокняжескихъ и боярскихъ деревянныхъ храмахъ и хоромахъ. Довольно вспомнить исторію пожаровъ Москвы и другихъ городовъ, чтобы убѣдиться, что тѣ деревянные сооруженія, съ которыхъ зодчіе брали формы и строили зданія изъ камня, погибли. Тщетно было бы теперь искать на деревѣ всѣ тѣ формы, которыя видимъ въ каменныхъ памятникахъ и которыя несомнѣнно взяты съ дерева.

Нельзя не согласиться съ академикомъ Сусловымъ, что церкви Сѣверной Россіи разнятся отъ южныхъ своими массами. Въ сѣверныхъ церквахъ главный, или средній срубъ значительно преобладаетъ надъ всѣми остальными и, тѣмъ самымъ, производитъ впечатлѣніе одной цѣльной постройки, между тѣмъ какъ южныя башенныя церкви производятъ скорѣе впечатлѣніе нѣсколькихъ самостоятельныхъ построекъ, составленныхъ въ кучу.

Не вдаваясь въ подробности деталей, деревянныхъ церквей въ заключеніе замѣтимъ, что въ оставшихся южныхъ памятникахъ, въ настоящее время, очень трудно встрѣ-

тить бочечную форму, часто встрѣчаемую и представляющую важное украшеніе храмовъ сѣверныхъ. Это наблюденіе доказываетъ только то, что эта форма теперь на югѣ не употребляема; встарину же она несомнѣнно существовала, на что указываютъ многіе древніе рисунки южныхъ церквей, въ особенности кіевскихъ. Это можно видѣть напр. на картѣ Кіева и окрестностей, составленной Ушаковымъ и хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Объ иконостасахъ.

Въ періодъ домонгольскаго ига мы видѣли, что въ церквахъ иконостасовъ могло совсѣмъ не быть, алтарныя же преграды и первые иконостасы были не велики и далеко не имѣли того значенія, которое стали имъ придавать впослѣдствіи, въ XVII вѣкѣ.

Каковы были наши иконостасы въ монгольской періодъ, на это мы имѣемъ весьма мало опредѣленныхъ указаній. Иконостасы дѣлались изъ камня, но чаще изъ дерева; главную роль, конечно, играли царскія врата. Наше деревянное дѣло, какъ исконное русское искусство, въ то время, стояло уже на высокой степени развитія. Памятники такого рода мы имѣемъ до сихъ поръ, напр., царское рѣзное сидѣнье въ Успенскомъ соборѣ, сдѣланное не позднѣе XVI вѣка. На этомъ основаніи можемъ заключить, что и царскія врата были исполняемы изящно и служили украшеніемъ храмовъ. Тѣмъ болѣе, что на это имѣемъ указанія въ миниатюрахъ нашихъ рукописей. Такого рода миниатюры драгоцѣнны въ томъ смыслѣ, что они передаютъ безъ измѣненія формы того времени, когда они написаны. Поэтому въ миниатюрахъ мы должны довѣрять не только формамъ, но даже и раскраскѣ, часто хорошо сохранившейся безъ выцвѣтанія. Ука-

жемъ на два псалтыря XIV вѣка: одинъ Коневского (позднѣ Деревяницкаго) монастыря ¹⁾ и другой, хранящійся въ Императорской Публичнойбибліотекѣ.

На обѣихъ миниатюрахъ изображены царскія двери, въ двѣ створы, какъ бы, привѣшанныя къ столбамъ храма. Первая миниатюра (рис. 127) изображаетъ пятиглавый храмъ съ равноконечными крестами наверху. Въ срединѣ ея представленъ алтарный пролетъ, сверху котораго спущено паникадило со свѣчами. Ниже—царскія двери, заканчиваются ко-

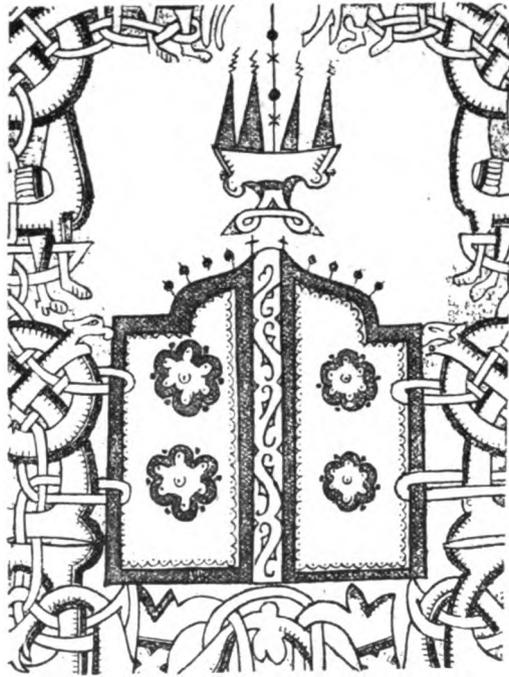

Рис. 127.

Здѣсь показана только середина миниатюры.

кошникомъ; надъ дверями нѣтъ еще ни арки ни короны, а прикрѣплены онѣ, прямо, къ тѣлу церкви, которое на миниатюрѣ показано синимъ тономъ. При этомъ синій тонъ нарушаетъ вертикальную линію стѣнъ церкви и, дѣлая выступъ, приближается къ створамъ дверей. (На нашемъ рисункѣ тонъ не вышелъ.) Такого рода выступъ напоминаетъ тѣ невысокія алтарныя стѣнки, которыя мы видимъ въ древнихъ храмахъ, напр., въ Успенской церкви въ Симо-

¹⁾ Стасовъ: Славянскій и восточный орнаментъ. Табл. LXX, рис. 1-й и табл. LXII, рис. 1-й.

новомъ монастырѣ, въ Москвѣ, законченной въ самомъ началѣ XV вѣка.

То же можно сказать и про вторую миниатюру (рис. 128) изъ Псалтыря Императорской Публичной Библиотеки. Здѣсь, также, видны двѣ полуоткрытыя двери. Двери эти при-

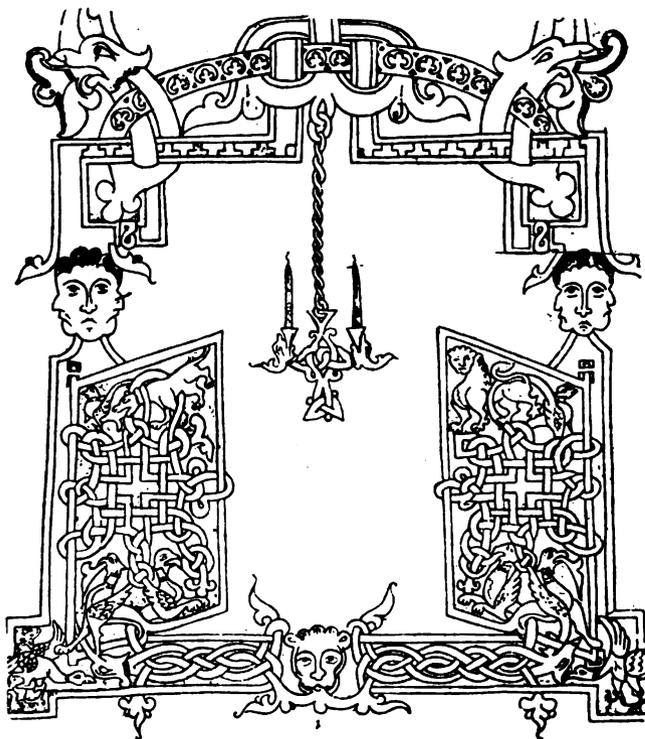

Рис. 128.

крѣплены къ двумъ столбамъ, оканчивающимся головой съ четырьмя лицами подъ однимъ черепомъ. Верха надъ дверями никакого нѣтъ, поэтому есть основаніе полагать, что первоначально могли существовать однѣ царскія двери безъ верха, т.-е., что *царскія двери древнѣе царскихъ вратъ*. Если предположимъ, что могли существовать однѣ царскія двери безъ арки, тѣла и короны, то

тогда становятся понятными форма и значение столбиковъ, къ которымъ онѣ прикрѣплялись. Столбики имѣли своеобразную форму и могли заканчиваться сверху какой-нибудь фигурой: головой, шаромъ, кубомъ, главкой или нѣсколькими главками, какъ это видимъ напр., въ иконостасѣ церкви Іоанна Богослова, на рѣкѣ Ишмѣ рис. 129, близъ Ростова Великаго, потому что эти столбики ничего на себѣ не держали. Позднѣе, когда стали надъ дверями дѣлать украшенія, то, очевидно, не опирали ихъ на столбики (рис. 129¹), а укрѣпляли боками сначала къ тѣмъ же алтарнымъ стѣнкамъ, или къ каркасу, поставленному сзади. Итакъ, *образованіе царскихъ дверей, прежде царскихъ вратъ и независимо отъ нихъ, вполне объясняетъ неконструктивную форму послѣднихъ.*

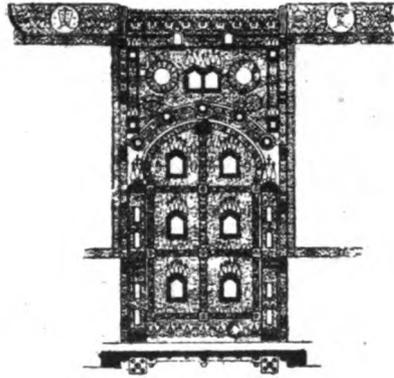

Рис. 129.

На миниатюрѣ часослова XV вѣка ²), находящагося въ библіотекѣ Синодальной типографіи въ Москвѣ, въ алтарномъ пролетѣ храма (рис. 130) показаны такія царскія двери съ боковыми столбиками, прикрѣпленными къ стѣнамъ. Форма же дверей весьма напоминаетъ, вышеприведенныя, царскія двери въ ростовской церкви на р. Ишмѣ: тотъ же кокошникъ и боковые столбики. Приплюснутая же форма кокошника съ заостреннымъ подвышеніемъ говоритъ скорѣе въ пользу того, что эти царскія двери первоначально не имѣли надъ собой верха, т.-е. были именно царскія двери, а

¹) См. Др. Рост. и Яросл. т. XIII.

²) Стасовъ: Славянскій и восточный орнаментъ. Таблица LXXIV, рис 1.

не царскія врата. Если на самомъ дѣлѣ въ нашихъ древнихъ церквахъ были только царскія двери и только позднѣе начали ставить царскія врата между алтарными стѣнками храмовъ, то становится понятнымъ, почему до насъ дошли преимущественно, древнія царскія двери или царскія врата, а не иконостасы. Иконостасы же, если и сохранились гдѣ, то обыкновенно, по отдѣлкѣ, не имѣютъ общей связи съ царскими вратами и представляютъ, изъ

Рис. 130.

себя, простыя тяблы, рядъ надъ рядомъ безъ всякой композиціи, укажемъ напр. на красивыя царскія врата въ церкви Петра и Павла въ Новгородѣ. Столбики, къ которымъ теперь прикрѣплены створы, очевидно новые; верхняя арка и тѣло надъ ней до короны тоже, можетъ быть, позднѣе створъ, а если не позднѣе ихъ, то, во всякомъ случаѣ, сдѣланы по примѣру другихъ позднихъ, потому что прорѣзъ арки не сходится съ фигурой створъ и ей не соотвѣтствуетъ; между ними долженъ остаться неправильный и некрасивый просвѣтъ, т.-е. вырѣзка дверей не придется въ вырѣзку арки, хотя послѣдняя того же узора. Орнаментъ мелкій и по рисунку до-итальянскій. Подобной же конструкціи, но болѣе сохранив-

шіяся, врата находятся въ церкви Спаса въ Нередицахъ¹⁾; конечно, они далеко не современны храму. Орнаментъ и ихъ рѣзба, тоже, далеки отъ позднихъ нашихъ рѣзныхъ произведеній итальянской поры. Ихъ столбы прекрасно украшены, арка и часть короны вполне сохранились. Нельзя не упомянуть также про подобныя же царскія врата въ церкви Воскресенія въ Мячинѣ, въ Новгородѣ; царскія двери въ церкви Рождества въ Молотковѣ, въ Новгородѣ. Наконецъ въ св. Софїи въ Новгородѣ и въ ея предѣлѣ Рождества Богородицы, гдѣ, тѣмъ же Мартыновымъ, сняты два иконостаса въ четыре яруса каждый. Нельзя (рис. 131) не указать на царскія врата, подобнаго устройства, находящіяся въ Музеѣ поощренія художниковъ въ С.П.Б., привезенные изъ г. Пскова и на другія, находящіяся въ монастырѣ Саввы Звенигородскаго (рис. 132). Послѣднія имѣютъ замѣчательную, по формѣ, корону съ выпнутымъ профилемъ. Подобной же отдѣлки, мелкаго орнамента съ сухими деталями, видимъ многоярусный иконостасъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; варианты—въ предѣлахъ Благовѣщенскаго собора и многихъ другихъ. Всѣ эти двери, врата и иконостасы покрыты орнаментомъ, выработанныхъ на византийской

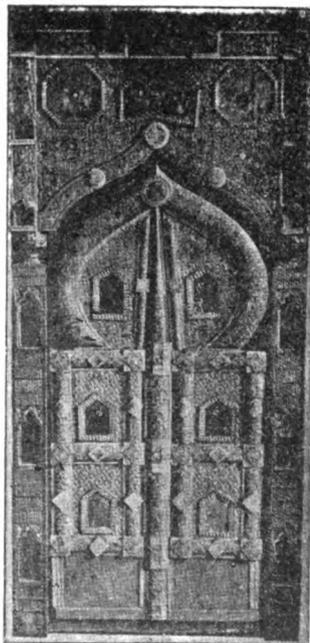

Рис. 131.

¹⁾ Рисунокъ ихъ снятъ Н. А. Мартыновымъ и находится въ Импер. Моск. Историч. Музеѣ.

основѣ, какъ и царскія врата въ церкви Іоанна Божьего на р. Ишмѣ, близъ Ростова.

Совершенно другой орнаментъ видимъ въ отдѣлкѣ царскихъ дверей въ церкви Іоанна Милостиваго въ томъ же Новгородѣ. Здѣсь орнаментъ въ родѣ арабскаго, похожій на орнаментъ царскихъ вратъ въ Боровскомъ Пафнутьевскомъ монастырѣ (см. Преображенск. л. V) и на орнаментъ царскихъ дверей въ церкви Вознесенія въ Ростовѣ Великомъ¹⁾. Во всѣхъ этихъ дверяхъ орнаментъ съ арабскимъ оттѣнкомъ. Нельзя пройти молчаніемъ и царскія врата въ Снѣтогорскомъ монастырѣ²⁾, какъ единственные въ своемъ родѣ. Остатки этихъ вратъ даютъ возможность сдѣлать полное заключеніе о ихъ формѣ.

Рис. 132.

Время ихъ сооруженія неизвѣстно, но пролетъ, замѣняющій арку, представляетъ линію съ восточнымъ оттѣнкомъ, по формѣ своей весьма характерную для искусства XIV—XV вѣка. Тѣло окаймлено плетенымъ, сравнительно, крупнымъ узоромъ съ арабскимъ оттѣнкомъ; среди этого узора посажены розетки; внутри каймы рѣзной фонъ, орнаментъ изъ завитковъ съ листьями, напоминающими тоже арабскія формы. На створахъ — крупныя иконы. Внизу въ кругахъ — четыре символа евангелистовъ.

Итакъ, всѣ вышерассмотрѣнныя царскія врата и двери сходны между собою по устройству, но различаются по орнаменту. Одни образовались на почвѣ церковной архитектуры, переданной намъ Византіей; другія, можетъ быть, заимствовали свою отдѣлку изъ гражданскаго зодчест-

¹⁾ Древности Ростовскія и Ярославскія т. XXIV

²⁾ См. фотографіи Барщевскаго.

ва, въ которой арабское искусство играло не малую роль. Особенно въ XIV вѣкѣ, когда, кромѣ страны волжскихъ Булгаръ, подъ вліяніемъ арабовъ же находится и искусство монголовъ до правленія Гераевъ ¹⁾. Съ призывомъ Итальянцевъ появляется деревянная рѣзба, во многомъ отличная отъ первыхъ двухъ, а царскія врата пріобрѣтаютъ и другія массы. Ничего не держащія, неконструктивные столбики замѣняются болѣе массивными столбами, впереди ставится пара колонокъ съ карнизомъ наверху, а на карнизъ опирается богатая арка разукрашенная роскошными обломами. Въ Москвѣ такихъ иконостасовъ не сохранилось, но царскія двери сохранились еще во многихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя изданы въ „Древностяхъ Государства Россійскаго“, напр. изъ Ризположенской церкви въ Кремлѣ, Саввы Освященнаго, села Коломенскаго и друг. Всѣ онѣ сравнительно плоскія. Совершенно другое видимъ, напр. въ г. Ярославлѣ. Разсмотримъ царскія врата (рис. 133) въ предѣлѣ Гурія и Варсонофія въ Ярославской церкви Іоанна Предтечи въ Толчковѣ. Онѣ, по преданію, привезены, при устроеніи храма, изъ г. Казани и пожертвованы казанскими благотворителями. Каждая створа состоитъ изъ трехъ рѣзныхъ частей; верхняя часть обрѣзана по аркѣ и окаймлена золотымъ орнаментомъ по зеленому фону, середина запол-

Рис. 133.

¹⁾ См. мою статью: „Искусство у татаръ“, худож. сборникъ русскихъ архитекторовъ и инженер. Москва, 1893 г. вып. II и далѣе.

нена орнаментомъ по голубому фону съ небольшимъ рѣзнымъ храмикомъ - кіотомъ въ срединѣ, для небольшого образа; нижняя часть дверей состоитъ изъ двухъ одинаковыхъ четырехугольниковъ, обтянутыхъ золотымъ багетомъ, съ круглыми рѣзетками въ углахъ; все поле заполнено ажурнымъ орнаментомъ, сквозь который проглядываетъ къ краямъ голубой фонъ, середина же выдѣлена болѣе крупной рѣзкой, образующей фигуру, напоминающую западный рококо; здѣсь продолжается тотъ же мелкій орнаментъ изъ завитковъ, листьевъ и плодовъ, но фонъ подъ ними красный. Въ самой срединѣ помѣщенъ небольшой храмикъ съ пятью главами, различной формы, образуя собою, тоже, кіотъ для небольшой иконы. Створы эти снизу кончаются орнаментами изъ виноградныхъ лозъ и листьевъ. Двери помѣщены въ великолѣпной аркѣ, покрытой различными бордюрами и орнаментами изъ растений и птицъ, съ рѣзными сочными бусами по угламъ. Арка эта опирается на, не менѣе великолѣпные, столбы съ небольшими писаными иконами, вставленными въ узорчатые выступы столбовъ по раскосамъ; спереди столбы украшены двумя тоненькими колонками, стоящими отдѣльно. Рѣзныя капители, базы, бусы на срединѣ, а равно и самый стержень колоннъ покрыты тонкой рѣзкой и украшены разноцвѣтными фонами. Надъ крайними колонками протянуты кверху двѣ рѣзныя руки, пальцы которыхъ опираются на большой вѣнчающій карнизъ - корону. Корона имѣетъ профиль большого гуська, тоже вся рѣзная съ сочнымъ, талантливо сочиненнымъ орнаментомъ. Ниже короны, по тѣлу, вплоть до арки, идетъ рѣзной орнаментъ съ каймой по краямъ и разноцвѣтными фонами; въ срединѣ посажена церковка съ образкомъ, въ углахъ, тоже, въ круглой рельефной рамкѣ, по образку. Двери эти не велики; высота ихъ

такова, что необходимо нагнуться, чтобы въ нихъ пройти.

Подобныя же царскія врата смѣшаннаго стиля, русскаго съ западнымъ, находятся и въ другихъ церквахъ Ярославля, напр. у Варвары Великомученицы ¹⁾. Здѣсь тѣ же подробности: тѣ же арки, двери, колонки, церковки; тѣ же фигурные выступы на откосахъ съ писаными образками и проч.: только существуетъ незначительная разница въ деталяхъ, напр. колонки имѣютъ не рѣзныя капители и базы, какъ въ церкви Іоанна Предтечи, а точенныя, и весьма замысловатой формы; то же можно сказать и про среднія бусы.

Это рѣзное искусство, при подробномъ его изученіи, обнаруживаетъ присутствіе западныхъ формъ; самый приемъ отдѣлки столбовъ съ откосами, парой колонокъ впереди, равно какъ и арка богатаго профиля съ бусами, появляется у насъ въ половинѣ XV вѣка, какъ сказано выше, по призывѣ итальянцевъ. Тотъ же мотивъ видимъ въ отдѣлкѣ церковныхъ входовъ въ каменныхъ церквахъ, напр. на галереѣ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ. Мотивъ этотъ прививается въ русской архитектурѣ; но заимствуя у итальянцевъ ихъ формы и мотивы, русскіе строители замѣняютъ итальянскія детали русскими, какъ это видимъ напр. въ галереѣ ц. Николая въ Столпахъ, въ особенности во входѣ въ церковь села Останкина и друг. Примѣняя тѣ же мотивы къ дереву, пришлось значительно измѣнить пропорціи: колонки стали дѣлать тоньше, арки, столбы и створы покрылись рѣзнымъ глубокимъ и ажурнымъ орнаментомъ, — золоченымъ, серебрянымъ и разноцвѣтнымъ — на разныхъ фонахъ, крашенныхъ и съ фольгой. Русскіе мастера и художники заимствовали итальянскій приемъ распо-

¹⁾ См. Древн. Яросл. и Рост., табл. X.

женія масъ, но совершенно измѣнили пропорціи и детали: — ввели свои бусы, базы, розетки передѣляли листья, прибавили свои цвѣты и проч., словомъ, такъ передѣляли все на свой ладъ, что мы совершенно сознательно можемъ назвать это рѣзное искусство русскимъ и согласиться, что вышепоименованныя царскія двери принадлежатъ къ лучшей порѣ процвѣтанія русскаго искусства, къ его *золотому вѣску*.

Подобныя царскія двери находятся не въ одномъ Ярославлѣ, но во многихъ другихъ городахъ. Такъ напр. въ Костромѣ ¹⁾ въ предѣлѣ церкви Варсонофія—древній иконостасъ украшенъ, также, царскими дверями, колонки которыхъ оканчиваются руками. Двери эти имѣютъ поразительное сходство съ Иоанно-Предтеченскими въ деталяхъ и раскраскѣ, съ тою только разницею, что колонки стоятъ не на низенькой подставкѣ, а на рѣзномъ пьедесталѣ. Верхъ—корона того же узора, но она не профилируется при окончаніи тѣла вратъ, а продолжается въ бока, образуя верхъ боковъ иконостаса. Такія же врата находятся и во Владимірѣ ¹⁾ въ Успенской церкви женскаго монастыря; въ Суздали ²⁾ въ церкви Рождества Богородицы и въ Переяславлѣ Залѣсскомъ ³⁾ въ церкви Введенія. Поразительное сходство всѣхъ этихъ царскихъ вратъ не оставляетъ сомнѣнія, что они вышли изъ одного района; но гдѣ было ихъ производство и гдѣ былъ этотъ разсадникъ—сказать пока трудно.

Рѣзные шатры.

Другіе примѣры деревянной рѣзбы представляютъ деревянные рѣзные шатры.

¹⁾ Д. Р. и Яр. Табл. XI.

²⁾ Т. XII.

³⁾ Т. XIII.

Шатры эти завершали надпрестольныя сѣни или ставились надъ царскими мѣстами.

Одно изъ древнѣйшихъ такихъ произведеній находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (рис. 134). Оно извѣстно подъ именемъ царскаго мѣста Владиміра Мономаха, но, судя по деталямъ, оно сдѣлано уже по призывѣ итальянцевъ, на что указываютъ напр. мелкія бусы¹⁾. Мѣсто это теперь выкрашено черной краской, а прежде было золоченое съ серебромъ, вѣроятно и съ цвѣтными фонами. Стиль его весьма разнообразный, смѣшанный: онъ нѣсколько напоминаетъ Владимірское зодчество, напр. кокошники львы и звѣри въ орнаментѣ, но, тутъ же, вы видите орнаменты съ прямыми вѣтками и виноградомъ, какъ въ Крыму и турецкомъ рѣзномъ деревянномъ дѣлѣ.

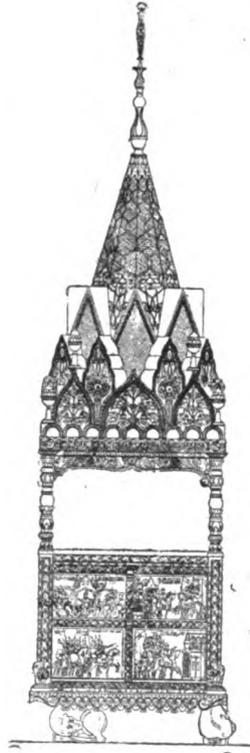

Рис. 134.

Два другія древнія мѣста—въ Новгородѣ, въ св. Софіи: одно святительское, другое царское. Первое сдѣлано въ 1556 г., другое въ 1557 г. Оба рѣзныя шатровыя, съ цвѣтными фонами. Шатры ихъ тоже украшены кокошниками. Они по пропорціи нѣсколько выше царскаго мѣста въ Успенскомъ соборѣ. Вотъ три самыя древнія изъ сохранившихся сидѣній.

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ, тоже, нахо-

¹⁾ Нѣкоторые полагаютъ, что мѣсто это сооружено въ 1551 г. См. Записки Отдѣленія Русск. и Слав. Арх. Импер. Русск. Арх. Общества, т. III, Спб., 1882 г., статья Прозоровскаго, стр. 3-я.

дится небольшое царское мѣсто. Оно интересно тѣмъ, что его шатеръ въ планѣ представляетъ звѣзду, подобно шатру каменной церкви въ Муромѣ, на которую указали выше.

Самые же богатые шатры видимъ въ г. Ярославлѣ. Здѣсь въ церкви Николая Мокраго стоятъ два рѣзныхъ сидѣнья: одно, по преданію, царя Алексѣя Михайловича (рис. 138) другое патріарха Никона. Но прежде чѣмъ о нихъ говорить, скажемъ про шатровую сѣнь въ церкви Ильи пророка.

Рис. 135.

Напрестольная сѣнь въ церкви Ильи пророка довольно ветха и держится пока на желѣзныхъ связяхъ, расположенныхъ въ алтарѣ надъ престоломъ; многія части ея уже исчезли совершенно, а другія находятся, хотя и на мѣстѣ, но въ обломкахъ. (рис. 135) представляетъ ея реставрацію. Нижняя часть этой сѣни въ планѣ представляетъ квадратъ; съ боковъ, между угловыми висячими столбиками, вдѣланными въ карнизъ, помѣщены двѣ выкружки съ подвѣской въ срединѣ; столбики и выкружки покрыты золотымъ орнаментомъ, съ разноцвѣтнымъ фономъ въ промежуткахъ. Поле между столбиками заполнено ажурнымъ орнаментомъ: въ срединѣ помѣщенъ двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями; орнаменты состоятъ изъ цвѣтовъ, плодовъ, листьевъ, а по краямъ, въ углахъ, помѣщены двѣ птицы въ профиль (попугаи). Выше, надъ этимъ полемъ, идетъ карнизъ, ко-

торый по всему своему нижнему облому украшенъ надписью слѣдующаго содержания: „Лѣта 7165 (1657) году сдѣлана сія стѣна въ церковь святаго славнаго пророка и Боговидца Ильи и при державѣ Государь Царь и великомъ князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси самодержецъ и благовѣрномъ царевичъ и великомъ князь Алексѣй Алексѣевичъ Великія и Малыя и Бѣлыя Руси самодержецъ и пресвятѣйшемъ патріархъ Никонъ Московскомъ и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси и преосвященномъ митрополитъ Іонъ Ростовскомъ и Ярославскомъ“. Поверхъ надписи поясокъ изъ бусъ, потомъ откосъ, покрытый орнаментомъ, напоминающимъ пальметки; вверху весь карнизъ заканчивается четверть-валикомъ съ вырѣзанными на немъ зубчиками; на карнизѣ, по угламъ, стоятъ четыре фигурныя подставки съ птицами (голубями) наверху; между птицами, надъ карнизомъ, помѣщенъ рѣзной ажурный щипецъ; щипецъ этотъ расположенъ наклонно и къ срединѣ возвышается тремя уступами; верхній уступъ въ срединѣ значительно подышенъ до формы острія, котораго конецъ законченъ особой рѣзной, широкой фигурой въ родѣ цвѣтка или плода.

Вотъ главная часть сѣни, т.-е. ея низъ. Надъ этимъ низомъ, квадратнымъ въ планѣ, поставленъ невысокій гладкій постаментъ, тоже квадратный въ планѣ, но каждая его сторона, почти вдвое, короче перваго. На углахъ этого постаментъ расположены четыре рѣзныя подставки съ рѣзными голубями наверху; на этомъ второмъ квадратѣ стоитъ рѣзной восьмигранникъ съ лопатками по угламъ и карнизомъ вверху вогнутаго профиля; выше, посреди каждой грани, восемь кокошниковъ, а между ними, по угламъ, восемь рѣзныхъ фигуръ, по формѣ своей напоминающихъ древніе небольшіе русскіе сосуды.

Въ каждой изъ нихъ вставленъ цвѣтокъ. За этими кокошниками поднимается, нѣсколько меньшій, второй восьмигранникъ, который составляетъ, какъ бы, полку для второго ряда кокошниковъ и промежуточныхъ фигуръ.

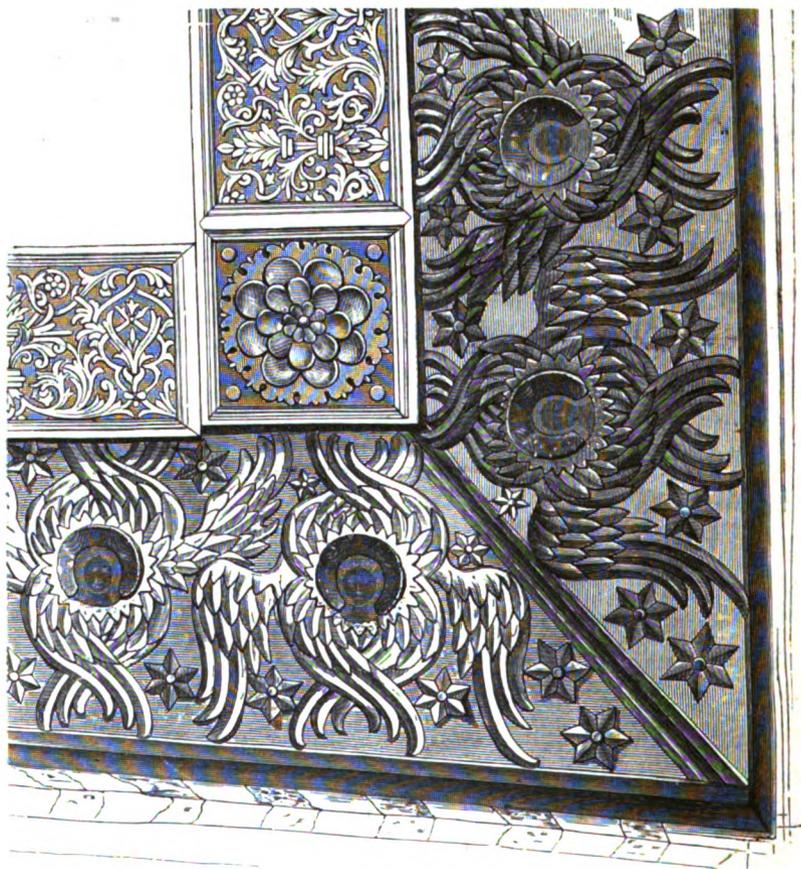

Рис. 136.

Изъ-за этого второго ряда кокошниковъ уже начинается собственно шатеръ, т.-е. восьмигранная пирамида, оканчивающаяся вверху вытянутой шейкой, съ рѣзною маковицей и длиннымъ крестомъ, очевидно рассчитанной на ракурсъ снизу.

Сѣнь эта, если смотрѣть на нее снизу, имѣетъ пла-

фонь съ писанымъ ликомъ Спасителя; кругомъ его идетъ рѣзная рама съ розетками въ углахъ; по краямъ сдѣлана поддуга или откосъ, украшенный рѣзными золочеными серафимами на голубомъ фонѣ (рис. 136).

Издѣлія подобнаго рода повторяютъ обыкновенно тѣ же мотивы почти безъ измѣненій: такъ напр., сѣнь Борисоглѣбскаго собора (см. рис. 137), хотя и не полная, со многими недостающими частями, но одинаковаго узора:—въ кокошникахъ, шатрѣ и ажурѣ подъ карнизомъ. Нѣкоторый вариантъ представляетъ надкарнизный шипецъ, узоры котораго составлены не изъ растеній, а изъ серафимовъ, но совершенно того же стила, какъ плафонъ Ильинской сѣни.

Въ церкви Николая Мокраго, или, какъ называютъ, Мокринскаго, находятся два сидѣнья, приставленные къ внутреннимъ столбамъ церкви, противъ иконостаса, одно справа, другое слѣва.

Рис. 137.

По преданію, первое было устроено для царя Алексѣя

Михайловича (рис. 138), а второе — для патріарха Никона. Сидѣнья эти деревянные, рѣзныя, почти одинаковой формы съ нѣкоторою разницею въ убранствѣ шатровъ. Рис. 138 представляетъ боковой видъ сидѣнья, стоящаго у праваго столба. По плану оно квадратное, стоитъ на невысокомъ постаментѣ съ профилемъ изъ полувала, откоса и полки. Съ двухъ сторонъ невысокія рѣзныя стѣнки огораживаютъ самое сидѣнье, состоящее изъ простой скамейки, на которую клалась подушка. Боковыя стѣны снаружи представляютъ рѣзную плоскость, ограниченную профилемъ, какъ бы рамой. Главная рѣзная доска представляетъ въ срединѣ двуглаваго орла, кругомъ котораго расположенъ богатый растительный орнаментъ съ птицами.

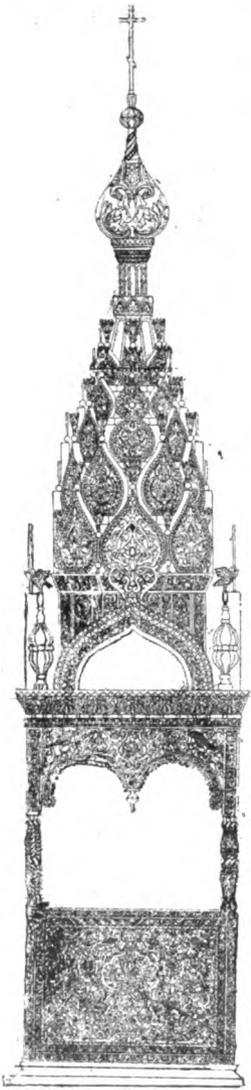

Рис. 138.

Четыре небольшихъ колонки, или рѣзныхъ столбика держатъ шатеръ. Каждый изъ этихъ столбиковъ имѣетъ особую рѣзбу. Шатеръ по устройству имѣетъ тѣ же составныя части, какъ и, описанная выше, Ильинская сѣнь; разница только въ пропорціяхъ: здѣсь шатеръ

болѣе вытянутъ; тѣ же двѣ выкружки между колонками съ подвѣской въ срединѣ прикрѣпляются къ рѣзнымъ

угловымъ столбикамъ; поверхъ ихъ карнизъ изъ глади, бусы, откоса и полочки съ зубчиками; поле между выкружками и карнизомъ заполнено ажурнымъ растительнымъ орнаментомъ съ птицами того же стиля, какъ на Ильинской сѣни; по угламъ карниза стоятъ четыре подставки съ птицами вверху; между этими подставками, надъ серединой карниза, съ каждой стороны поставлено по бочкѣ, т.-е. по кокошнику; на вершинѣ каждаго кокошника стоитъ большая ажурная рѣзная фигура; внутри кокошниковъ написаны образа. За кокошниками находится рѣзной восьмигранникъ съ карнизомъ наверху, въ видѣ откоса; съ этого карниза начинается шатеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и отличіе описываемаго сидѣнія отъ другого—Никоновскаго, которое, какъ выше сказано, стоитъ у второго столба ¹⁾). Оба эти сидѣнья до шатровъ, почти, одинаковы; разница только въ формѣ колонокъ. Шатеръ описываемаго сидѣнья состоитъ изъ пяти рядовъ кокошниковъ, поставленныхъ другъ надъ другомъ, такъ что первый, третій и пятый ряды приходятся надъ серединою стѣнокъ восьмигранниковъ, а второй и четвертый—на углахъ. Кокошники съ каждымъ рядомъ уменьшаются и, образуя уступы, подходятъ къ основанію шеи главки съ крестомъ, которая и заканчиваетъ шатеръ. Надъ каждымъ кокошникомъ посаженъ серафимъ; тѣло кокошниковъ украшено золоченымъ орнаментомъ, положеннымъ на разноцвѣтные фоны, преимущественно синяго, зеленаго и краснаго цвѣтовъ. Въ общемъ сидѣнья эти представляются весьма роскошными и изящными.

Шатеръ у второго сидѣнья кажется очень сложнымъ и отличается отъ перваго нѣкоторыми особенностями. Всматриваясь же ближе, ¹⁾ не трудно замѣтить, что

¹⁾ Древн. Р. и Яр. Табл. XVI.

онъ устроенъ по тому же закону, какъ и первый, т.-е. тѣ же пять восьмигранниковъ, уменьшающіеся кверху, образуютъ уступы и составляютъ каркасъ, по которому на пяти полкахъ расположены не кокошники, какъ въ первомъ, а пять рядовъ фигуръ разнородныхъ формъ; въ первомъ ряду фигура, въ видѣ точеной подставки, съ серафимомъ наверху, чередуется съ рѣзнымъ цилиндромъ; во второмъ и остальныхъ рядахъ, эта же точеная подставка, стоитъ на цилиндрѣ, которымъ уставлены всѣ полки сплошь до шеи главки. Позади точеной фигурной подставки поставлена рѣзная плоская доска въ видѣ кокошника, которая и составляетъ фонъ для подставки; главка той же формы, какъ и на первомъ вышеописанномъ сидѣннѣ. Эти два сидѣнья представляютъ весьма рѣдкіе памятники, по своей сохранности, а по высотѣ своихъ шатровъ и свободѣ композиціи—единственные. Къ сожалѣнію, въ настоящее время, они обращены въ клиросы.

Заканчивая о шатрахъ рассмотримъ еще на престольную сѣнь въ церкви Николая Надѣвской (рис. 139). Надпись на этой сѣни говоритъ:

*„Лѣта 7144 (1636) году мѣсяца декабря при благо-
вѣрномъ и христоролюбивомъ царь Государь и Великомъ
Князь Михаилъ Феодоровичъ Московскомъ всея Руси
самодержецъ и при благовѣрной царицѣ Евдокии Лукіа-
новнѣ и при благовѣрномъ царевичѣ князь Алексѣй Ми-
хайловичъ и при благовѣрномъ Великомъ Князь Иванъ
Михайловичъ и при святѣйшемъ патріархѣ Іоасафѣ Мо-
сковскомъ и всея Руси Божіей милостью и молитвами
Пречистой Богородицы, молитвою великаго святителя
чудотворца Николы. Сія сѣнь содѣлана въ Ярославль.
Къ Николь на престоль поставлена въ каменной церкви
на Волжскомъ“.*

Составныя части ея тѣ же, что и въ другихъ сѣняхъ: двѣ выкружки съ гирькой укрѣплены къ висячимъ столбикамъ; поле заполнено ажурнымъ орнаментомъ; карнизъ украшенъ рѣзною доскою, съ накладными розетками, точеными фигурами и зубчиками по краямъ; надъ карнизомъ возвышается треугольный фронтонъ, съ рѣзбою изъ листьевъ, ягодъ и дубовыхъ вѣтокъ съ желудями; въ срединѣ кругъ съ раковиной наверху; этотъ кругъ и раковина съ оттѣнкомъ западнаго стиля. По угламъ, вмѣсто птицъ, стоятъ сочныя рѣзныя фигуры. Шатеръ состоитъ изъ трехъ восьмигранныхъ полокъ; посреди каждой полки стоитъ по кокошнику, изъ ажурной растительной рѣзбы съ примѣсю плетенія; между кокошниками, по угламъ, стоятъ, съ выступающимъ карнизомъ, четырехугольныя башенки; подъ ихъ карнизомъ свѣшивается узоръ изъ переплетенныхъ арокъ; на каждой башenkѣ въ срединѣ стоитъ значительная главка, окруженная маленькими, тоненькими фигурками, похожими на кегли; на второй полкѣ кокошники стоятъ на углахъ и, между ними, въ срединѣ четырехугольныя башенки, подобныя вышеописаннымъ, стоящимъ въ первомъ ряду. На третьей полкѣ расположеніе тоже, что и на первой: по угламъ башенки, но трехъэтажныя; первый этажъ рѣзной, круглый; второй четырехугольный, въ видѣ бесѣдки изъ арокъ, съ подвѣской и кокошникомъ ввер-

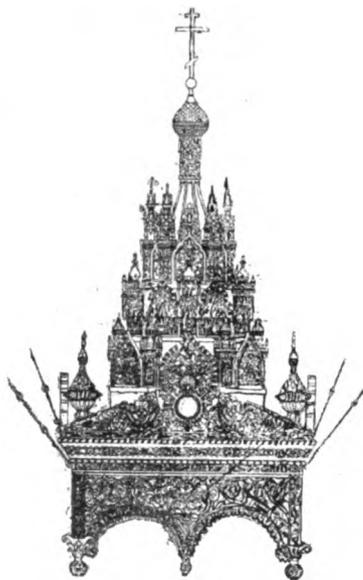

Рис. 139.

ху; надъ этой бесѣдкой поставленъ четырехгранный шатровый теремокъ, съ точеными балясинками по угламъ; между этими башенками, посреди полокъ, стоитъ по кокошнику; позади этихъ фигуръ возвышается восьмигранная пирамида шатра, увѣнчанная луковичною главкой, оканчивающейся высокимъ крестомъ. Вся эта сѣнь виситъ на цѣпяхъ. Стилъ ея, хотя нѣсколько и отличный отъ всѣхъ вышеразсмотрѣнныхъ шатровъ, все-таки принадлежитъ къ той же школѣ. Она, какъ болѣе ранняя, могла послужить прототипомъ къ послѣдующимъ. Въ самомъ дѣлѣ, части ея представляютъ нѣкоторое сходство въ расположеніи фигуръ на шатрѣ Никоновскаго сидѣнья, въ церкви Николая Мокраго.

Присутствіе такихъ произведеній искусства, какъ рѣзныя сѣни, царскія мѣста и иконостасы, несомнѣнно указываетъ на высокую степень развитія въ XVI—XVII вѣкахъ рѣзного русскаго дѣла. Всѣ вышеуказанныя художественныя произведенія сдѣлали бы честь любому музею, какъ единственные остатки русскаго деревяннаго искусства и какъ высоко-художественная композиція. Отобраніе ихъ въ музей и воспроизведеніе съ нихъ точныхъ копій, пока они не погибли,—дѣло въ высшей степени желательное. Полуразрушенный видъ надпрестольныхъ сѣней служитъ ручательствомъ ихъ недолговѣчности; оставляя же ихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всякій благодѣтель-возобновитель распоряжается древностью безконтрольно, всегда можно опасаться гибели этихъ драгоценныхъ памятниковъ, которые, конечно, послѣдніе, неповторимые, и потому должны быть особенно цѣнны и тщательно сохраняемы.

О гражданскихъ сооруженіяхъ.

Въ до монгольскомъ періодѣ уже въ X вѣкѣ было упомянуто о гражданскихъ каменныхъ сооруженіяхъ. Такъ, еще во времена св. Ольги на теремномъ дворѣ за Св. Богородицей былъ каменный теремъ: „*бѣ бо тутѣ теремъ камень*“, говоритъ лѣтопись подъ 1090 г. и банное строеніе тоже каменное. „*Ефремъ заложи отъ воротъ и строеніе банное каменно*“. Башни древнѣйшихъ церквей, напр. Софіи Кіевской и Новгородской, до сихъ поръ, принимаютъ за строенія, соединявшія храмы съ теремами; то же видимъ и въ Спасскомъ соборѣ въ Черниговѣ¹⁾, гдѣ съ давнихъ поръ стоятъ остатки краснаго терема. Всѣ эти башни совершенно тождественны по кладкѣ съ храмами византійскаго стиля, съ которыми онѣ соединяются. То же единство стиля видимъ и въ каменномъ дворцѣ Андрея Боголюбскаго близъ Владиміра.

Кромѣ дворцовъ и теремовъ строились и каменные крѣпости, начиная съ XI вѣка. Такъ подъ 1044 г. говорится, что Ярославъ въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ заложилъ „каменный городъ“. Въ томъ же году Всеволодъ построилъ г. Переяславль „камень“ и друг.

Всѣ эти каменные сооруженія воздвигались, вѣроятно, призванными къ намъ иностранцами въ ихъ національ-

¹⁾ Намъ не безызвѣстно мнѣніе о малоазійскомъ происхожденіи Черниг. соб., но мы его не заимствуемъ.

номъ стилѣ. Поэтому не въ этихъ каменныхъ сооруже-
ніяхъ надо искать начало исконнаго русскаго искусства,
а въ постройкахъ деревянныхъ.

Мы видѣли, что Славяне ¹⁾ съ давнихъ поръ, какъ только
появилось имя ихъ въ Европѣ, слывуть за искусныхъ
мастеровъ деревяннаго дѣла. То же видимъ въ XI вѣкѣ
въ пору междоусобій Святополка съ Ярославомъ. Кіев-
ляне называютъ новгородцевъ плотниками и кричатъ имъ:
*„а вы плотницы суци, а поставимъ вы х'оромъ рубити
нашимъ“*. ²⁾ Деревянныхъ сооружений до монгольскаго пе-
ріода для насъ не сохранилось. Ихъ можно познавать,
главнымъ образомъ, по описаніямъ и отчасти по миниа-
тюрамъ древнихъ рукописей.

Арабскій писатель Ибнъ-Дасть ³⁾, писавшій около 30-хъ
годовъ X вѣка, говоритъ: „у славянъ ⁴⁾ бываетъ такой
холодъ, что они выкапываютъ въ землѣ родъ по-
гребя, къ которому придѣлываютъ деревянную остроко-
нечную крышу, на подобіе крышъ христіанскихъ церк-
вей, и на крышу накладываютъ землю. Въ такой погребъ
они переселяются со всѣмъ своимъ семействомъ“. Оче-
видно, это описаніе относится къ такимъ же землянкамъ,
какія можно встрѣтить нерѣдко и теперь. Далѣе, Ибнъ-
Дасть сообщаетъ, что Славяне, „взявъ дровъ и камней,
зажигаютъ дрова и раскаляютъ камни докрасна; когда
же камни раскалятся, наливаютъ на нихъ воду, отчего
распространяется паръ, нагрѣвающий жильє до того, что
снимаютъ одежду, и въ такомъ жильѣ остаются до весны“.

¹⁾ А. М. Павлиновъ. Доисторическая пора искусства на почвѣ Россіи.
Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ, 1887 г.

²⁾ Лѣт. Новгородск. церквамъ Божиимъ. Изд. Археографической Коммиссіи.
Спб. 1879 г.

³⁾ Переводъ Гаркави, стр. 266.

⁴⁾ Многіе изъ современныхъ ученыхъ полагаютъ, что это описаніе отно-
сится не къ Славянамъ, а къ финскимъ племенамъ.

Кромѣ землянокъ, съ весьма древнихъ временъ, отъ свайныхъ, быть-можетъ, сооруженій ведутъ свое начало и плетенныя мазанки, т.-е. плетенныя избы, стѣны которыхъ обмазываютъ глиной; подобныя жилища также нерѣдко встрѣчаются и въ наше время.

Не имѣя хронологическихъ данныхъ, мы, для опредѣленія времени событій, прибѣгаемъ къ аналогіи и полагаемъ, что когда искусство достигло того, что размѣръ дерева уже не представлялъ затрудненія при обработкѣ его ствола, тогда явились бревенчатыя постройки, которыя дѣлались изъ горизонтально положенныхъ бревенъ-вѣнцовъ. Этотъ способъ стройки употребляли волжскіе Булгары, какъ свидѣлствуютъ о томъ арабскіе писатели; онъ часто служитъ отличіемъ славянскихъ сооруженій отъ построекъ западныхъ народовъ, которые любили ставить бревна вертикально, хотя какъ увидимъ ниже и Славяне тоже ставили бревна стоя.

Прототипомъ нашей избы была клѣть ¹⁾. Въ ней стали дѣлать очагъ; тогда эту клѣть, которую можно было топить, называли истобкой ²⁾. Это слово, рядомъ измѣненій, превратилось въ слово „изба“ и приобрѣло значеніе зимняго жилья, слѣдовательно, уже болѣе прочной постройки; за клѣтью же осталось значеніе легкаго лѣтняго помѣщенія. Съ развитіемъ зодчества изба начинаетъ претерпѣвать разныя видоизмѣненія, которыя мы и постараемся здѣсь указать. Первоначальная изба носила названіе „курной“. Въ ней былъ очагъ, на которомъ разводился огонь, а

1) Забѣлинь: Бытъ русскихъ царей, стр. 20—29.

2) Въ Лаврентьевск. лѣтоп., изд. 1846 г. (стр. 93), подъ 1003 г.: „Святославъ же . . . всажа и въ *истобку*“ (стр. 97). „Пристрои отроки въ оружн, *истобку* пристави“, подъ годомъ 1095 (стр. 111); „и ведоша въ *истобку* малу“, подъ годомъ 1097 (стр. 117); „и приде Мстиславъ Кыеву и сѣдоша въ *избн*“ подъ годомъ 1102. Въ Ипатьевской лѣтописи (стр. 88): „князя вопроша въ *истобкн*“, подъ 1161 г. и проч.

для выхода дыма въ верхней части стѣнъ прорубались квадратныя отверстія отъ 6 до 8 вершковъ въ сторонѣ. Эти отверстія назывались волоковыми окнами отъ того, что ихъ можно было заволакивать особымъ ставнемъ, когда изба достаточно нагрѣлась. Волоковые окна мало-помалу начинаютъ терять значеніе дымниковъ ¹⁾, для этой цѣли являются деревянныя трубы. Определить время ихъ появленія невозможно. Отецъ исторіи, Геродотъ, повѣствуетъ, что Скиѣмъ головы своихъ враговъ отрубали и насаживали на шести выше дымовыхъ трубъ ²⁾.

Слѣдовательно и тогда уже на землѣ, которая, съ появленіемъ Славянъ, стала имъ принадлежать, дымники существовали. Какъ только-что завелись послѣдніе, волоковые окна потеряли прежнюю цѣль и приобрѣли исключительное назначеніе освѣщать избу; ихъ стали рубить ниже и обдѣлывать косяками, т.-е. колодами. Такія окна, у насъ, назывались косящатыми, въ отличіе отъ волоковыхъ, которыя были безъ косяковъ. Косящатыя окна иногда украшались рѣзьбой, дѣлались съ особыми затѣями и тогда назывались красными. Истобка или курная изба называлась черной, въ отличіе отъ лучше устроенной избы, съ косящатыми и красными окнами, которая называлась бѣлой избой. Конечно, жильѣ ставилось, смотря по потребностямъ и избытку: люди болѣе состоятельные ставили себѣ нѣсколько избъ и соединяли ихъ переходами; такое строеніе называлось, смотря по

1) П. С. Р. Л. Томъ III, 160, 164.

2) Говоря это, конечно, мы наталкиваемся на нерѣшенный вопросъ: можно ли проводить параллель между Скиѣми-оратаями и Славянами? Это—дѣйствительно вопросъ, на который положительно отвѣтить нельзя; но время, о которомъ мы говоримъ, такъ далеко отъ насъ, что мы познаемъ его только на основаніи изученія историческихъ сказаній или находокъ, слѣдовательно, на объясненіяхъ фактовъ, а объясненіе факта часто бываетъ далеко отъ той истины, которую выражаетъ и носить въ себѣ самый фактъ.

числу избъ, двойнями, тройнями и четвернями, а все вмѣстѣ называлось хоромами¹⁾.

Изда и клѣтъ ставились просто на землѣ, а иногда и на подзавальѣ, что и теперь встрѣчается нерѣдко. Мало-помалу, подъ этими жилыми покоями стали дѣлать внизу помѣщеніе, гдѣ сосредоточивалось хозяйство: тамъ стоялъ скотъ, тамъ же были и кладовыя. Иногда кладовыя дѣлались съ волоковыми окнами, и входъ въ нихъ былъ изъ покоя, т.-е. изъ второго этажа; тамъ хранилось имущество, т.-е. казна; отсюда—названіе: „казенка“. Эти же нижнія помѣщенія, находясь подъ клѣтками, назывались подклѣтками²⁾. У богатыхъ въ подклѣткахъ стали дѣлать жилыя помѣщенія, напр., людскія, дѣтскія, а въ княжескихъ хоромехъ жили княжьи слуги, отроки, словомъ, всѣ входившіе въ составъ княжьяго двора. Во второмъ этажѣ, всегда, жилъ самъ хозяинъ, и его комнаты (отъ слова горній) назывались горницами³⁾. Названія по назначенію были разныя: напр. обриною, или ложницею, называлась спальня. Была еще тутъ же гридница, или гридня. Въ гриднѣ князь Владиміръ давалъ пиры боярамъ, гридямъ, сотскимъ, десятскимъ и нарочитымъ мужамъ, такъ что она, вѣроятно, была однимъ изъ приѣмныхъ покоевъ. Въ богатыхъ хоромехъ стали дѣлать части зданія многоэтажными, вродѣ башенъ, прямыхъ, круглыхъ и проч.; такія зданія назывались повалуша-

¹⁾ Лаврент. лѣтоп. (стр. 92), подъ 1091 г.: „вылѣзаша изъ *хоромилы*“. Изда рубилась на 4 стѣны изъ бревенъ или брусевъ, съ прокладкой мхомъ а у богатыхъ—коноплей, льномъ, паклей или пенькой; бревна въ углахъ срубались въ обло, въ присѣкъ, въ лапу и въ замокъ, а у богатыхъ—въ усь, въ брусъ и въ косякъ. См. Забѣлинъ. Бытъ царей.

²⁾ *Подклѣтъ* — сравнительно позднее слово; въ лѣтописи оно замѣнялось словомъ *порубъ* (см. Забѣлина: Бытъ царей, стр. 23). Лавр. лѣт., подъ 1067 г.: „идоша къ порубу“. Въ Ипатьевск., подъ 1146 г.: „и всади въ *поруба*“. Слово *порубъ* встрѣчается нѣсколько разъ въ царск. лѣт.

³⁾ Ипатьевск. лѣт., подъ 1152 г.: „и несомаша въ *горенку*“.

ми¹⁾); онѣ бывали значительной вышины, и наверху ихъ дѣлалось крытое гульбище—терраса. Свѣтлицей называлась горница съ красными окнами; она назначалась для работъ и преимущественно для женщинъ. Въ каждыхъ хоромахъ, какъ необходимая ихъ принадлежность, были сѣни; онѣ отличались отъ прочаго строенія тѣмъ, что надъ ними на потолокъ не насыпалась земля. Въ сѣняхъ устраивались постели для новобрачныхъ, такъ какъ по тогдашнимъ понятіямъ и обычаямъ, среди радостей жизни не должно было являться и малѣйшему намеку на смерть, которымъ могла служить лежащая наверху земля. Надъ сѣнями дѣлались свѣтлые чердаки, называемые вышками и теремами; къ нимъ пристраивались иногда и зрительныя башенки. Въ теремахъ также дѣлались красныя окна, обыкновенно на четыре стороны. Верхнее жилье устраивалось легче нижняго; оно обыкновенно ставилось на стойкахъ или столбахъ, забиралось брусьями и обшивалось тесомъ въ закрой, или въ косякъ; такимъ же образомъ устраивались и сѣни²⁾. Помѣщеніе подъ ними называлось подсѣньемъ и ставилось иногда на подборѣ. Подбирать или забирать въ столбъ — значило ставить столбы въ стѣну стоймя. Полъ мостили на кладяхъ, или лежняхъ половыми досками въ причертъ съ вытесомъ. т.-е. гладко, ровно, также въ закрой и всегда выверстывали. Потолокъ, или подволоку утверждали на матицахъ устилая брусьями или накатывая бревна, которыя изнутри вытесывались и клались въ закрой; сверху, по глиняной смазкѣ, насыпалась сѣяная земля. Крыши дѣлались разной формы: двускатная состояла изъ князя, или конька,

1) Забѣлинь ссылается на Извѣстія Академіи Наукъ, т. X, вып. V, 550, и говоритъ, что повалуши были и въ XII вѣкѣ, даже расписныя: „ты, живя въ дому, *повалуши* исписавъ“.

2) Лаврент. лѣт. подъ 1067 г.: „Изяславу же сидящу на *стѣнѣ*“. Ппат. лѣт., подъ 1175 г.: „иде подъ *стѣни*“.

верхняго продольнаго бруса, по которому иногда шель рѣзной гребень съ маковицами и прапорами, т.-е. флюгарками; внизу, съ обѣихъ сторонъ, протягивались курицы, т.-е. деревья съ закрючинами, и на нихъ клались застрѣхи—нижніе продольные брусья, составлявшіе свѣсъ крыши. Эти деревья-курицы закрывались узорчато-вырѣзанными причелинами, которыя спускались по сторонамъ очелья (фронтоня). Кровля рѣшетилаась латоками, или продольными рѣшетинами. Крыша крылась двойными досками съ прокладкой бересты, что называлось „скалить“, при чемъ самое покрытие называлось „крыть въ два теса со скалою“. Крыша была крутая, а для задержанія сильнаго ската воды дѣлали на кровлѣ переломъ, такъ что свѣсы были значительно положе; они назывались полицами. Подъ полицы клались желоба, которые бывали большіе охлупные и малые. На полицы иногда ставились балясины, а самый свѣсъ украшался подзоринами; на чердакѣ же продѣлывались окна. Крыши были въ видѣ шатра куба, бочки и проч.¹⁾ Иногда онѣ крылись гонтомъ, чешуей, кажушились мелкой рѣшетиной.

„Нарядить нутро“ — значило отдѣлать избу начисто внутри, т.-е. навѣсить дверь, сдѣлать опечекъ, околодить окна. и проч. Брусняныя стѣны отдѣлывались скобелемъ и выскабливались въ-ласть; потолокъ и стѣны иногда обшивались тесомъ; потолоки, или подволоки въ послѣдствіи, иногда, украшались рѣзьбой и состояли изъ отдѣльныхъ штукъ, рамъ или щитовъ; въ ихъ украшенія входила слюда, фольга и потомъ стекла. Упоминаются и вислыя подволоки. Стѣны иногда раскрашивались и расписывались. Иногда нутро наряжали сукнами разныхъ цвѣтовъ, при чемъ ихъ шивали въ клинъ, въ шахматъ и проч.; позднѣе стали

¹⁾ Формы крышъ можно прослѣдить по миниатюрамъ съ самыхъ древнихъ временъ, со Святославова изборника, кончая самыми позднѣйшими.

украшать стѣны бесменными кожами съ вытисненными травами. Въ XVII вѣкѣ являются и шпалеры, или тканныя обои. Надъ окнами дѣлались завѣсы, а иногда—одна завѣса, на кольцахъ, надъ нѣсколькими окнами; онѣ бывали съ голунами, иногда же и стеганныя, для тепла. У оконъ ставились скамьи, или лавки; онѣ дѣлались на столбахъ или стамнахъ, съ боковъ опушались тесьмой; на нихъ стлали войлокъ или тюфяки и покрывали ихъ сукномъ съ вышитыми узорами, въ видѣ травъ, звѣрей (львовъ, птицъ и друг.). Задняя лавка, находившаяся у входныхъ дверей, называлась конникомъ, другія назывались передними или красными.

Въ лѣтописяхъ не разъ встрѣчаемъ названія разныхъ построекъ, указывающія на то, что какъ только началась Русь, въ ней сейчасъ же являются не только клѣтъ, изба съ подклѣтомъ и дымникомъ, но и златоверхіе терема¹⁾ и хоромы съ расписными повалушами, горницами, сѣнями, съ разными службами, банями, погребами и проч. Всѣ эти строенія, говоритъ Забѣлинъ, мы находимъ и въ послѣдующіе вѣка на югѣ и на сѣверѣ Россіи; такъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится о златоверхомъ теремѣ великаго князя Святослава Кіевскаго; извѣстенъ также дворъ великаго князя Юрія Долгорукаго въ Кіевѣ, за Днѣпромъ, который называли *раемъ*; златоверхій набережный теремъ и сѣни великаго князя Дмитрія Донскаго, въ которомъ онъ, во время пира, узналъ о приближеніи татарскихъ полчищъ. Теремъ этотъ находился близъ церкви Благовѣщенія каменной. Въ документахъ XV вѣка²⁾, т.-е. по современнымъ записямъ и лѣтописямъ, говорится про среднюю горницу, гдѣ великій князь

1) Русскій Истор. Сбор., т. III, 24. Ист. гос. Рос. V, 70, 85.

2) Забѣлинъ: Быть царей, стр. 25. Памятники Дипл. Снош. 1, 10. Лѣт. Архангелогородскаго мон. 1787, стр. 170.

Иванъ Васильевичъ въ 1479 г., по случаю торжественнаго освященія Успенскаго собора и перенесенія мощей московскихъ чудотворцевъ, давалъ столъ митрополиту.

При царѣ Иоаннѣ III, какъ видѣли выше, вызываются итальянскіе мастера и строятъ дворцовыя зданія. Въ 1482 г. великій князь изъ стараго дворца переѣхалъ въ новыя хоромы Ивана Юрьевича Патрикѣва, близъ церкви Иоанна Предтечи на Бору, свой старый дворъ повелѣлъ разобрать и начать ставить новый каменный дворъ. Фрязинъ Марко Руфъ въ 1484 г. строить изъ кирпича каменную палату, извѣстную подъ именемъ казеннаго двора. Палата эта была расположена между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами; здѣсь хранилась государева казна. Тотъ же мастеръ строилъ и другую набережную палату на западъ отъ Благовѣщенскаго собора. Подъ 1488 г. упоминается также и набережная горница великаго князя, набережный сѣнникъ, средняя повалуша великой княгини Софьи Ѳоминичны (1490 г.), кромѣ того столовая, гридня и повалуша великаго князя. Въ 1491 г. итальянцы Марко Руфъ и Петръ Антоній строили Грановитую палату. Передъ коронаціей нынѣ царствующаго Императора, реставрація Грановитой палаты показала, что существующая нынѣ отдѣлка значительно отступаетъ отъ первоначальной; при сбивкѣ штукатурки, окна оказались переставленными; по слѣдамъ первоначальныхъ оконъ видно, что перекрытіе ихъ было не прямое, какъ теперь, а по двумъ арочкамъ съ подвѣской въ срединѣ. Поэтому есть основаніе предположить, что московская Грановитая палата первоначально была въ русскомъ стилѣ. Палата эта въ планѣ представляетъ квадратъ со столбомъ въ срединѣ. Она крыта сводами, которые, опираясь пятами на наружныя стѣны палаты, сходятся со всѣхъ сторонъ къ среднему столбу, послѣдній и служитъ имъ второю опорю.

Такого рода планъ въ древней Руси имѣлъ не рѣдкое примѣненіе, когда требовалось покрыть сводами помѣщенія значительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., подобный планъ видимъ въ Псковѣ, въ Поганкиныхъ палатахъ, въ Ростовѣ Великомъ, Бѣлая палата и друг. Такого рода постройки по расположенію имѣютъ сходство съ западными, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ внутреннюю отдѣлку въ западномъ стилѣ, болѣе всего напоминающемъ готику; потому является вопросъ о западномъ ихъ происхожденіи ¹⁾. Предположеніе это, о заимствованіи, тѣмъ болѣе вѣроятно, что исторія Новгородско-Псковскаго братства говоритъ, что русскіе мастера учились строить у нѣмцевъ. Такъ извѣстно, что, послѣ пожара въ 1432 году, новгородскій архіепископъ Евфимій выстроилъ «владычинъ дворъ», гдѣ были большія каменные палаты, комнаты и другія зданія; нѣкоторыя палаты и сѣни были имъ подписаны. Одна изъ такихъ палатъ, будто бы, была о тридцати дверяхъ. Всѣ эти постройки были воздвигнуты нѣмецкими зодчими съ помощью новгородскихъ мастеровъ. Можетъ-быть новгородскій «владычинъ дворъ», говоритъ Забѣлинъ, и послужилъ примѣромъ при устройствѣ новаго московскаго дворца. Послѣ присоединенія Новгорода появляются въ Москвѣ и частныя каменные зданія, напр.: палата митрополита Геронтія, палаты Ховрина, Василія Образца и друг. Возьмемъ, еще церковь Іоанна архіепископа въ Новгородѣ, называемую Грановитою палатою ²⁾. Помѣщеніе это имѣетъ квадратный планъ со столбомъ по срединѣ, крыто сводами готической конструкціи съ разноцвѣтными тягами и росписью; нѣсколько отступя отъ восточной стѣны поставленъ иконостасъ, за которымъ

¹⁾ Котовъ, сообщеніе на С.-Петербургскомъ съѣздѣ зодчихъ.

²⁾ Солнцевъ, Оригинальный рис. въ Московской Оружейной палатѣ, другой—Мартынова въ Историческомъ музеѣ.

образуется прямоугольное помѣщеніе, здѣсь находится алтарь, но онъ не имѣетъ своей характерной формы. Очевидно, палата эта была строена не для церкви, а имѣла другое назначеніе. Здѣсь, вѣроятно, и была «Грановитая палата», названіе которой сохранилось до сихъ поръ.

Позднѣе такого рода помѣщенія видимъ и при церквяхъ, напр., трапеза при Введенской церкви въ с. Спаскомъ, Калужскаго уѣзда ¹⁾, и въ Троицкой церкви, въ селѣ Долбинѣ. При этомъ, надо замѣтить, что по мѣстному преданію, Троицкая церковь устроена изъ барскихъ хоромъ и проч.

Въ 1493 г. отъ большого пожара сильно пострадала Москва, сгорѣли и Патрикѣевы хоромы, а царь выѣхалъ на Яuzu и поселился „на крестьянскихъ двортъхъ“. Только мѣсяца черезъ четыре вернулся въ Кремль, когда успѣли для него выстроить новыя деревянныя хоромы.

Въ 1499 г. новый итальянецъ Алевизъ отъ града Медіолама ²⁾ заложилъ каменный, кирпичный дворъ, да стѣну каменную отъ двора до Боровицкихъ воротъ. Но великій князь не дождался окончанія постройки и умеръ въ 1505 году. Дворецъ былъ оконченъ при Василии Іоанновичѣ въ 1508 году. Дворецъ этотъ стоитъ до настоящаго времени и составляетъ низъ Кремлевскихъ теремовъ. Верхніе же этажи выстроены позднѣе, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

По объясненію И. Е. Забѣлина, между существующей Грановитой палатой и Благовѣщенскимъ соборомъ находилась средняя палата. Передъ среднею палатою было Красное крыльцо. Такимъ образомъ на передніе переходы, съ площади, вели три лѣстницы: одна была,

¹⁾ Преображенскій: Памятники древнерусскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи. Спб. 1891 г., табл. IX.

²⁾ Милана.

какъ и теперь, у стѣны Грановитой палаты та, которую теперь, неправильно, называютъ Краснымъ крыльцомъ, другая вела черезъ Благовѣщенскую паперть, а третья, или Красное крыльцо, была посрединѣ и вела въ сѣни средней палаты. Средняя палата называлась Золотой, потому что была расписана золотомъ. Далѣе была столовая съ особой лѣстницей на Спасовъ дворъ и проч. Постельныя, или жилия хоромы, великаго князя и княгинина половина, примыкали къ церкви Рождества Богородицы и были на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Теремной дворецъ.

Въ 1547 году, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, сгорѣли всѣ деревянныя постройки и были попорчены каменные, такъ что, царь выѣхалъ на Воробьево и жилъ тамъ, пока ему ставили новыя деревянныя хоромы и чинили каменные. Вскорѣ царь, позади большой набережной палаты, выстроилъ, для своихъ дѣтей, „особый дворъ“ съ храмомъ Срѣтенія „на взрубѣ“. При учрежденіи опричины царь выстроилъ себѣ дворецъ внѣ Кремля, противъ Троицкихъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворъ князя Михаила Темрюковича Черкаскаго¹⁾, но здѣсь жилъ недолго и скоро переѣхалъ въ Александровскую слободу; а опричный дворецъ и кремлевскія постройки погорѣли, при нашествіи хана Девлетъ-Герая въ 1571 году.

Одна изъ древнихъ построекъ сохранилась въ г. Угличѣ, извѣстная подъ именемъ дворца царевича Дмитрія, сына Ивана Грознаго (рис. 140). Угличъ былъ удѣломъ Дмитрія, тамъ онъ жилъ съ матерею до 1591 г. Дворецъ этотъ въ видѣ четырехгранника, съ четырьмя фронтонами; стѣны фронтоновъ снаружи украшены кирпичными узорами въ

¹⁾ П. Е. Забѣлинъ указываетъ на зданіе Архива Иностранцевъ. Дѣль, какъ на подобное опричному Дворцу. Археол. изв. ист. № 11. Москва 1893 г. стр. 416.

11-ть рядовъ: во второй этажъ ведутъ остатки лѣстницы: но въ настоящее время все сильно измѣнено. Дворецъ этотъ недавно отремонтированъ.

Во время голода въ 1601—2 годахъ царь Борисъ Годуновъ. „чтобы людямъ питатися“, повелѣлъ воздвигнуть большія каменные палаты на «взрубѣ», гдѣ былъ особый дѣтскій дворъ царя Ивана. Кромѣ каменныхъ палатъ, у царя Бориса, были и деревянныя хоромы, которыя потомъ Дмитрій Самозванецъ велѣлъ сломать. Самозванецъ выстроилъ себѣ новыя хоромы въ Кремлѣ, въ польскомъ вкусѣ.

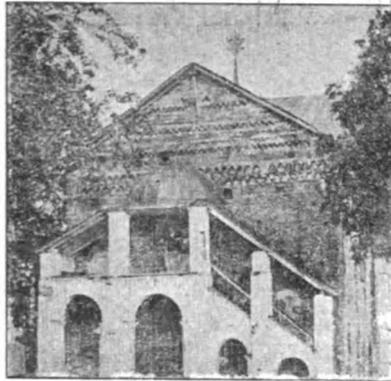

Рис. 140.

Шуйскій тоже выстроилъ себѣ особыя деревянные хоромы, такъ какъ въ опальномъ дворцѣ Самозванца новому царю жить было неудобно.

При вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича дворецъ требовалъ капитальнаго исправленія. Плотничій староста Первуша Исаевъ¹⁾ выстроилъ царю новыя деревянные хоромы, но онѣ скоро сгорѣли. Тотъ же староста снова выстроилъ другія хоромы, гдѣ царь справлялъ (1628 г.) новоселье.

Въ то же время извѣстенъ иностранный архитекторъ, палатный мастеръ, Джонъ Талеръ, исправлявшій церкви.

¹⁾ Въ то время извѣстны иконописцы: Прокопій Чиринъ, Назаръ Савинъ, Иванъ Паисеинъ, Осипъ Поснѣвъ, Лука Трофимовъ, Ивашка да Андрушка Моисеевы, Миколка Андреевъ (дѣлалъ потолокъ — литую вислую подволоку), извѣстны еще Солтанъ Пантелѣвъ, Бажень Родіоновъ и друг.

Указомъ государя, въ это время, вызываются, для построекъ разнаго рода, мастера изъ Ростова, Суздали, Бѣлозера и проч., извѣстенъ также галландскій мастеръ Рудирикъ Мартысъ который дѣлалъ кирпичъ, а Христофоръ Головей поднялъ воду на Свиблову башню, и провелъ на государевъ

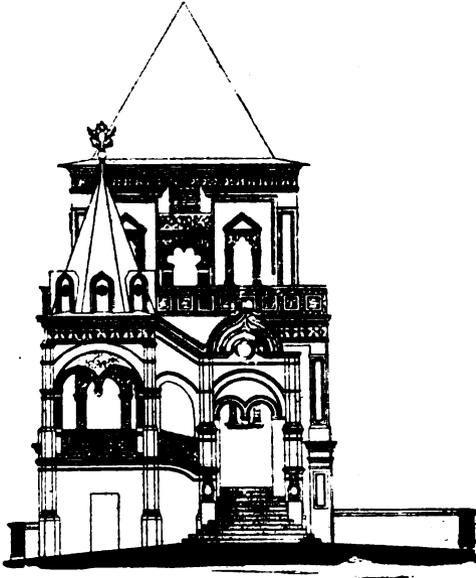

Рис. 141.

дворъ. Царь Михайлъ Θεодоровичъ, на стѣнахъ Алевизовой постройки, первый выстроилъ жилия каменные хоромы, такъ какъ до этого времени царскія жилия хоромы обыкновенно были деревянные. Хоромы эти, теперь извѣстны подъ именемъ Теремного дворца. Онѣ строены русскими каменныхъ дѣлъ подмастерьями: Баженомъ Огурцовымъ, Антипомъ Константиновымъ, Трефиломъ Шарутинымъ да Ларіономъ Ушаковымъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ возобновлялъ и украшалъ дворецъ своего отца ¹⁾. Рис. 141 представляетъ только три верхніе его этажа, ниже—есть еще два этажа, но они здѣсь непоказанны. Въ 1661 году государь выстроилъ новую столовую, великолѣпно разукрашенную рѣзьбой, золоченьемъ и живописью, въ заморскомъ вкусѣ, по вымыслу инженера и полковника Густава Декенпика, который

¹⁾ Извѣстенъ мастеръ Вавилка Савельевъ, рисовальщикъ Ивашка Соловей.

подъ именемъ вымышленника выѣхалъ къ намъ въ 1658 г. ¹⁾ Въ рѣзбѣ, живописи и золоченыи принимали большое участіе польскіе мастера ²⁾).

Одно изъ замѣчательныхъ зданій, выстроенныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ—дворецъ въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Еще при Грозномъ говорится о постройкахъ церквей въ селѣ Коломенскомъ, и въ селѣ Дьяковѣ, а также и о пирахъ. Поэтому надо полагать, что тамъ и тогда уже былъ дворецъ, гдѣ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, вмѣсто обветшалыхъ хоромъ, построилъ новыя въ 1640 году. Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1649 году строитъ новыя хоромы, а въ 1666 году готовится къ постройкѣ двухъэтажнаго деревяннаго дворца. За стройку принялись плотничій староста Сенька Петровъ да Ивашко Михайловъ и въ 1667 г. дворецъ былъ готовъ вчернѣ. Началось рѣзное дѣло; рѣзчикъ Арсеній да бѣлорусы: Климъ Михайловъ, Давыдъ Павловъ, Андрей Ивановъ, Герасимъ Окуловъ и Ѳеодоръ Николаевъ, работавшіе у патріарха Никона, въ Новомъ Іерусалимѣ, теперъ были приставлены ко дворцу.

Это обширное зданіе со сложнымъ планомъ, не представляющимъ почти никакой правильности и симметріи, служитъ лучшимъ примѣромъ нашихъ деревянныхъ построекъ того времени. Дворецъ этотъ (рис. 142) раздѣлялся на нѣсколько половинъ, или отдѣленій. Онъ былъ въ два этажа; вверху были государевы хоромы, хоромы царевича, хоромы царицы, хоромы царевенъ и проч.; внизу помѣщалась мыльня и хозяйственныя принадлежности. Снаружи, фасадъ представлялъ весьма красивыя группы съ фантастическими крышами, лѣстницами и башнями. Онъ былъ, въ общемъ, лишень, почти, всякой симметріи, что еще болѣе увели-

¹⁾ Архивъ Оруж. Палаты № 1013, лѣта 7166.

²⁾ Иванъ Мировскій, Ѳеодоръ Свицерскій, Станиславъ Кутѣевъ и друг.

чивало его прелесть. Въ настоящее время его модель находится въ Московской Оружейной Палатѣ; но на модели не показано красокъ, между тѣмъ какъ въ натурѣ дворецъ былъ разныхъ цвѣтовъ, испестренъ, со всевозможною роскошью, не только снаружи но и внутри.

Не менѣе замѣчательный, тоже деревянный, дворецъ былъ въ селѣ Измайловѣ. Онъ тоже, какъ и Коломенскій, служилъ образцомъ русскаго искусства, его показыва-

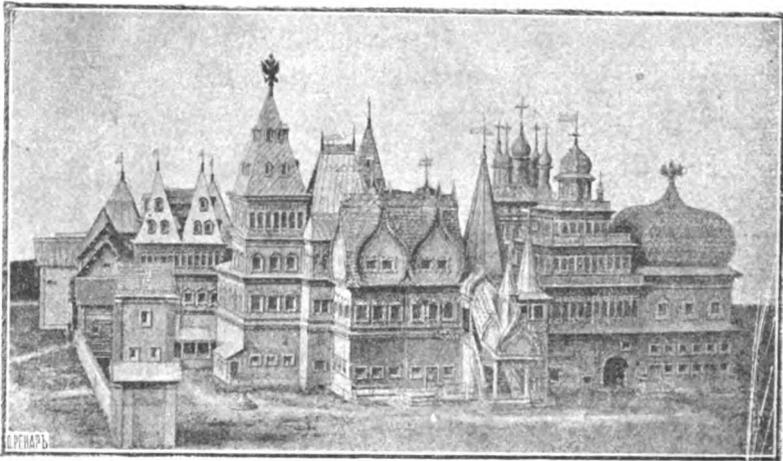

Рис. 142.

ли, привѣзжимъ гостямъ, какъ диковину. Сохранившееся описаніе дворца показываетъ, что и онъ состоялъ изъ многихъ отдѣленій: были хоромы царя, царицы, царевича и царевенъ большихъ и меньшихъ. Постройка его производилась не сразу, а въ разное время, постепенно, по мѣрѣ надобности. Дворецъ этотъ существовалъ до 1765 г., послѣ чего, за ветхостью, былъ разобранъ. Царь Алексѣй Михайловичъ построилъ себѣ нѣсколько каменныхъ дворцовъ въ монастыряхъ, такъ напр., въ Ипатьевскомъ близъ Костромы (рис. 143), въ Саввинскомъ близъ Звенигорода и друг.

Въ 1672 г. магистръ Яганъ Годфридъ *исправлялъ комедію или комидійное дѣйство.*

По Забѣлину ¹⁾, деревянный театр. подѣ названіемъ „Комедійная хоромина“, былъ построень, по указу царя Алексѣя Михайловича въ с. Преображенскомъ, со всеми приспособленіями, возможными въ то время, какъ это видно по сохранившейся запискѣ о затраченномъ матеріалѣ. Въ 1673 г. все театральные уборы и декорацин

Рис. 143.

были вывезены и сложены въ палату боярина Милославскаго на кремлевскомъ дворѣ, которая, послѣ его смерти въ 1668 г., поступила въ число дворцовыхъ зданій: это нынѣшній Потѣшный дворець. Въ 1679 г., кромѣ каменнаго зданія, здѣсь были выстроены и деревянные хоромы съ теремомъ для помѣщенія сестеръ государя. Послѣ пожара въ 1682 г. въ нижнемъ этажѣ была устроена комната, *„идь сидѣть съ бояры—слушать всякихъ дѣлъ“*. Въ самомъ верху этого зданія, какъ показаль осмотръ, была церковь, и существующій наружный выступъ фасада, въ видѣ крытаго балкона,—не что иное какъ алтарь этой церкви. Средина церкви на фасадѣ поднимается въ видѣ четырехгранника. Рядомъ стоитъ небольшая башенка—звоница.

¹⁾ Домашній бытъ царицъ, стр. 482—4.

Въ то же время были выстроены вновь брусяныя хоромы для царей, которыя въ 1696 году сгорѣли до тла.

Изъ частныхъ построекъ XVI—XVII вѣка укажемъ въ Москвѣ на домъ при Синодальной типографіи, домъ Моск. Археологическаго Общества, на старыи домъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Почаевской улицѣ, на домъ гетмана Мазепы въ г. Черниговѣ и друг. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ—одинъ и тотъ же чистый русскій стиль XV—XVII вѣка, который видимъ и въ церковныхъ постройкахъ того времени. Нельзя не указать также на старое зданіе при архіерейскомъ домѣ въ г. Рязани. Когда и кѣмъ строено

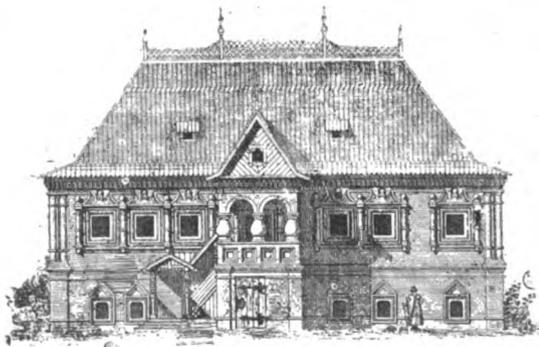

Рис. 144.

оно—неизвѣстно; преданіе называетъ его замкомъ Олега. Въ немъ интересны входныя внутреннія двери и наружныя окна. Детали дверей нѣсколько своеобразны. Входная первая—имѣетъ гофреную арку довольно крупнаго узора, что въ русскомъ стилѣ встрѣчается сравнительно рѣдко. Тоже можно сказать и про столбы, отдѣланные профилемъ съ поворотами въ верху и низу, напоминающими западные мотивы, равно какъ и раковина въ аркѣ второй двери. Эти особенности видимъ только въ г. Рязани.

Въ концѣ XVII вѣка появляются постройки, принадлежащія, по стилю, къ періоду паденія искусства. Такъ.

напр.: домъ князя Юсупова въ Москвѣ, времени императора Петра II, домъ Коробовыхъ въ Калугѣ (рис. 144) и друг.

Вслѣдъ за этимъ начинается совершенно другая архитектура, бояре строятъ огромные каменные дома въ западномъ стилѣ. Одинъ изъ такихъ домовъ, принадлежавшій графу Воронцову, — сохранился досихъ поръ и находится близъ Кузнецкаго Моста, гдѣ нынѣ Строгановское училище; другой домъ принадлежалъ Апраксину, — стоитъ на углу Знаменки и бульвара, въ немъ теперь Александровское училище; домъ Шереметевыхъ на Воздвиженкѣ и друг. Всѣ эти дома, уже, ничего не имѣютъ общаго съ русской архитектурой и потому для насъ не имѣютъ интереса.

О древнихъ укрѣпленіяхъ.

Самый обыкновенный способъ укрѣпленія, въ древности, былъ плетень, тынъ¹⁾, вообще заборъ изъ земляной валь. Валь копали такъ, что, впереди его, образовывалась канава, или ровъ, который тоже служилъ препятствіемъ, въ особенности, если его можно было наполнить водой. На валь, иногда, ставили деревянный тынъ. Болѣе совершенный способъ деревяннаго укрѣпленія состоялъ изъ двойныхъ деревянныхъ стѣнокъ, вѣрнѣе сказать, срубовъ, сдѣланныхъ изъ бревенъ и заваленныхъ, внутри, землей. Такимъ образомъ получали довольно прочную защиту хотя и очень примитивную. Изображенія, такого рода укрѣпленій на древнихъ картинахъ, встрѣчаются довольно часто, гдѣ, обыкновенно кромѣ стѣнъ, видны и башни въ значительномъ количествѣ. Башни эти бываютъ разныхъ формъ по плану, — четырехугольные и многоугольные, — крыты онѣ, по большей части, остроконечными крышами, иногда въ верхней своей части имѣютъ уши-

¹⁾ Лавр. под. 1051 г. говоръ о Печерск. монаст. „заложиша церковь велика и монастырь огордиша *столпемъ*“ изд. Археогр. ком. 1872 г. СПб.

реніе, образующее навѣсныя бойницы съ отверстіями внизу, черезъ которыя можно было бросать, на стоявшаго близко непріятеля, камни, обливать горячей смолой и проч. Такого рода деревянныя укрѣпленія, по мнѣнію покойнаго академика Даля, послужили прототипомъ для нашихъ каменныхъ башенъ съ бойницами, подобнаго же устройства. Мнѣніе такого рода, кажется весьма правдоподобно, хотя навѣсныя бойницы давно дѣлали на Западѣ, но наши каменныя башни, по общей формѣ весьма похожи на деревянныя башни; ихъ общій складъ, русскій стиль и подробности деталей, положительно доказываютъ, что онѣ взяты съ дерева.

Говоря это, мы разумѣемъ каменныя башни, выстроенныя по призывѣ къ намъ иностранныхъ мастеровъ, слѣд. не ранѣе Царя Ивана III., какъ это можно сказать, напр., про нѣкоторыя башни Московскаго Китай-Города и Кремля, со стороны Москвы рѣки. Эти башни, какъ взятыя съ дерева, по наружному своему виду весьма отличаются отъ башенъ другого рода, ведущихъ свое происхожденіе отъ древнѣйшихъ нашихъ каменныхъ укрѣпленій домонгольскаго періода.

Послѣ принятія Христовой вѣры призванные византійскіе мастера и художники, конечно, строили намъ и первыя крѣпостныя стѣны. Могочисленный перечень такого рода построекъ, въ нашихъ лѣтописяхъ, указываетъ, что онѣ были необходимы и имѣли большое значеніе¹⁾. Развалины Кіевскихъ Златыхъ воротъ по кладкѣ своей свидѣтельствуютъ, что онѣ строились по-византійски, т.-е. такимъ же способомъ и изъ такого же матеріала, какъ и

¹⁾ Лавр. подъ 991 г. „Волод. заложил градъ Бѣлгородъ. Подъ 1037 г. Заложил Ярославъ городъ великій Кіевъ у него же есть знатныя врата. Лѣт. Повгор. ц. В. подъ 1044 г. ходи... Ярославъ Влад. на литву... и здѣла на Софійской сторонѣ каменный городъ и проч.

наши первые храмы. Тоже должны сказать о постройкѣ святыхъ воротъ въ г. Владимірѣ; позднѣе о Довмонтовой стѣнѣ въ Псковѣ и друг. Но формы древнихъ византийскихъ башенъ намъ извѣстны по греческимъ древнимъ памятникамъ Царь-Града (Константинополя), подобныя же видимъ и въ Крыму. Конечно многія, сохранившіяся до насъ стѣны и башни, четырехугольныя, круглыя и друг. съ зубцами наверху, носятъ въ формахъ своихъ древнѣйшія традиціи, какъ видимъ, напр., въ г. Смоленскѣ, Ростовѣ, отчасти Ярославлѣ, Коломнѣ и другихъ, тоже и въ монастыряхъ, наприм. Толжскомъ, Троицкомъ, Псково-Печерскомъ, гдѣ башни иногда имѣютъ оригинальныя деревянные надстройки; наконецъ въ Москвѣ Симоновъ, Дѣвичій и друг. Но въ постройкахъ этихъ, въ силу требованій времени уже замѣтны иногда значительныя измѣненія. Такъ высокія зубчатыя стѣны, бывшей крѣпости Изборска, украшены разными узорами и крестами, сдѣланными изъ выступающихъ кирпичей, обнаруживающими сравнительно позднее ихъ происхожденіе. Кромѣ кирпичныхъ укрѣпленій видимъ также и бѣлокаменныя крѣпости, такъ напр. въ г. Серпуховѣ, что конечно есть результатъ, сравнительно близкаго, присутствія залежей бѣлаго камня.

Одинъ изъ самыхъ богатыхъ памятниковъ такого рода, конечно, принадлежитъ Москвѣ, именно Московскому Кремлю, построенному при Царѣ Иванѣ III. Высокія стѣны и башни съ мостами, перекинутыми черезъ рѣку Москву и рѣчку Неглинную, протекавшую тамъ гдѣ теперь Александровскій садъ, производили болѣе величественное впечатлѣніе, чѣмъ теперь. При вѣздѣ на мосты, съ противоположной стороны Кремля, стояли не одни великолѣпныя ворота, какъ это ясно доказываютъ оставшіеся рисунки этого величественнаго укрѣпленія. Въ 1491 г. зодчій Петръ Антоній золожилъ Спасскія ворота.

Объ этомъ говоритъ, находящаяся на нихъ, надпись слѣд-
содержанія: „Іоанъ Васильевичъ Божією милостію Великій
князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверской,
Пековскій, Вятскій, Угорьскій, Пермскій, Болгарскій и иныхъ
всѣя Россіи государь въ лѣто тридцатое государствованія
своего велѣлъ построить сію башню, а строилъ ее Петръ
Антоній Солярій Медиоламскій въ лѣто воплощенія Господня
1491“. Прежде эти ворота назывались Фроловскими, но
въ 1647 году изъ г. Вятки былъ принесенъ образъ Не-
рукотвореннаго Спаса, его встрѣчалъ самъ царь. Образъ
былъ торжественно внесенъ въ Фроловскія ворота, послѣ-

Рис. 145.

чего и приказано было ихъ именовать Спасски-
ми и, проходя, снимать шапку. Въ настоящее
время эти ворота имѣютъ на себѣ высокую баш-
ню съ часами (рис. 145), но башня эта надстро-
ена уже позднее, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоро-
вичѣ, въ 1626 г., зодчимъ Христофоромъ Голо-
веемъ. Первоначально же вмѣсто башни была,
невысокая, четырехгранная вышка съ крышею
на четыре ската, а на ея верху былъ орелъ.

Рядомъ со Спасскими воротами были вы-
строены и Никольскія ворота, тѣмъ же Пе-
тромъ Антоніемъ. Они были весьма похожи
на Спасскія, тоже съ невысокою вышкой. Су-
ществующая же нынѣ высокая готическая
башня выстроена архитекторомъ Росси, послѣ
взрыва французовъ въ 1812 году. Въ этой
башнѣ былъ устроенъ застѣнокъ для пытокъ.

Троицкія ворота (прежде наз. Курятныя) выстроены
въ 1500 г. зодчимъ Петромъ Фрязинымъ. Это единствен-
ныя ворота, которыя, передъ въѣздомъ въ Кремль, имѣютъ,
до сихъ поръ, мостъ, а впереди моста укрѣпленіе—баш-
ню, назыв. кутафіей. Курятныя ворота были переиме-

нованы въ Троицкія въ честь образа св. Троицы, который находится на ихъ внутренней сторонѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ ихъ исправлялъ и повелѣлъ устроить на нихъ часы съ курантами.

Рядомъ съ Троицкими воротами находятся Боровицкія ворота. Они строены тѣмъ же архитекторомъ Петромъ Антоніемъ Фрязинымъ. Названіе свое получили отъ бора, который находится въ этомъ мѣстѣ, хотя, одно время, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, они назыв. Предтечевскими. На этихъ воротахъ, тоже, стоитъ высокая башня, но въ русскомъ стилѣ, — той же архитектуры, какъ многія изъ башенъ, обращенныхъ къ Москвѣ рѣкѣ.

Къ Московскому Кремлю примыкалъ посадъ, извѣстный подъ именемъ Китай-Города. Онъ въ половинѣ XVI вѣка былъ обнесенъ каменною стѣной; а рѣчка Неглинная, протекавшая вдоль его стѣны, была соединена съ Москвой рѣкой каналомъ, такъ что Китай-Городъ и Кремль представляли островъ. Въ Китай-Городѣ было много воротъ въ видѣ башенъ, а именно: Срѣтенскія, Никольскія они теперь золочены, и стоятъ рядомъ съ Владимірскими, ведущими съ Никольской улицы на Лубянскую площадь: Троицкія, — теперь Ильинскія: Всесвятскія, нынѣ — Варварскія, а Козьмо-Даміанскія выходили къ Москвѣ рѣкѣ, но заложены при царевнѣ Софіи. Самыя же замѣчательныя были Иверскія или Воскресенскія; они носили въ древности много различныхъ названій и, также какъ Троицкія, наз. Курятными, потому что стояли позади птичьяго царскаго двора. Ворота эти выстроены въ 1680 г., раньше здѣсь была башня безъ проѣзда. У Иверскихъ воротъ находилась часовня съ знаменитою чудотворной иконой Иверской Божіей Матери; помещена эта икона у воротъ, конечно, согласно традиціямъ: поручать охрану входа, т.-е. воротъ, какому-нибудь святому.

Кремль и Китай-Городъ были, въ XVI вѣкѣ, окружены другою стѣной, выстроенной при царѣ Феодорѣ Ивановичѣ въ 1592 г., русскимъ мастеромъ Феодоромъ Конь, съ 28-ю башнями и 9-ю воротами, образуя такъ наз. Бѣлый-Городъ. Развалины этой стѣны разобраны при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ настоящее время отъ нихъ ничего не осталось кромѣ названій воротъ, какъ-то Тверскія ворота, Никитскія, Арбатскія и другія; тамъ же, гдѣ была самая стѣна, по приказанію императрицы Екатеринѣ II сдѣланы бульвары.

Рис. 146.

За Бѣлымъ Городомъ находился Земляной Городъ; его стѣны шли по Садовой (бульварами Зубовскимъ, Новинскимъ, Смоленскимъ и проч.). Стѣны его были деревянныя, толщиною въ три сажени, только Серпуховскія и Калужскія ворота были каменные, да позднѣе, вмѣсто Срѣтенскихъ воротъ была выстроена каменная Сухарева башня въ 1689 г., въ память Сухарева полка (рис. 146).

Во время бунта стрѣльцовъ полкъ Лаврентія Сухарева былъ расположенъ близъ Срѣтенскихъ воротъ. Когда Петръ извѣщенный о бунтѣ, прискакалъ въ Троицкую Лавру, то Лаврентій Сухаревъ, со своимъ полкомъ, явился туда одинъ изъ первыхъ. За этотъ подвигъ Петръ рѣшилъ въ честь полка Срѣтенскія ворота перестроить и сдѣлать каменныя. Двѣ каменные доски, вдѣланныя въ Су-

харевскія ворота, сохраняютъ слѣд. надписи: „Повелѣніемъ Благочестивѣйшихъ Тишайшихъ, Самодержавнѣйшихъ Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія і малыя і бѣлыя Россіи Самодержцевъ; по стрѣлецкому приказу. При сидѣннн въ томъ приказѣ Ивана Борисовича Троекурова“.

Вторая доска: „Построена во второмъ Стрѣлецкомъ полку по Земляному Городу у Срѣтенскихъ воротъ, а надъ тѣми воротами полаты и шатры съ часами, а подлѣ воротъ по обѣ стороны малые полаты, да казенный анбаръ, а позади воротъ къ новой Мѣщанской слободѣ, часовня съ кельями къ Николаевскому монастырю, что на Перервѣ, а начато то строеніе строить въ лѣто 7200 (1692), а совершено 7203 (1695), а въ то время будущаго у того полку стольника и полковника Лаврентія Понкратьева Сухарева“.

Спустя года три, на башнѣ сдѣланы измѣненія. Новѣйшія же изслѣдованія Сухаревой башни открываютъ многія передѣлки еще болѣе позднія, такъ напр. середина верхняго этажа первоначально была открыта, заложена же сравнительно недавно; низъ башни не имѣлъ третьяго этажа, — онъ заканчивался парапетомъ 2-го этажа, сохранившимся и до нынѣ слѣд. четыре существующія небольшія шатрика, около башни, были открыты; галлеи второго этажа, тоже были, открыты; желѣзный навѣсъ, очевидно, поздній. Стиль этой башни напоминаетъ Нарышкинскія постройки и принадлежитъ къ періоду упадка, когда вліяніе Запада уже было сильно. Народъ эту башню, по высотѣ ея, прозвалъ „невѣстой Ивана Великаго“.

Итакъ, Москва была огорожена тройнымъ рядомъ укрѣпленныхъ стѣнъ. Первый, Кремль съ Китай-Городомъ,

второй, стѣны Бѣлаго Города и наконецъ Земляной городъ. Сухарева башня, какъ постройка Петровскаго времени, принадлежитъ, какъ сказано выше, къ послѣднему періоду русскаго искусства, потому что вельдъ заэтимъ перестаютъ строить въ русскомъ вкусѣ, наступаетъ новое время когда начинаются постройки огромныхъ зданій съ классическими фасадами, не имѣющими, уже рѣшительно, никакой связи съ нашимъ русскимъ искусствомъ. Русское искусство съ этой поры вытѣсняется произведеніями запада.

Поправки

<i>Стран.</i>	<i>Сверху.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
Въ содерж.	12 стр	...56 - 50	... 46—50
49	26 —	Сдѣланной на ней	Сдѣланной на храмѣ
113	15 —	Чудовъ монастырь	Храмъ въ Чудовомъ монастырѣ.
118	6 —	Она еще видна	видна еще другая подобная же церковь
154	28 —	въ ц. (рис. 82)	въ ц. св. Николая Явленнаго, на Арбатѣ, въ Москвѣ (рис. 82)

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES (ave)
AA 1181 P28 C.1
Istorija ruskoj arhitekture /

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES (ave)
AA 1181 P28 C.1
Istoriia russkoj arkhitektury /

